

Институт философии РАН
Русское общество истории и философии науки

**Первый Конгресс Русского общества истории и
философии науки
«История и философия науки в эпоху
перемен»**

Том 5

Сборник научных статей

Москва
Русское общество истории и философии науки
2018

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
И90

Рецензенты:

*Филатов Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор
Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, профессор*

*Научная редакция и составление - И.Т. Касавин, Т.Д. Соколова,
Н.С. Автономова, И.Н. Грифцова, М.С. Киселева,
И.Д. Невважай, И.Е. Сироткина, Г.В. Соруна, Л.Б. Сукина.*

И90 История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей /
Научн. ред. и сост. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, Н.С. Автономовой,
И.Н. Грифцовой, М.С. Киселевой, И.Д. Невважая, И.Е. Сироткиной,
Г.В. Сориной, Л.Б. Сукиной: В 6 томах. Т. 5. [Электронный ресурс]. – Москва:
Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2018. – 130 с.
ISBN 978-5-6041212-4-5. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2018t5.pdf>

ISBN 978-5-6041212-4-5 (Т. 5)
ISBN 978-5-6041212-6-9

В сборнике публикуются материалы участников Первого Конгресса Русского общества истории и философии науки (14-16 сентября 2018 года, Москва). В третий том вошли работы участников секция «Философия и история гуманитарных наук» и «Логика и риторика науки», круглого стола «Философия нормативных наук». На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6041212-4-5 (Т. 5)

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22

*Издается по решению Ученого совета
Института философии РАН.*

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект №18-011-20003 з*

© Русское общество истории и философии науки, 2018

ЧАСТЬ 1

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Розин В.М.</i> Особенности гуманитарного подхода и науки.....	5
<i>Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л.</i> Эволюция научной онтологии.....	8
<i>Киселева М.С.</i> Методологические перспективы гуманитарных наук: человек и человек текста.....	10
<i>Автономова Н.С.</i> Роман Якобсон: «русский филолог» в философской перспективе.....	13
<i>Пилюгина М.А.</i> Интерпретация как междисциплинарный метод понимания социально- исторических смыслов.....	15
<i>Сукина Л.Б.</i> Феноменологический подход в историческом источниковедении и проблема «понимания» человека прошлого.....	18
<i>Троицкий Ю.Л.</i> Digital Humanities: от аналитики эго-документов к пониманию сложных событий.....	20
<i>Жигмытов Ц.В.</i> Против антропоцентризма (полемиические размышления над книгой М.Н.Эпштейна «От знания — к творчеству»).....	22
<i>Вольф М.Н.</i> Дискуссии об истории философии: XX в.....	24
<i>Смирнова Н.М.</i> Науки о человеке перед лицом «натуралистического вызова».....	27
<i>Gniazdowski A.</i> Expressionist Historiography of the Warsaw School of the History of Ideas.....	29
<i>Касавина Н.А.</i> Как возможна экзистенциальная философия науки?.....	32
<i>Krasicki Y.</i> Imagination and Science. In Search of the Integral Image of Man.....	34
<i>Золотухина-Аболина Е.В.</i> О специфике гуманитарно-философского знания.....	36
<i>Кантор В.К.</i> Философский контекст литературы.....	39
<i>Микешин М.И.</i> Литературоцентризм и его прелести.....	41
<i>Корчинский А.В.</i> Об эпистемологии литературы.....	44
<i>Киссель В.С.</i> Homo Ludens: The Theory of Theatricality and the philosophy of the human person.....	46
<i>Чумакова Т.В.</i> Религия и/или наука: православные священнослужители - исследователи антропологии религии в России XIX – нач. XX вв.....	49
<i>Шахнович М.М.</i> Российские исследователи истории христианства на Западе (вторая половина XIX – первая четверть XX в.).....	51
<i>Баженова О.Д.</i> Методология искусствоведения в контексте философского знания. Русская деревянная скульптура и сакральное пространство.....	53
<i>Бессчетнова Е.В.</i> Интеллектуальное моделирование диалога как реконструкция «контекста эпохи» (на примере диалога В.С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева).....	56
<i>Люкс Л.</i> Георгий Федотов как аналитик европейского кризиса XX века.....	58
<i>Загуменнов А.В.</i> Две точки зрения на этническую психологию языка: очертания парадигмы И.А. Бодуэна де Куртенэ – Г.Г. Шпета.....	61
<i>Злотникова Т.С.</i> Человек и его тексты в российской массовой культуре: перемена парадигмы.....	63
<i>Густякова Д.Ю.</i> Два текста русской оперной классики: авторская версия и современная интерпретация.....	65
<i>Ефремов О.А.</i> Актуальные проблемы исследования современного этапа российской модернизации.....	68
<i>Пронин М.А.</i> К вопросу о проекте нового Института человека РАН, или Институт человека-3.0.....	71
<i>Николина Н.В.</i> Эпистема и картина мира: сходство и различие.....	73

ЧАСТЬ 2

ЛОГИКА И РИТОРИКА НАУКИ

<i>Демина Л.А.</i> Риторико-герменевтическая парадигма в истории и философии науки.....	76
<i>Сорина Г.В., Грифцова И.Н.</i> Риторическая составляющая неформальной аналитики текста.....	78
<i>Малюкова О.В.</i> Становление риторики науки. Argumentum ad decretorium experimentum.....	81

<i>Линьков В.В.</i> Дискурсивность и убедительность научных исследований.....	84
<i>Ершова О.В.</i> Аргументы за пересмотр научного консенсуса в истории ОТО.....	87
<i>Козлова Н.Ю.</i> Риторика науки: образность в научном дискурсе.....	90
<i>Останина О.А.</i> К вопросу о понятийной форме исторического познания.....	92
<i>Антаков С.М.</i> Логическая реконструкция определения истины у Пирса.....	94
<i>Скрипник К.Д.</i> Философско-научный эпистолярый: Феномен леди Уэлби.....	96
<i>Лисанюк Е.Н., Воеводин Н.М.</i> Лечить или не лечить безнадежного пациента? Аргумент к добродетели Платона vs аргумент к пациенту Аристотеля.....	99
<i>Мартинкус П.П.</i> Панентеистический аргумент и современное естествознание.....	101
<i>Шапиро О.А.</i> Трансформация научно-популярного текста в эпоху электронной текстовой культуры.....	104
<i>Мартишина Н.И.</i> Образ науки в художественном дискурсе российской утопии и антиутопии.....	106
<i>Вострикова Е.В.</i> Языковые различия и универсальность познания и мышления.....	109
<i>Куслий П.С.</i> Реальность и значение языковых различий.....	111

ЧАСТЬ 3

ФИЛОСОФИЯ НОРМАТИВНЫХ НАУК

<i>Невважай И.Д.</i> Строение и функции теории в нормативных науках.....	114
<i>Карташева А.А.</i> Понятие «результаты интеллектуальной деятельности» в медицине: философский анализ.....	116
<i>Косыхин В.Г.</i> Эпистемологический статус объекта в объект-ориентированной онтологии Грэма Хармана.....	119
<i>Тетюев Л.И.</i> Теоретические основы этики дискурса (Кант, Хабермас, Апель).....	124
<i>Хмелевская С.А.</i> Право в ракурсе рефлексивных и валюативных философских оснований.. <i>Шенцева Е.А.</i> Топологический дискурс (идеи к топологической философии).....	128

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ОСОБЕННОСТИ ГУМАНИТАРНОГО ПОДХОДА И НАУКИ

Вадим Маркович Розин

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: rozinvm@gmail.com

В статье гуманитарные науки сопоставляются с естественными, анализируются как их принципиальные отличия, так и сближение в последнее время. Указываются исторические предпосылки становления гуманитарных наук, а также трудности определения специфики гуманитарного подхода и науки. Перечисляются такие особенности гуманитарных наук как зависимость выделения ее объектов от позиции исследователя, множественность трактовок в разных гуманитарных концепциях одинаковых феноменов, рефлексивный характер гуманитарных знаний, ориентация на истолкование текстов и гуманитарные практики и другие. Решая вопрос о соотношении естественнонаучного и гуманитарного подходов, нужно учесть, что часто возникают ножницы между методологической программой ученого и его реальной работой – он может заявлять один подход, но работать в рамках другого.

Ключевые слова: наука, гуманитарная, естественная, подход, предпосылки, знание, теория, мышление, дискурс, идеал.

FEATURES OF THE HUMANITARIAN APPROACH AND SCIENCE

Vadim M. Rozin

Dr.Sc. in Philosophy, Prof., Chief Research Fellow

Institute of philosophy of RAS

E-mail: rozinvm@gmail.com

In the article, the humanities are compared with the natural sciences, their principal differences as well as the recent rapprochement are analyzed. The historical preconditions for the development of the humanities are indicated, as well as the difficulties in determining the specificity of the humanitarian approach and science. Such features of the humanities as the dependence of the separation of its objects from the position of the researcher, the plurality of interpretations in different humanitarian concepts of the same phenomena, the reflexive nature of humanitarian knowledge, the orientation on the interpretation of texts and humanitarian practices, and others are listed. When solving the question of the relationship between the natural and humanitarian approaches, one must take into account that scissors often arise between the scientist's methodological program and his real work – he can declare one approach, but work within the framework of another.

Keywords: science, humanitarian, natural, approach, premises, knowledge, theory, thinking, discourse, ideal.

1. Обычно гуманитарные науки противопоставляются естественным. Еще в 1927 году в работе «Исторический смысл психологического кризиса» создатель советской психологии Л.С.Выготский писал: «Существуют две психологии - естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая» [Выготский, 1981: 381]. Здесь Выготский полемизирует с В. Дильтеем, от которого начинается гуманитарный подход и наука. Во второй половине XX столетия противостояние двух психологий не только сохранилось, но и

сложилось характерное для нашего времени разделение психологии на естественнонаучные и гуманитарные школы.

2. Можно указать несколько предпосылок становления гуманитарных наук. Одной из них было возросшее значение в культуре личности, частных форм жизни, отдельных подходов в науке. Другой, проблемы и трудности, возникшие в результате распространения в XIX веке естественнонаучного подхода на человека, историю, культуру, социальные явления. Проблемы, с точки зрения ряда ученых и философов, а не вообще; известно, что до сих пор многие специалисты пытаются реализовать естественнонаучный подход. Определенное значение сыграло и осознание новых способов мышления, характерных для истории, искусствознания, культурологии, социологии, языкознания, права, этики и других родственных им научных (позднее они получили название гуманитарных или социальных). Речь идет, например, о методах реконструкции текстов, представление материала сквозь призму ценностей исследователя, этической интерпретации знаний.

Развитие в XIX веке гуманитарных и социальных дисциплин способствовало осознанию того обстоятельства, что естественная наука и математика больше не могут рассматриваться как идеал науки. Но именно таков был отрефлектированный Кантом идеал научности. Одним из первых критиков этого идеала был Ф. Шлейермахер. Философия, по его мнению, должна изучать не чистое мышление (теоретическое и естественнонаучное), а повседневную обыденную жизнь; философия «не может быть отделена от истории и конкретного человеческого опыта», должна включать в себя «анализ искусства, религии, этики, политики и языка» [Михайлов, 1984: 34]. Другая важнейшая установка Шлейермахера, оказавшая большое влияние на взгляды Вильяма Дильтея, - необходимость поворота в познании от выявления общих законов к единичному и индивидуальному.

2. Если вначале (Рикерт, Дильтей) естественные и гуманитарные науки резко противопоставлялись, рассматривались как чужеродные, то в настоящее время между ними устанавливаются связи. Интересна позиция М. Бахтина, который в вопросе о специфике гуманитарного познания, как принципиально отличного от естественнонаучного, колеблется. С одной стороны, он считает, что гуманитарная наука изучает уникальные индивидуальные объекты, причем рефлексивно. «Если понимать текст широко, как всякий связанный знаковый комплекс, то искусствоведение имеет дело с текстами. Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе)... Науки о духе. Дух не может быть дан как вещь (прямой объект естественной науки), а только в знаковом выражении, реализации в текстах... Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения... Возникает вопрос, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями... не выходят ли они за рамки обобщающего научного познания. Конечно, может» [Бахтин, 1979: 281, 283, 285, 287].

С другой стороны, Бахтин склонен связывать гуманитарное и естественнонаучное познание [Там же: 349], однако, не показывает, как это возможно. «Гуманитарные науки, - усиливает мысль Бахтина Г. Д. Гачев, - все более прибегают ныне к методам точных наук... идя на сближение с естественными, пользуются методами и результатами последних» [Гачев, 1981: 109]. В чем же все-таки специфика гуманитарного познания?

Действительно гуманитарные науки используют в некоторых своих областях естественнонаучные методы. Тем не менее, они, во-первых, переосмысливают эти методы на свой гуманитарный лад, во-вторых, фиксируют их малую эффективность по сравнению с традиционными собственно гуманитарными методами исследования. В целом приходится признать, что неясно, в чем же заключается специфика гуманитарных наук и форм мышления, почему все-таки нельзя человека или общество изучать так же, как в естественных науках, каковы реальные отношения этих двух полярных видов научного мышления.

3. На мой взгляд, важно не то, чем пишет ученый - о природе или культуре, о системах или коммуникации, а то, как он при этом мыслит и на что ориентирует свои знания в плане их дальнейшего использования. Представитель искусствознания, говоря о первой природе или человеке (культуре, обществе и т. п.), ориентируется в плане использования своих знаний на практики инженерного типа, где основные задачи - *прогнозирование, расчет и управление* явлениями. Кроме того, он описывает эти явления (именно для того, чтобы решить указанные задачи) как *механизмы*, добиваясь в эксперименте *соответствия* между изучаемым феноменом

и математической конструкцией, описывающей его (в результате эта конструкция становится *математической моделью*, что и позволяет на ее основе вести расчеты, прогнозирование и строить управляющие воздействия).

Гуманитарий, опять же неважно, что он описывает - психику, культуру или природу, ориентирован не на инженерию, а на уникальную гуманитарную ситуацию, например, *понимание, разрешение собственной экзистенциальной ситуации, общение по поводу какой-то проблемы* и прочее. При этом, исследуя явление, он движется одновременно в двух плоскостях: *строит идеальный объект, необходимый для разворачивания теоретического дискурса, и разрешает и проживает свою уникальную гуманитарную ситуацию*. Именно второе движение, вероятно, является ведущим в том смысле, что идеальный объект и теоретические построения в гуманитарном исследовании строятся так, чтобы можно было разрешить и прожить жизненную ситуацию, а не наоборот.

4. Гуманитарное познание в лучших своих образцах имеет все черты нормальной науки, а именно, *опирается на факты, отображает реальность методом конструирования идеальных объектов, если нужно, оформляется в теорию*. Это так сказать, инвариантные характеристики науки, одинаковые для естествознания и гуманитарного подхода. Специфика гуманитарной науки в другом.

Во-первых, гуманитарная наука изучает не природные явления, а такие, которые имеют отношение к человеку (самого человека, произведения искусств, культуру и прочее). Во-вторых, гуманитарные знания используются не с целью прогнозирования и управления, а для понимания или гуманитарного воздействия, например, педагогического. В-третьих, в гуманитарном познании ученый проводит свой взгляд на явление, отстаивает свои ценности; это не ценности прогнозирования и управления явлением, а ценности личности гуманитария, причем различные у разных ученых. В-четвертых, гуманитарное познание разворачивается в пространстве разных точек зрения и подходов, в силу чего гуманитарий вынужден позиционироваться в этом «поле», заявляя особенности своего подхода и видения. В-пятых, хотя начинается гуманитарное познание с истолкования текстов и их авторского понимания, но затем гуманитарий переходит к объяснению предложенного им истолкования, что предполагает изучение самого явления. В-шестых, гуманитарное научное познание – не только познание, но одновременно и взаимоотношение ученого и изучаемого явления.

5. Решая вопрос о соотношении естественнонаучного и гуманитарного подходов, нужно учесть, что часто возникают ножницы между методологической программой ученого и его реальной работой; он может заявлять один подход, но работать в рамках другого. Например, З.Фрейд заявляет естественнонаучный подход, но в ряде случаев (объяснение сновидений, юмора, описок, частично, творчества и психических заболеваний) действует как гуманитарий. Так, он рассматривает феноменологию сознания как тексты, истолковывает их, проводит при этом свои ценности (трактует поведение как принципиальный конфликт – человека с культурой, сознания с бессознательным, психотерапевта с клиентом). И одновременно при этом Фрейд в полном согласии с духом естествознания пытается представить психику как механизм [Розин, 2005: 143-169]. В подобных случаях, действительно, кажется, что происходит сближение естественнонаучного и гуманитарного подходов, но на самом деле фактически формируются новые, смешанные и, отчасти, эклектические стратегии научного познания. Сформулировать особенности этих новых стратегий науки еще предстоит.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 341 с.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса (методологическое исследование). Собр. Соч.: В 6 т. Т.1. 1981. С. 291-436.
3. Гачев Г.Д. О возможном содействии гуманитарных наук развитию естественных // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. - М.: Наука, 1981. С. 68-80
4. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика. Минск, 1984. 191 с.
5. Розин В.М.. Психология: наука и практика. М., 2005. 544 с.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОЙ ОНТОЛОГИИ

Федор Николаевич Блюхер
Институт философии РАН

Сергей Львович Гурко
Институт философии РАН

Авторы отстаивают положение, согласно которому исторический переход от логической к математической онтологии, объясняемый не в последнюю очередь сложностью (в вычислительном смысле) эмпирического знания, неизбежно должен распространиться и на гуманитарные науки. Поскольку же развитие математики теперь неразрывно связано с алгоритмизацией доказательств, то и гуманитарным наукам предстоит компьютеризация не в инструментальном только, но и в парадигматическом смысле. Репрезентативность данных, доказательность аргументов, объяснительная метафорика и самый статус научного результата будут во всё большей степени определяться математическими интуициями и компьютеризированными алгоритмами.

Ключевые слова: субстанциализм, функционализм, математизация, эмпиризм, сложность.

EVOLUTION OF SCIENTIFIC ONTOLOGY

Fedor N. Blyukher
RAS Institute of Philosophy

Sergey L. Gurko
RAS Institute of Philosophy

The authors defend the thesis that a historical transition from a logical to a mathematical ontology, explained not least by the complexity (in the computational sense) of empirical knowledge, must inevitably spread to the humanities. Since the development of mathematics is now inextricably linked with the algorithmization of proof, then the humanities will have to be computerized not only in the instrumental, but also in the paradigmatic sense. Representativeness of the data, proof level of arguments, system of explanatory metaphors and the very status of the scientific result will increasingly be determined by mathematical intuitions and computerized algorithms.

Keywords: substantialism, functionalism, mathematization, empiricism, complexity.

Наиболее старая из известных нам форм мироописания оперирует именами собственными. Это могут быть персонифицированные стихии или эпические герои, но в любом случае это отчётливо различимые индивиды с устойчивыми наборами атрибутов. Инструментарием для рациональных построений в такой модели выступает логика: достаточно приписывать предикаты субъектам, строить суждения и обнаруживать противоречия. И, хотя античная математика разрабатывает для практических целей приёмы, напоминающие будущее исчисление бесконечно малых, идея бесконечности служит скорее индикатором ошибки. Достаточно вспомнить, как бесконечное деление используется в парадоксах Зенона для указания на противоречивость понятия движения. И даже атомизм демокритовского типа, предлагающий, кстати, одно из ранних противоядий против Зенона, принадлежит к той же описательной традиции: просто предлагается рассматривать весьма большое число экземпляров объектов, принадлежащих к ограниченному числу типов, характеризуемых весьма небольшим числом параметров (форма и размер). Одним словом, описание, опирающееся на понятие индивида или атома, с неизбежностью предполагает субстанциализм. С операциональной простотой субстанциалистского описания хорошо согласуется и логика как инструментарий, и, например, социальная модель полиса, когда плотность системы связей между индивидами позволяет принимать разумные решения на основе таких квази-

субстанциальных характеристик, как репутация. И целочисленная арифметика, и евклидова геометрия соотносятся с таким подходом. В основе его — исчисление регулярностей: доказано, что есть лишь пять платоновых тел, значит следует попытаться ограничиться в описании мира этой схемой.

Принципиальная разница логической онтологии и математической в том, что логика интуитивно «более понятна» человеку, она, если можно так сказать, человекообразна.

Можно привести пример различия логического понятия с пустым объёмом, например, «летающие крокодилы», и пустым множеством в математике. Пустой объем понятия противоречив, и логические операции (например, построение классификации) с подобными понятиями показывают на наличие логической ошибки, сделанной в основаниях классификации. Операции с пустым множеством — просто часть стандартных операций. Метафорически можно сказать, что если с логической точки зрения молиться богу — ошибка, потому что его наличие не доказано, то с математической точки зрения — это просто действие, смысл которого в самом этом действии, и если молитва «обнуляет» те проблемы, которые были до молитвы, — значит, она работает.

Переход к науке Нового времени происходил через отказ от картины мира, основанной на логике Аристотеля, в пользу картины мира, основанной на математике. Для новой физики нужна была другая операциональная картина мира, основанная на алгебре. Только в силу такой математизации можно понять и субстанцию Спинозы как актуально действующий «принцип причинности», и множественность миров Лейбница.

Однако уже с XIX века экономисты, первые из представителей наук о человеке, начинают работать в методологии математики (Мальтус, Рикардо, Маркс.) Например, у Маркса субъектами исторического процесса выступали классы, то есть функционально определяемые множества. Правда, стремление получить простое изложение привело к предельно упрощённой бинарной схеме, отягощённой к тому же рецидивами субстанциализма, обнаруживаемого, например, в понятии «классового происхождения». Новая экономическая наука возникает в XX веке и связана с исследованием не «богатства», а «экономического поведения». Ключевыми в современной экономике оказываются работы А. Маршалла, Парето (1909), метод Эджуорда (кривые безразличия) (1881), позволившие применить концепт «выпуклого множества» и на этой базе сформулировать (Самуэльсон, 1947, Хикс, 1939) идею устойчивого равновесия экономической системы. Начиная с работ Дебре и Эрроу (1949 — 1951) и создания теории глобального экономического равновесия экономическая наука становится теоретической дисциплиной и мало чем отличается по методу от естествознания.

В XX веке по тому же пути с использованием теории игр и стратегии Анатолия Раппопорта идет социология.

Не отстают и другие гуманитарные науки. Марксистское материалистическое объяснение истории — не столько законченная теория, сколько постановка вопроса о возможности объяснения истории человечества не только в неопределённых терминах «народа и вождей», но, практически, в математических терминах «классов». С созданием школы Анналов изменяется предмет исторической науки: внимание историков смещается от единичного события, связанного с исторической личностью, к серийным событиям, объясняющим функционирование идеализированных объектов, таких как «Смерть», «Чудо», «Университет». Еще решительней вводит новые исторические объекты Ф. Бродель. Его новая методология исходит из экономической теории С. Кузнеца и отдаёт предпочтение экономико-географическим объяснениям перед такими конструктами, как «дух капитализма» или «философия денег». Новая экономическая история возникновения капитализма обнаруживает и новые задачи, например, такие историко-экономические загадки как стабильность фунта стерлингов в течении 230 лет или постоянство убыточной торговли европейских купцов с русским портом Нарвой.

Сходные процессы идут и в науках о языке. Традиционно разница между филологией и лингвистикой заключалась не только в том, что филология изучает тексты, а лингвистика — язык. Существуют и различия метода. Филология использует традиционный историко-сравнительный эмпирический метод. Лингвистика — теоретический подход. Так, переписка московского и петербургского цензоров духовной литературы во второй половине XIX века показывает, что заведующий кафедрой филологии петербургского университета, исполняющий обязанности цензора, настаивает на нормативном подходе к редактированию священных текстов, а его коллега из московского университета — на историческом. Создание

национальных корпусов языков, в том числе и русского, впервые создало возможность эмпирической проверки исследования на большом массиве текстов.

И этот процесс «математизации» гуманитарного знания не прекратился и не замедлился. Теория игр и теория управления, статистические и вероятностные подходы, топология и теория категорий — всё идёт в дело. Математика оказывается не столько инструментарием гуманитария (в виде, например, прикладных методов матстатистики в социологии или лингвистике), сколько источником теоретических интуиций. Так, Пенроуз строит теорию сознания, обращаясь к концепции квантовомеханической неопределённости.

Можно предположить, что по крайней мере одной из причин изменения онтологических оснований, в том числе и перехода от опоры на логику к опоре на всё более сложные математические теории, является эмпирический настрой нововременного знания, уклониться от которого не позволит технологичность современной цивилизации. Объем данных, подлежащих упаковке в теоретическую оболочку, систематически возрастает. Кеплеру понадобилась продвинутая математика, чтобы выразить в аналитической форме результаты наблюдений Тихо Браге. Точно также и для выражения закономерностей в социологии или экономике приходится обращаться уже не к субстанциальной определённости пифагорейских чисел, а к функционально описанным закономерностям, согласующимся с экспериментальными данными. Но напор сохранного и доступного для анализа материала всё возрастает, и вот мы уже видим, как бремя доказательства математических положений оказывается вне пределов возможностей отдельного человека. Недавно ушедший филдсовский лауреат Воеводин прославился именно разработкой способа представления математической проблемы в виде, допускающем алгоритмическое доказательство средствами компьютера. Это даже не *Mathesis universalis* с машиной Луллия и логическим исчислением Лейбница. Ведь проверка полученного компьютером доказательства окажется человеку недоступной. Но, тем не менее, гомотопическая теория типов — настоящая современная математическая теория, человеческая по происхождению и нечеловеческая по применению. Вероятно, именно таково будущее. Естественникам — приготовиться, гуманитарии, как обычно, могут рассчитывать на некоторую отсрочку.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕК ТЕКСТА

Марина Сергеевна Киселева

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: markiseleva@gmail.com

В докладе автор сосредоточен на выявлении перспектив методологических стратегий гуманитарных наук, ориентированных на человека. Вопрос о вариантах концепции «человек» в «текстовой» парадигме гуманитарных наук ведет к необходимости различать концепты «человек» и «человек текста», равно как и понимание механизма их связи. Автор полагает, что подразумеваемое или явное введение в предметную область исследований историком, филологом или философом концепта «человек» открывает междисциплинарную область взаимодействия гуманитарных наук, необходимую для успеха коммуникаций, а также новых возможностей в проведении дисциплинарных гуманитарных исследований.

Ключевые слова: человек, человек текста, текст, гуманитарные науки, структурализм, М.Бахтин, Ю. Лотман, Ю. Кристева.

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF HUMANITIES: HUMAN BEING AND TEXT'S MAN

Marina S. Kiseleva

Dr.Sc. in Philosophy, Prof., Chief Research Fellow

Institute of philosophy of RAS

My talk is about the possible perspectives in human-centered methodological strategies of humanities. We need to clarify the issue of the "man"-concept within the "textual" paradigm of humanities. The diversity of approaches in the last decades of the humanities shows variety of the tools thereof. Therefore, a reflection on the distinction between the concept of "man" and that of "man of the text" is urgent, as well as their connections. The author believes that either a hidden (implied), or explicit introduction into the subject field of research by a historian, philologist or philosopher of the concept of "man" shifts the humanities to the interdisciplinary field, which is necessary for a scientist to succeed and to preserve the communicative component in humanitarian research.

Keywords: interdisciplinary field, humanitarian research, «man», «text's man», Structuralism, M. Bakhtin, Y. Lotman, J. Kristeva.

1. Гуманитарные науки как особый тип «текстового» знания активно разрабатывался в СССР с 60-х гг. XX в. Тартуско-московской школой. Позиция Лотмана позже была определена М.Ю. Лотманом как «текстоцентричная» [Леута, 2009: 294 -309]. Исток этой концептуализации - в трудах М.М. Бахтина, хотя отношение ТМШ и Бахтина достаточно сложные, при всем уважении к авторитету последнего. Известно высказывание мэтра о специфике гуманитарных наук: «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...» [Бахтин, 1979: 285]. Обращаю внимание *на связь* трех концептов: «человек», «текст», «гуманитарные науки». Влияние русской формальной школы 20-х гг. XX в., а затем структуралистов и постструктуралистов (Р.Барт, Ю.Кристева, Ж.Деррида и др.) обнаруживается не только в разработке теории художественного текста, но и в лингвистике, что также взаимно дополняет «текстовость» гуманитаристики. Однако в 60-е гг. мировой опыт в разработке структуралистских и постструктуралистских парадигм для советских ученых был практически недоступен. В «текстовой» концепции гуманитарности для гуманитариев того периода очевидна возможность уйти в такую область исследований, новации в которой далеки от непосредственного идеологического контроля.

2. Ю.М. Лотман представил функциональную способность интеллектуальной деятельности человека как «текст», выраженный в трех аспектах: 1) передачи имеющейся информации, под которой он понимал текст; 2) создании новой информации (текстов), не по заданным известным алгоритмам, а обладающей «определенной степенью непредсказуемости»; 3) способности памяти хранить и воспроизводить информацию (тексты). Для Лотмана важна связь текстового пространства-человека-социума: «В целом эти три раздела призваны показать работу обволакивающего человека и человеческое общество семиотического пространства как интеллектуального мира, находящегося в постоянном взаимном общении с индивидуальным интеллектуальным миром человека» [Лотман, 1996: 5].

3. Концепция текста Лотмана, предполагает «ценность» сохранения мира человека как важнейшей инстанции для семиотической конструкции. Но не только. Лотман особенно заботливо относился к этому аргументу в своих исследованиях по истории литературы и культуры. В конце 50-х – нач. 60-х гг. советской науке стали известны достижения кибернетики, новации в области исследований мозга и др. Состояние думающих умов, как «физиков», так и «лириков» того времени было бы справедливо определить как переживаемую ими «гуманитарную революцию в контексте общенаучной», ибо продуктивность методов естественных наук, прежде всего, структурно-функционального подхода, «полушарных» исследований мозга человека, перспектив машинного перевода и т.д. имела абсолютную востребованность, и прежде всего в работах ТМШ.

4. В основаниях лотмановской «ценностной» парадигмы в отношении человека и текста лежит определенное влияние историко-филологической школы его учителей, прежде всего, профессора Н.И. Мордовченко, с индуктивным методом, проверкой фактов, научной требовательностью и пр. [Егоров, 1999:42-43]. Однако не только это. В работе «Клио на распутье» Лотман говорит о проблеме как исследователь, лично включенный в исторический процесс: «Переживаемое нами время есть время итогов, время «концов»: кончается XX век, кончается тысячелетие, прошедшее после крещения Руси – фактически первое тысячелетие

русской культуры, кончается второе тысячелетие существования новой европейской культуры» [Лотман, 1992: 464]. Каково же осмысление этого масштабного фрагмента истории человечества?

По Лотману, система координат осмысления истории включает: 1) взгляд в прошлое из будущего, устанавливающий связь между «рассказом о прошлом» и образом «результата», ведущий к поиску закономерности исторического процесса, соединив историю и утопию; 2) представление об «идеальной модели истории», чему сильно способствовала идея прогресса.

Осмысляя задачи русской истории 90-х гг. XX в., Лотман критически отнесся как гегелевской, так и просвещенческой исторической модели. Движение истории, по его мысли, состоит в изменении отношения к акту сознательного. Но не как самопознания высшего субъекта в истории, и не как движения к «наконец-то» правильному решению исторической задачи, которая уже «правильно» решена европейскими странами. Лотман-«системщик» пишет: «акт самопознания мыслился как конец истории, между тем, если понимать сознание как выбор пути, он оказывается началом совершенного нового ее этапа» [Там же: 465]. Сознание выбирающего субъекта – это и есть ориентация на человека внутри «текстовой» гуманитаристики. Выбор из множества альтернатив возможно осуществить «интеллектуальной и волевой силой человека». Лотман не отказывает гуманитарным наукам в принципе причинности, однако считает, что необходимы «поиски» новых и более сложных «форм причинности», ее новых «моделей».

5. Как можно осуществить связь человека и «человека текста»? Лотман строг по отношению к «отечественной науке»: «можно указать на парадоксальное положение: как бы само собой разумеется, что историк может быть дилетантом в вопросах исторической психологии или лингвистики. В равной мере речь может пойти о и других «науках о человеке». История общественных институтов, борьбы социальных сил, идеологических течений, как бы отменила историю людей, отведя им роль статистов во всемирной драме человечества» [Там же: 466]. Логика его мысли – осознание необходимости междисциплинарности гуманитарных наук, главным осмысляемым лицом которых явится «человек», способный к выбору альтернатив. К этому высказыванию нельзя отнести как к очередной «утопии», продиктованной временем. Лотман тогда видел в методологии И. Пригожина дальнейшие возможности исследовательских новаций, среди которых «наука о человеке в целом из области научной периферии превращается в общенаучный методологический полигон» [Там же: 468].

6. Структуралистский «эффект» в СССР и во Франции был различен. Накопилось немало критической литературы, сравнивающей концепции Кристевой и Лотмана; способы, методы и цели в построении «текстовой» гуманитаристики французскими структуралистами/постструктуралистами и их коллегами в Тарту и Москве [Автономова, 2009: 338-369]. Принципиальное различие состоит в том, что семанализ Кристевой «теоретически» утверждает примат «литературной» логики как прагматики, где тексты способны наносить «удары» «буржуазным ценностям». Ее путь – путь деконструкции. Под этот каток попадает и человек, оставаясь в тексте лишь источником для психоаналитических композиций и их последовательных разрушений.

Лотман «моделирует, чтобы воспроизвести модальности производства смысла в художественном тексте, не имея в виду ни деконструкции, ни проблематизации истока художественного произведения... Его идея состояла в конечном итоге в том, чтобы бороться с забвением определенных сущностных культурных элементов, отыскивая их следы в современных феноменах и таким образом соединять пространства и времена в единое грандиозное полотно» [Ландольт, 2011: 109]. Закljučая автор пишет, что «они обладают разными кодами и не говорят на одном языке» [Там же]. Каждый автор сделал свой выбор в понимании проблемы «человека» и «человека текста».

Литература

1. Автономова Н.С. Ю.М. Лотман, переходящий в память // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 338-369.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
3. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю. Лотмана. М.: НЛЮ, 1999.
4. Ландольт Э. Один невозможный диалог вокруг семиотики: Юлия Кристева – Юрий

Лотман // НЛО, 2011. 109 с. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/la12.html> (дата обращения 30.10.2017)

5. Леута О.Н. Ю.М.Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман / Под ред. В.К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 294-309.

6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: «Языки русской культуры», 1996.

7. Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992.

РОМАН ЯКОБСОН: «РУССКИЙ ФИЛОЛОГ» В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Наталья Сергеевна Автономова

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: avtonomovanatalia@gmail.com

Автор считает, что идея структуры как таковой и идея структуры у Якобсона, являющиеся своего рода аналогом философской идеи объективности, приобретают в наши дни новое значение. Становится ясно, что Якобсон имеет дело с тем, что можно назвать «открытой структурой». Это многоуровневое понятие предполагает, в частности, что структура никогда не отчуждена от динамики, а также от значения, функции и цели, что различные формы лингвистического и культурного перевода (включая то, что можно назвать «концептуальным переводом») можно рассматривать как механизмы и процессы, существенно важные для любой области человеческого познания.

Ключевые слова: «русский филолог», язык, структура, история, объективность, «открытая структура», значение, функция, «концептуальный перевод».

ROMAN JAKOBSON: «RUSSIAN PHILOLOGIST» IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Natalia S. Avtonomova

Dr. of philosophical sciences, Chief Research Fellow

Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences

E-mail: avtonomovanatalia@gmail.com

The author maintains that the idea of structure in general and Jakobson's idea of structure being a kind of counterpart to the philosophic idea of objectivity, acquire in our days its new relevance. It becomes clear that Jakobson actually deals with what could be called «open structure». This multi-dimensional concept presupposes in particular that structure is never alienated from dynamics but also – from meaning, function and goal, that various forms of linguistic and cultural translation (including what might be called “conceptual translation”) are to be seen as mechanisms and processes crucially important for any sphere of human cognition.

Keywords: «Russian philologist», language, structure, history, objectivity, «open structure», meaning, function, «conceptual translation».

Том «Роман Осипович Якобсон» (1896-1982) вышел в свет в серии «Философия России первой половины XX века» [Якобсон, 2017], и это событие, можно надеяться, станет стимулом к новым обсуждениям места и роли якобсоновской концепции в истории и философии гуманитарных наук. Несколько лет назад имя Якобсона в проспекте серии «Философия России...», вызывало у некоторых удивление: какой же Якобсон – философ? Но ведь не обязательно быть профессиональным философом, чтобы влиять на философские размышления, ставить философски значимые вопросы. В конце концов, ни Эйнштейн, ни Бор не были философами в узком смысле слова, однако вряд ли можно назвать других мыслителей, которые бы породили столько философских дискуссий! Творчество Якобсона всегда вызывало споры, и сейчас мы видим свидетельства нового уровня этих дискуссий. Когда-то Якобсон сказал о себе,

перефразируя Теренция: «я языковед, и ничто связанное с языком, мне не чуждо». Однако Якобсон – «не только языковед»: его творчество многомерно и многопланово. Как отметил ученик Якобсона Морис Халле, оно заключается в том, чтобы «выявить место человека в мире» через анализ всего множества проявлений языка как главной способности человека. Вряд ли можно найти более глубокую характеристику цели и смысла якобсоновской программы исследований и одновременно всей его жизни, а они неразрывны.

Вполне справедливо говорят, что первая половина XX в., эпоха войн и революций, и особенно 1920-1930-е годы, - это «эпоха разлома», когда в познании и в жизни все перевернулось. Якобсон умел преодолевать эти жизненные и идейные разломы – и в мысли, и в личном общении. Он был во главе создания новых форм связи – научного общения и научной мысли – Московского лингвистического кружка, а также ОПОЯЗ'а (вместе эти научные сообщества предстают сейчас как «русский формализм»), Пражского лингвистического кружка, научных объединений в других странах, где ему доводилось жить и работать. Якобсон стремился наводить мосты между культурами, народами, языками, людьми – независимо от их социальных и политических различий: он был активным посредником между советской Россией и русской диаспорой, между прошлым русской науки и актуальной современностью (именно он ввел в научный обиход надолго забытых Выготского и Бахтина). Якобсон везде находил коллег, у которых учился, и которым открывал новое. С литературой и лингвистическими темами он работал в Праге, с когнитивистскими сюжетами – в Скандинавии, причем везде сотрудничал с людьми самых разных профессий: с Нильсом Бором – уже в Дании, а потом в Массачусетском технологическом институте, с биологами, генетиками, математиками - Франсуа Жакобом, Жаком Адамаром и др. – в Париже и Нью-Йорке и др.

Особым качеством, позволявшим Якобсону преодолевать культурные разломы и интеллектуальные разрывы, можно считать его сильную интуицию (интуицию целого): ее проявления можно видеть в его мыслительной способности к опережению во времени, к достраиванию в пространстве, к интенсификации мыслительных процессов – за счет введения аналогичных механизмов на разных уровнях знания. Одно из проявлений якобсоновской интуиции, имеющее философский смысл, я вижу в его идее сложного взаимодействия структуры и целостности [Якобсон, 2011: 39,76.]. Некоторые западные историки науки считают «целостность» (а также интуицию целого) в русской мысли вообще и у Якобсона, в частности, рецидивом метафизического мышления, пережитком романтической идеологии, эпистемологическим препятствием для построения научного понятия структуры. Однако, хотя у Якобсона понятия структуры и целостности иногда перекрещиваются, я вижу в этом не методологическую слабость, но скорее эвристический козырь – в числе прочего потому, что именно эта интуиция ориентировала Якобсона на анализ взаимодействий между понятиями и дисциплинами. В любом случае вопрос о том, берется ли при этом доминантная, направляющая для него идея целостности из русского культурного мира, в котором прошли его годы учения, из восточно-славянской традиции, в которой он долго жил и работал, из гуссерлевских и гегелевских философских источников, ему близких, – остается открытым.

Мысль, возникавшая на перекрестке культурных, интеллектуальных, социальных влияний, языков, дисциплин, традиций, должна была быть динамичной, неаприорной, несубстанциалистской, которая была бы способна учесть, например, роль «междупредметности» (именно это слово использовал Якобсон) в развитии науки. Соответственно его философия науки - путешественница, она умеет переходить барьеры и границы, переносить через них смыслы и ценности, переводить те или иные содержания из одного языка и культуры в другие языки и культуры. А потому мысль Якобсона - и в частности, его мысль о системе - не была системной в том смысле, что она не занималась обереганием границ – например, дисциплинарных, но смело вторгалась в новые пространства и находила там для себя стимулы к творчеству. Это не тот «структурализм», который затем опровергается условным «постструктурализмом» и в этом деформированном виде доходит до наших дней. В частности, Якобсон всегда подчеркивал роль «динамической синхронии», исторических аспектов изучения структуры.

Основной тезис доклада заключается в том, что идея структуры вообще и, в данном случае, идея структуры у Якобсона не относится лишь к истории. Выступая как некий аналог философской идеи объективности, она приобретает в наши дни новую актуальность. В любом случае это не догматическая и не статическая структура. Способ выявления структуры и построения структурной лингвистики у Якобсона никогда не предполагал отстранение

структуры от истории, от динамики, пронизывающей, в том числе, и синхронный подход к языку. И вместе с тем он никогда, даже в процессе формализации фонологического и других уровней языка, не отвлекался от аспекта значения, функции, цели. Фактически он имеет дело с тем, что стоило бы назвать «открытой структурой» [Автономова, 2014].

Методологическим обеспечением существования и функционирования «открытой структуры» выступают для Jakobsona, в частности, разного рода пере-ходы, пере-носы, пере-воды – сближения и соединения образов, понятий, схем; перенос (трансфер) объектов и методов из одной науки в другую, из одной знаковой системы в другую. Среди этих механизмов можно видеть те или иные виды «концептуального трансфера» или «концептуального перевода». В творчестве Jakobsona примерами этих видов перевода были и его дискуссии (с Леви-Строссом) относительно переноса структурных методов из науки о языке в антропологию, и трансфер некоторых механизмов «заумной поэзии» Хлебникова на теоретический уровень размышлений о структурной фонологии, и многие другие формы взаимоувязывания приемов и схем из самых разных дисциплин - семиотики, антропологии, биологии, генетики, нейрофизиологии, фольклора, исследований мифа и др. Исходный материал для этого всегда был у него под рукой, потому что Jakobson, как говорили его коллеги, всегда отличался поистине «всеохватным любопытством ко всему, что касалось коммуникации и языка». В процедурах «концептуального перевода» можно видеть эпистемологический вклад филологии в работу философии – на ее все еще незавершенном (и в принципе незавершимом!) лингвистическом повороте.

Литература

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Jakobson – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд. испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014 (первое изд.: М.: РОССПЭН, 2009).
2. Jakobson P. Формальная школа и современное русское литературоведение. М.: Языки славянских культур, 2011.
3. Роман Осипович Jakobson / под ред. Н.С.Автомоновой, Х. Барана, Т.Г. Щединой. М.: РОССПЭН, 2017. 583 с. – с илл. (Философия России первой половины XX века)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ МЕТОД ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ

Маргарита Алексеевна Пилюгина

*Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
E-mail: infinitatis@gmail.com*

В работе рассматривается интерпретация как общий метод понимания социально-гуманитарных смыслов. В результате исторического развития интерпретация понимается теперь не только как один из методов понимания, применимый к текстам или частным наукам, но представляет самостоятельную область научных исследований. Использование общих методов, исследовательских установок сохранялось при расширении области применимости данного метода. В силу этого единства истолкование способствует пониманию многообразия социально-исторических смыслов, которые окружают человека.

Ключевые слова: смысл, понимание, интерпретация, история, культура, память, опыт, человек, гуманитарное знание.

INTERPRETATION AS AN INTERDISCIPLINARY METHOD OF UNDERSTANDING THE SOCIO-HISTORICAL OF SENSES

Margarita A. Pilyugina

*CSc in Philosophy, Research Fellow
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
E-mail: infinitatis@gmail.com*

The work considers interpretation as a general method of understanding social and humanitarian senses. As a result of the historical development of interpretation is understood not only as a method of understanding applicable to texts or private science, but represents is an independent field of scientific research. The use of general methods and research installations was preserved when the field of applicability of this method expanded. Because of this unity, interpretation helps to understand the diversity of social and historical meanings that surround people.

Keywords: meaning, understanding, interpretation, history, culture, memory, experience, man, humanitarian knowledge.

Человеческое познание направлено на понимание окружающей действительности. Сформировав представление о внешнем мире посредством естественных наук, человек направил свое внимание на познание собственной природы и реальности — исторических, социальных и культурных феноменов и явлений. Проблемная междисциплинарная направленность современной науки ведет к использованию не только специальных, но и общенаучных, универсальных методов исследований.

Основной целью социально-гуманитарных наук является понимание смыслов изучаемых явлений, феноменов, текстов. Жизнь человека пронизана обилием содержаний и значений. Это актуализирует задачу систематизации воспринимаемой информации в согласованную систему знаний. Интерпретация является одним из методов познания, направленных на работу со смыслами, и при этом обладает универсальными свойствами, методологически объединяя социально-гуманитарное познание.

Для обоснования данного положения можно обратиться к (I) истории развития методологии интерпретации [См.: Кузнецов В.Г., 1991] и (II) её применению в социально-гуманитарных науках.

(I) Развиваясь в русле герменевтики, интерпретация прошла аналогичные основные точки роста, обращаясь к: (1) смыслам обыденных явлений и знаний, передаваемых в процессе обучения [См.: Адо Пьер, 2005; Пилюгина, 2015: 269-279]; (2) текстам, прежде всего Священного Писания, проблемам перевода и толкования [См.: Августин Блаженный, 1835]; (3) знанию и учёту для понимания филологических, исторических, культурных условий создания текста [См.: Спиноза, 1957]; (4) включению расширенного корпуса текстов (филологических, философских, исторических и т.д.) [См.: Шлейермахер, 2004; Ingram D, 2006: P. 199-224.]; (5) гуманитарному познанию (как основному методу исследования данных наук после обособления от естественных) [См.: Дильтей, 1988. С. 135-152.; Gimbel, 2006]; (6) «онтологии смысла» (понимание как ключевая способность человека) [См.: Хайдеггер, 2008. 528 с; Weberman]. Развитие интерпретации в контексте философской герменевтики, позволило использовать её не только как метод анализа текстов различного содержания – включение в её поле явлений, событий, артефактов (культурно-исторических, социальных и коммуникативных смыслов) [См.: Гадамер, 1988; Рикёр, 2008] происходило органично, используя уже выработанную методологию, постепенно уточняя её для конкретного объекта исследования.

(II) Развитие общества и сопутствующих сфер жизни (политики, культуры, науки, философии) способствовало обращению к исследованию человека, реальности, в которой он живет, и содержащихся в ней смыслов. В области социально-гуманитарных наук метод интерпретации является продуктивным и применяется при исследовании следующих исследовательских проблем: (1) самоопределение и идентификация человека (субъекта социальной, культурной, политической жизни); (2) традиции и новации (и различных аспектов памяти) [См.: Ассман Я., 2004; Хаттон, 2004]; (3) понимания социально-исторических событий, явлений и особенности деятельности ученого (социолога, историка) [См.: Мегилл, 2009]; (4) понимание в процессе коммуникации (как Другого, так и представителей других культур) [См.: Гирц, 2004.]; (5) понимание произведений искусства и артефактов культуры [См.: Daniel S. Dennett, 1995.].

Развитие социально-гуманитарных наук происходило путем накопления фактического, описательного материала, интерпретации полученных источников и данных, развития специальной методологии. Задача их состоит в определении причин, предпосылок изучаемых явлений и событий, возможных последствий, особенностей протекания или функционирования. Смысловая нагруженность и многомерность объектов социально-исторических исследований

требует использования общей методологии, позволяющей учитывать специфику конкретной проблемной области, но осуществляющейся по единым методологическим принципам. Интерпретация представляет собой такую объединяющую исследовательскую деятельность и предполагает включение нового знания и информации, опосредованного культурой, традицией или контекстом, в существующую картину мира (личную или научную).

История развития интерпретации через включение новых предметных и проблемных полей, представляет собой путь от конкретных приёмов, техник и методов к формированию их системы для частных дисциплин (риторика, логика, теория аргументации, филология, экзегетика, право, история) и далее – к формулированию интерпретации как общей методологии наук, обращенным к социально-культурным смыслам. Сегодня можно говорить, что интерпретация представляет собой относительно самостоятельную область исследований — теорию интерпретации.

Литература

1. Августин Блаженный. Христианская наука, или Основания св. герменевтики и церковного красноречия. Киев. 1835.
2. Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия / М., СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло». 2005. 448 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 2004. - 368 с.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2004. 560 с.
6. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004; 752 с.
7. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. № 4. 1988. С. 135-152.
8. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. Под редакцией: А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 648 с. ISBN 978-5-86793-968-7 ISSN 1815-7912.
9. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 192 с.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. 480 с.
11. Пилюгина М.А. Постановка проблемы интерпретации в античной философии // Философия и культура. 2015. № 2. С.269-279.
12. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008. 416с.
13. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. / Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. С. 5 – 284.
14. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект. 2008. 528 с.
15. Хаттон Х.П. История как искусство памяти. СПб.: изд-во «Владимир Даль». 2004. 423 с.
16. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: «Европейский Дом». 2004. 242 с.
17. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2003. 336 с.
18. Dennett Daniel C. The Interpretation of Texts, People and Other Artifacts // Philosophy and Phenomenological Research. L, Supplement, 177-94, Fall 1990. Reprinted // M. Losonsky, ed., Language and Mind: Contemporary Readings in Philosophy and Cognitive Science, Blackwells. 1995.
19. Gimbel E.W. The Status of Interpretation in the Philosophy and Practice of the Social Sciences. // Presented at The University of Minnesota Political Theory Colloquium, November 17, 2006. P.5.
20. Ingram D. Vico and the New Science of Interpretation: Beyond Philosophical Hermeneutics & the Hermeneutics of Suspicion // Issues in interpretation theory. 1. Hermeneutics. Marquette University Press. 2006. P. 199-224.
21. Weberman D. The Relational Properties Approach to a Theory of Interpretation // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Inte/InteWebe.htm>

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ПРОБЛЕМА «ПОНИМАНИЯ» ЧЕЛОВЕКА ПРОШЛОГО

Людмила Борисовна Сукина
Доктор исторических наук, профессор
Институт программных систем РАН
E-mail: lbsukina@gmail.com

В последнее время особую остроту приобрела проблема достоверности исторического знания и методов его получения. Это касается и данных исторических источников, на основе которых историки реконструируют прошлое. В последние десятилетия определенную популярность среди историков получил феноменологический подход, рассматривающий исторический источник как продукт интеллектуальной деятельности человека прошлого. Но содержание и смысл этого подхода в работах различных исследователей трактуются по-разному, а его перспективы для дальнейшего развития исторической науки оцениваются неоднозначно. В данном исследовании обобщаются и критически осмысливаются основные представления о феноменологическом подходе, которые сложились в современной российской историографии.

Ключевые слова: историческое знание, метод, исторический источник, феноменология.

PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN HISTORICAL SOURCE STUDY AND THE PROBLEM OF "UNDERSTANDING" A PERSON OF THE PAST

Liudmila B. Sukina
Dr.Sc. in history, Prof.
The Program Systems Institute of RAS
E-mail: lbsukina@gmail.com

In modern time, the problem of the reliability of historical knowledge and the methods of obtaining it has become particularly acute. This also applies to historical sources, on the basis of which historians reconstruct the past. A phenomenological approach that regards the historical source as a product of the intellectual activity of a person of the past has received a certain popularity among historians in recent decades. In this study, the basic ideas about the phenomenological approach that have developed in contemporary Russian historiography are generalized and critically interpreted.

Keywords: historical knowledge, method, historical source, phenomenology.

В современной социокультурной действительности особую остроту приобрела проблема достоверности исторического знания и методов его получения. Это касается и данных исторических источников, на основе которых историки реконструируют прошлое. В последние десятилетия определенную популярность среди историков получил феноменологический подход, рассматривающий исторический источник как продукт интеллектуальной деятельности человека прошлого. Но его содержание и смысл в работах различных исследователей трактуется по-разному, не однозначно оцениваются и его перспективы для дальнейшего развития исторически ориентированной гуманитаристики. В рамках данной работы попробуем суммировать и критически осмыслить основные представления о феноменологическом подходе, которые сложились в современной российской историографии.

Базой отечественной «исторической феноменологии» послужили результаты так называемого неокантианского познавательного поворота в гуманитарных науках конца XIX – начала XX в. и теоретическая концепция В. Виндельбанда и Г. Риккерта, разделившая все науки на номотетические и идиографические [Виндельбанд, 1995: 57–68; Риккерт, 1995: 69–103]. В методологических построениях историков это деление стало мыслиться в качестве двух различных подходов: типизирующего и индивидуализирующего. Большое влияние на гуманитарные науки этого времени оказали и работы В. Дильтея, в чьей «описательной психологии» сформулирован важный для исторического источниковедения принцип

«признания чужой одушевленности», которая обнаруживается в «предметных продуктах объективированной психической жизни», к каковым относятся различные «исторические действия» [Дильтей, 1924].

В российской исторической науке начала XX в. идеи немецкой философии и психологии были развиты и конкретизированы усилиями А.С. Лаппо-Данилевского [Лаппо-Данилевский, 1910, 1913]. Не ставя перед собой задачи анализа его методологической концепции в целом, что уже сделано другими исследователями (А.И. Клибанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева и др.), выделим лишь некоторые, существенные для нашей проблематики моменты его теории. Системообразующим принципом эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского является признание «чужой одушевленности». Осознавая всю сложность метода ее воспроизведения в сознании исследователя, ученый, тем не менее, считал понимание человека и «коллективного индивидуума» прошлого основной задачей исторической науки. Вместе с тем он признавал невозможность полной реконструкции «чужого я», так как этому препятствует наличие собственного «я» познающего субъекта, от которого он не может полностью абстрагироваться. Поэтому историк вынужден ограничиваться поиском сходства отдельных общих элементов собственной и «чужой» одушевленности. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского содержит и оригинальное учение об историческом источнике, который в призме его концепции предстает в роли объекта знания о человеке прошлого и различных проявлениях его психической деятельности. Теоретические построения А.С. Лаппо-Данилевского, не находившие до конца XX в. широкого применения, вновь приобрели актуальность в связи с возвращением интереса к феноменологии истории и культуры.

Понятие «феноменология» в целях обозначения исследовательского подхода появилось в исторически ориентированных исследованиях русской культуры в 1980-е – 1990-е гг. и стало пользоваться большой популярностью у гуманитариев на рубеже XX–XXI вв. В России интерес к ней был подогрет переводами и исследованиями сочинений Э. Гуссерля, выполненными Н.В. Мотрошиловой, В.И. Молчановым и др. В отечественной гуманитаристике феноменология стала осмысливаться как метод, который «с самого начала имеет всеобщий смысл, хотя и имеет дело с тем, что “индивидуально и фактуально”» [Гуссерль, 1994: 190]. В исторической науке его чаще всего номинируют как «феноменологию культуры» [Каравашкин, Юрганов, 2003] или «историческую феноменологию» [Медушевская, 1999].

Среди направлений поиска оснований исторической феноменологии можно выделить два, которые представляются нам наиболее важными. Одно из них связано с обращением к творческому наследию А.С. Лаппо-Данилевского и представлено, в частности, работами О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой; а другое подается как попытка непосредственного использования идей «чистой» философской феноменологии XX в. для обоснования нового метода «источниковедения культуры» и связано с публикациями А.Л. Юрганова и А.В. Каравашкина. Эти направления объединяет общее стремление найти ответ на принципиальный вопрос о смысле исторической науки и определить место и роль источниковедения в формировании новой методологии исторического познания.

Феноменологический подход к историческому исследованию позволяет переопределить его предмет. Феноменология реконструирует самосознание (А.Л. Юрганов) или целостные культурные представления (М.Ф. Румянцева) человека, влиявшие на его поведение и поступки, составляющие суть самой истории. В отличие от постмодернизма, она нацелена на выявление в исторических источниках не бессознательных структур и архетипов, а проявлений сознания и личностного начала индивидуального и общественного.

Объектом исторической феноменологии является источник. Феноменология видит в нем «интерсубъективную реальность», исследуя которую можно раскрыть чужую одушевленность. Феноменологический подход к источнику позволяет понять Другого, что еще недавно казалось невозможным.

Дискутируемой проблемой исторической феноменологии остается осмысление ее цели и конкретных методик реализуемого в ее рамках исследования. Целью, с точки зрения А.Л. Юрганова, должна быть реконструкция причинно-следственных связей внутри исторического мифа, понимаемого как «бытие человека, создающего свое пространство целеполагания» [Юрганов, 2001: 48]. Инструментом такой реконструкции видится гуссерлианская «беспредпосылочная герменевтика». Но именно применение принципа «беспредпосылочности» в историческом познании и вызывает больше всего сомнений. Инструментально реализуемым представляется подход к познанию чужой одушевленности,

предложенный еще А.С. Лаппо-Данилевским, когда исследователь, опираясь на всю массу известной ему информации о прошлом, мысленно ставит себя в условия, в которых находился человек прошлого [Лаппо-Данилевский, 1913: 315–316].

Современное состояние исторической феноменологии не снимает главной проблемы исторического познания – соотношения понимания человека (или текста) иной культуры и понимания самой этой культуры как целого [Румянцев, 2003: 98]. Определение исторического источника как пригодного для получения информации о прошлом продукта целенаправленной деятельности человека [Медушевская, 2008], также требует расширения и уточнения границ понимания существа феноменологической парадигмы. Это может произойти, как нам представляется, при поиске методологических оснований нового исторического синтеза.

Литература

1. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Левит С.Я (ред.). Культурология XX век. М.: Юрист, 1995. С. 57–68.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 357 с.
3. Дильтей В. Описательная психология. М.: Русский Книжник, 1924. V, 119 с.
4. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 385 с.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. 292 с.
6. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. 799 с.
7. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 358 с.
8. Медушевская О.М. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Вып. 2 (120). С. 100–139.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Левит С.Я [ред.] Культурология XX век. М.: Юрист, 1995. С. 69–103.
10. Румянцева М.Ф. Целое культуры как предпосылка «беспредпосылочной герменевтики» // Россия XXI. 2003. №4. С. 95–106.
11. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. №9. С. 41–50.

DIGITAL HUMANITIES: ОТ АНАЛИТИКИ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ К ПОНИМАНИЮ СЛОЖНЫХ СОБЫТИЙ

Юрий Львович Троицкий

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания
историко-филологического факультета;
руководитель учебно-научного центра глобалистики и компаровистики
Российский государственный гуманитарный университет*

Подход Digital Humanities включает в себя весь спектр взаимодействия между гуманитарными и компьютерными технологиями. В статье представлена попытка разработки продуктов, направленных на комплексные исследовательские и обучающие задачи. Мы создали семантическую систему, которая позволяет распознавать определенные кадры на лексическом и синтаксическом уровнях в повествованиях дневника. Мы также разработали систему для деконструирования сложных событий по четырем позициям: факты, аргументы, мифемы и идеологемы.

Ключевые слова: Цифровые гуманитарные науки, семантическая система, деконструкция, факты, аргументы, мифемы и идеологемы, контент.

DIGITAL HUMANITIES: FROM EGO-DOCUMENT ANALYSIS TO INTERPRETATION OF COMPLEX EVENTS

Yuriy L. Troitski

*PhD, Associate Professor of the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge
Head of the Educational and Scientific Center for Global Studies and Comparative Studies
Russian State University for the Humanities*

Digital Humanities approach includes the whole spectrum of interaction between the humanities and computer technologies. The paper presents an attempt at developing products aimed at complex research tasks. We created a semantic system that allows for recognition of certain frames on lexical and syntax levels in diary narratives. We also developed a system to deconstruct complex events to four stems: facts, arguments, mythemes and ideologemes.

Keywords: Digital Humanities, semantic system, deconstruction, facts, arguments, mythemes and ideologemes.

Digital Humanities (DH) как направление включает в себя весь комплекс взаимодействия гуманитарного знания и компьютерных технологий – от оцифровки текста до создания программных продуктов, позволяющих решать нетривиальные задачи.

Нас интересует последнее: каким образом необходимо выстроить предметный контент, чтобы можно было формализовать его до уровня машинного программирования? Некоторый опыт подобных попыток показывает, что это совсем не узко предметная задача, но проблема, требующая мобилизации методологических и теоретических инструментов. По сути, это проблема перехода от качественных характеристик к количественным измерениям.

На примере нашей работы с личными дневниками свидетелей событий 1917 года в России, можно видеть как решалась подобная задача.

Проблема, которую нужно было решить, состояла в необходимости зафиксировать ожидание опасности и угрозы у современников революций 1917 г., проживающих в Петрограде. Предполагалось привлечь в качестве источников большое количество личных дневников, синхронных революционным событиям. Ситуация использования массовых источников требовала создания такой компьютерной программы, которая могла бы обеспечить автоматическое распознавание в дневниковых нарративах концептов опасности и угрозы. Была разработана концепция семантического поля этих концептов, а в качестве единиц был выбран фрейм «мотив».

На первом этапе шло обучение компьютерной программы (формат нейросети) различению соответствующих сегментов дневниковых нарративов концепту опасности и угрозы по заранее сделанной экспертами разметке. После того, как самообучение машины давало надежную корреляцию концептов и соответствующих им сегментов текста, стало возможным автоматическое распознавание этих концептов в любом новом дневниковом тексте. Кроме того, набор мотивов указанных концептов менялся в зависимости от стилевых и ментальных особенностей авторского письма, обеспечивая дополнительную информацию о частотности тех или иных мотивов у различных авторов.

Для деконструкции сложных событий нами был разработан «фильтр понимания событий», состоящий из 4-х экранов: фактографического (единица – «факт»), исследовательского (единица – «аргумент»), мифологического (единица – «мифема») и фальсификационного (единица – «идеологема»). Такой набор базовых стратегий (экранов) обеспечивает, на наш взгляд, полноту «схватывания» события, точнее - его деконструкцию.

Пользователь собирает информационный поток, посвященный тому или иному событию, и затем по четким параметрам каждого экрана «раскладывает» информационные единицы по указанным стратегиям. При этом, программа считает в процентном соотношении информацию каждого экрана.

Таким образом, решая проблему «стыковки» контента и программного обеспечения, приходится не только думать о формализации качественных характеристик, но и решать теоретические проблемы предметного контента.

**ПРОТИВ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА
(ПОЛЕМИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД КНИГОЙ М.Н.ЭПШТЕЙНА «ОТ ЗНАНИЯ — К ТВОРЧЕСТВУ»)**

Цогто Валерьевич Жигмытов
Аспирант
Бурятский государственный университет
E-mail: ts.zhigmytov@gmail.com

Антропоцентризм — центральная проблема естественных и гуманитарных наук и ключевое препятствие для преобразования знания в творчество, ведущее к потребительскому и гедонистическому упрощению всех отношений человечества с реальностью. Гуманитарные науки отказываются от постижения сложности, а естественные науки деградируют до прикладных. Гуманитарным наукам нужно сформировать собственную парадигму, столь же сильную, как проверка опытом в естественных науках, и будущее может послужить рамкой для пересборки позитивного знания. Футуроцентризм, понимаемый как управление настоящим исходя из образа будущего, является плодотворной оппозицией антропоцентризму. Комплементарное взаимодействие антропо- и футуроцентризма является ядром усложнения и развития человечества, в целях его выживания.

Ключевые слова: футуроцентризм, антропоцентризм, будущее, сложность, гуманитарные науки, выживание, человечество.

**AGAINST ANTHROPOCENTRISM
(POLEMICAL REFLECTIONS ON MIKHAIL EPSTEIN'S
"FROM KNOWLEDGE TO CREATIVITY")**

Tsogto V. Zhigmytov
Postgraduate student
Buryat State University
E-mail: ts.zhigmytov@gmail.com

Anthropocentrism is the central problem of natural science and humanities and the key obstacle to knowledge-creativity transformation, leading to consumer and hedonistic simplification of all human's interactions with reality; humanities depart from complexity attainment, and natural sciences degenerate to applied disciplines. Humanities and liberal arts should form a new paradigm, as strong as experimental paradigm in natural sciences: future could be a frame to reassembly of positive knowledge. Futurecentrism, understood as present management based on the future, is the fruitful opposition to anthropocentrism. The complementary anthropocentrism-futurecentrism interplay is the core of humanity's development and complication.

Keywords: futurecentrism, anthropocentrism, future, complexity, humanities, survival, mankind.

Отставание гуманитарных наук от естественных, пожалуй, никогда ещё не было таким катастрофическим, а признание их в этом отставании таким истерически-гордым («специфика!») и приглушённо-униженным одновременно. Гуманитарные науки в составе своего ядра, нормативных наук, держат последние рубежи — культурологию, литературоведение, философию, уязвляемые позитивистской иронией, численными методами («квантофрения!») и плохой измеримостью собственных результатов, если они, конечно, есть. Беспомощными выглядят концепции устойчивого развития, постиндустриального или информационного общества, а также попытки объединения наук под знаменем эокантропоцентризма или экологической этики. Если принцип Эшби здесь применим и действительно «управляющая система не может быть проще управляемой», то гуманитарным (или нормативным) наукам даже для простого взаимодействия с другими науками (не говоря уж о реальности) неплохо бы обрести хотя бы сопоставимую с ними сложность.

Но гуманитарные науки до сих пор живут в ньютоновой коробке пространства, плывущей по одномерной и однонаправленной реке времени; до сих пор раскладывают ситуацию на школьные блок-схемы, связанные отношениями-стрелочками; до сих пор молчаливо делят мир на протяжённое и мыслящее; и т.д., и т.п. Неклассические и постнеклассические заигрывания с синергетикой и теорией сложности, с эволюционной биологией и математикой, с квантовой физикой и теорией систем и пр., и пр. не идут дальше поверхностных метафор и не слишком внятных перспектоидов, и нужны в основном лишь для того, чтобы выразить то, о чём их автор подозревал ещё с юности. Теорема Байеса, по фундаментальности не уступающая нашим любимым теоремам Гёделя о неполноте и на два порядка более доступная пониманию, практически никак не отразилась на гуманитарном мышлении: у нас по-прежнему выходит, что раз яблоки красные, то вороны черные.

Мы слишком положились на собственный предмет исследования — на человека. Поддались ложному пафосу антропоцентризма, шулерски нами же самими подменённого страто-, индивидо- и, в пределе, эгоцентризмом. Все новые концепции вынуждены ставить «центр», точку обзора где-то рядом с человеком-здесь-и-сейчас, вокруг которого по невысказанной, но вполне считываемой мысли вращается весь мир. Индивидуальный человек, вооружённый знаниями и движимый алчностью, преобразовывает мир по своей воле — вот что современные гуманитарные науки предлагают не столько к обозрению и изучению, сколько к смиренному принятию. «Протестантская этика» оказалась лишь началом, и, сказавши «а», человечеству пришлось говорить «б» и далее, по пути к воронке «я», *homo consumens*.

Мы желали «целостности», «синкретичности», «гармонии»? Если да, то мы их получили: трудно найти более целостную в своём профитизме сущность, чем современный человек. Он полностью гармоничен в своём торге и обмене одних выгод на другие. Он меняет благие дела на одобрение, поддержку на причастность, творчество на внимание и всё — на деньги. В самых трудных вопросах ему всегда помогут «Оно мне надо?» и «Cui bono?» — и никто его не осудит, а современная *hard science* ещё и объяснит, почему это логично, биологично, позитивно. Вот что такое любой антропоцентризм как реальность, вот куда привела (и не могла не привести) эпистемическая «опора на человека», и вот почему гуманитарные науки агонизируют — их подлинный объект, непостижимость, просто изгнана за ненадобностью далеко за край интересного.

Раньше через нас с этим миром говорил кто-то неизмеримо более сложный — сейчас мы отказались быть его глашатаем; теперь мы владычица морская. Кто управляет нами теперь? Мы сами, становящиеся всё более простыми и *data-driven* с каждым днём. Естественные науки, охваченные лихорадкой суезнания, подскажут нам всё, что нам, всесильным, захочется узнать — а хотеться будет того, что тешит, теребит, возбуждает. Успеем ли мы открыть настоящие тайны в этом забеге за интересным — до того, как сумеем получать радость от познания без самого познания? Клетка для орхидей [Франке, 1990: 187] уже распахнула свои дверцы; она и есть подлинный ад низвергнутого Люцифера.

В ситуации принципиально ограниченных ресурсов, отчётливо напоминающей о «дилемме заключенного», доверять развитие «естественным» процессам — значит повышать риски и угрозы собственному существованию. Естественным наукам не обойтись без контрагента, равного им по глубине и озадаченностям, но принципиально к ним несводимого; у гуманитарных наук, таким образом, есть место, которое они должны занять — и секция нормативных наук на данной конференции показывает, что понимание это зреет в нашей среде. Какими эти науки должны быть, чтобы выполнять эту роль? Что следует предпринять, чтобы приступить к ней до того, как будет слишком поздно?

Михаил Эпштейн отвечает на эти вопросы в своей книге [Эпштейн, 2016], разворачивая блистательную перспективу сотрудничества гуманистики, техники и естественных наук. Антропозоя и технософия, сверхфилология и трансэстетика, хоррология и культуроника — в этих и других изобретательно сконструированных и талантливо раскрытых терминах выпукло проступают очертания синтеза всех форм познания. Всё это первые фразы будущих диалогов и нитей возможных рассуждений, из переплетения которых должна произрасти новая гуманитарная реальность. Вот один из таких намёков, наиболее, на наш взгляд, важный: «Если в гуманитарных науках нет места для будущего, в будущем не останется места для гуманитарных наук». Закончим эту мысль за Михаила Наумовича (возможно и против его воли) — гуманистика это и есть часть будущего, которое нами управляет, его аватар,

посланник в нашем «сейчас». Вот тот мандат, посредством которого гуманитарные науки должны распоряжаться в настоящем — по-настоящему.

Это футуроцентризм, вызревающий во многих и многих областях познания и культуры. Именно футуроцентризм есть подлинная и плодотворная оппозиция антропоцентризму; вот с чем в диалоге он перестанет быть снотворным для разума, ищущего новой сложности. Как откликнуться на зов будущего, как осветить им нашу пещеру с тенями — вот что должно занимать нас сейчас, вот что следует нам обсуждать и из чего исходить в своих рутинных, повседневных, ультрамикросоциальных ритуалах. Пишут: «Ребята, давайте дружить» [Момджян и др., 2016: 25]. Но так сложилось, что для междисциплинарной дружбы гуманитариям надо выйти за пределы своих габитуальных Матриц — а чего ради? Может, в столицах клетка настоящего и переносится чуть легче, но здесь, в провинции, она явлена во всём своём неколебимом равнодушии — в выцветших от времени ритуалах почти не осталось ни жизни, ни смысла, и дэннеттовские зомби бредут по своим личным залам славы из небытия в ничто. Поэтому «если вам плохо, то вы здоровы»: должно быть что-то ещё, помимо и поверх преподавания, публикаций, грантов, индексов и диссоветов — ещё какая-то сеть, ещё какие-то связи, ещё какие-то решения, какой-то большой, простой и по делу, разговор. «Нельзя предвидеть подлинно нового, но можно его произвести». Это сделают те, у кого ещё достанет сил, мужества и любви объять все науки; посмотреть на мир не свысока, не посторонним и разочарованным взглядом; понять мир в его страхах, стремлениях и надеждах. В гуманитарной ризоме есть всё для этого, но в форме тысячи осколков, виртуально; будущее — та рамка, в которой можно собрать это знание в новую реальность.

Литература

1. Момджян К.Х и др. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? // Вопросы философии. 2016. №1. С. 17-42.

2. Франке Г. Клетка для орхидей // Чепурных О. (сост.). Фантастика и детектив №2. М.: Вокруг света, 1990. С. 187-254. Фантастический роман немецкого писателя Г.В.Франке (1961) о гуманоидной гедонистической цивилизации, перешедшей на растительный тип существования.

3. Эпштейн М.Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.

ДИСКУССИИ ОБ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: XX ВЕК

Марина Николаевна Вольф

*Доктор философских наук, профессор, директор Института философии и права СО РАН
Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: rina.volf@gmail.com*

Предлагается обзор современных методологических дискуссий вокруг истории философии и некоторых точек зрения на историографию истории философии. Рассматриваются историцистский (контекстуалистский) и апроприационистский подходы к написанию истории философии. Показано, что влияние позитивизма и аналитической философии в XX в. не оказывает существенного влияния на написание истории философии, и к концу XX в. она снова возвращается к историцистской методологии вместе с возникновением истории идей и истории понятий.

Ключевые слова: история философии, методология, историцизм, апроприационизм.

DISCUSSION ABOUT HISTORY OF PHILOSOPHY: XX CENTURY

Marina N. Volf

Dr.Sc. in Philosophy, Prof., Director of Institute

Paper gives an overview of the contemporary methodological discussions about history of philosophy and some points of view on the historiography of the history of philosophy. It examines historicism (contextualism) and appropriationism as approaches to writing the history of philosophy. We show that the influence of positivism and analytical philosophy in the 20th century does not have a significant influence on the way of writing the history of philosophy, and by the end of the 20th century historicist methodology returns back with the history of ideas and the history of concepts.

Keywords: history of philosophy, methodology, historicism, appropriationism.

В настоящее время в российской истории философии отчетливо наблюдается критическое падение ее дисциплинарного престижа в сравнении с советским периодом и как следствие – объективная потребность переосмыслить свою роль и место в современном интеллектуальном пространстве. После того, как марксистская философия и свойственная ей методология перестали быть доминирующими в интеллектуальной и политической сфере, отечественная история философии лишилась внятных ориентиров в своей деятельности и, постепенно уйдя в тень, превратилась в «караван историй» о пробах и ошибках, заняв скромную нишу пролегомен к подлинной философии. Однако эта проблема актуальна не только для отечественной науки.

Каждый новый этап развития науки, культуры и философии как их части требовал своего видения истории философии. Начиная с эпохи Ренессанса и вплоть до XVII в. возникают и сменяют друг друга такие историко-философские концепции как *prisca theologia* и *philosophia perennis*, завершающиеся проектом *historia philosophica*, воплотившие в себе различные формы и подходы к написанию истории философии. Итальянский гуманизм в XV–XVI вв. породил различные философские историографии, некоторые из которых носили отчетливо критический характер. Огромный вклад в развитие истории философии внесли М. Фичино, Дж. Пико, А. Стеухус. К середине XVII в. гуманистический стиль историографии философии уступает место протестантскому, и оформляется более знакомый нам жанр «истории философии» как фиксации последовательных событий, отмечающих развитие философских концепций [Models, 1993: 66]. Среди десятков имен авторов, которые писали значимые труды по истории философии в XVII–XVIII вв. только единицы хорошо известны: П. Гассенди, Т. Стенли, А. Триббехов, Я. Томазиус, И.Я. Брукер и др. Историко-философские проекты XIX и начала XX вв. более известны массовому читателю, и именно они сегодня чаще всего признаются за образцы написания истории мысли. Среди авторов вышеуказанных трудов В. Виндельбанд, К. Ясперс, Э. Целлер, А.Ф. Лосев, Б. Рассел и др.

Вместе с тем философские традиции, которым привержены историки философии в XIX и начале XX вв., и сопряженные с ними способы описания философского прошлого все меньше удовлетворяют современных историков философии.

С XIX в. «профессиональной деформацией» историка философии становится ориентированность на строгую филологическую точность, на переводы текстов прошлого и их комментирование. Объяснить это явление легко: именно в XIX в. идет формирование академических дисциплин в европейских университетах, и филология становится «царицей наук» в реформированной германской академической системе, а германские образцы образовательных институтов транслируются далеко за пределы Европы, устанавливая нормы академической науки [Смит, 2008: 261–277]. Большое значение приобретают история и принцип историцизма, опираясь на вновь созданные филологией методы интерпретации текстов.

К середине XX в. в связи с серьезным влиянием и распространением аналитической философии в американских университетах начинает оформляться новый подход: деятельность истории философии из переводческой, комментирующей и оценочной превращается в аналитическую. Теперь в ее задачи входит не только оценка степени превосходства одних философских концепций над другими, выявление философских заблуждений, и установление эволюции философских взглядов до совершенных и приблизившихся к истине, но и

установление актуальных для современности дискуссий прошлого, их аргументативная состоятельность, эвристический и культурный потенциал.

Однако результаты, полученные во 2-ой половине XX в., так и не стали достоянием широкого круга ни европейского, ни отечественного образованного сообщества. В России по-прежнему смотрят на историю философии как на науку дескриптивную, оценочную, но никак не аналитическую. Это обусловлено тем, что сама история философии не является дисциплиной цельной и монолитной. Она сильно разоблена в силу обширной фактологии, хронологии и географии, с которой имеет дело, а также в силу подходов и методов, которые реализует. Наиболее резкие дискуссии в среде современных западных историков философии идут о приверженности рациональной и исторической реконструкциям. Сторонники исторической реконструкции ориентируются на конкретно-научную методологию, однако, зачастую прибегают к услугам методологии смежных наук: филологии, объектом изучения которой является текст, и истории, поскольку она имеет дело с прошлым, социологии истории философии, т.к. нужно оценить социальные параметры контекста возникновения тех или иных учений и пр.

Часто звучит тезис, что история философии и есть подлинная философия. О его корректности можно спорить, но уйти от соотношения истории философии и собственно философии нельзя. Основной вопрос здесь – как выстраивать отношения подчинения между этими дисциплинами. С одной стороны, философия обеспечивает базис для истории философии, с другой стороны, именно история философии призвана анализировать содержание философии, философский язык, на котором говорит конкретная эпоха, объяснять смыслы и логику философских концепций, разъяснять культурный фон формирования философских идей.

Написание современной истории философии невозможно без знания проблем, методов и языка самой философии, поскольку история философии должна говорить на современном философском языке, в противном случае она лишится аудитории. Эта проблема постоянно возникает в споре двух методологических подходов – контекстуалистов, настаивающих на том, что история философии должна оставаться в пределах языка и исторических реалий, в которых создавались соответствующие тексты, и сторонников присваивающего подхода, которые убеждены в том, что идеи прошлого следует апроприировать и встраивать в современные дискуссии.

Наиболее ярким примером реализации этих двух подходов могло бы служить (и часто служит) противостояние аналитической и континентальной философии и различия в способах писать историю философии внутри этих традиций, однако в действительности это пример оказывается далеко не самым удачным.

Аналитическая философия а-исторична по своему характеру, не нуждается в концептуализации прошлого, поэтому обходится с историей философии весьма вольно. Она отводит филологическим методам минимальную роль; обращается к интерпретации текста, но понимает под ней или его ограниченное цитирование, или ревизию, извлекая исходный текст из его контекста и перемещая «в аналитический домен»; удаляет из этой интерпретации концепции, не респектабельные с точки зрения аналитической перспективы [Рокмор, 2014: 74-75].

Континентальная философия, являясь наследницей классических европейских традиций философии и ее истории, на первый взгляд, тяготеет к историцизму в его современной ипостаси – к контекстуализму. Эта методология стала базовой для возникшего в XX в. направления в истории философии – истории понятий. Присущие ей идеологемы хорошо обозначены Л. Штраусом. Он формулирует «заповеди историцизма», среди которых независимое рассмотрение периодов прошлого и авторов (тогда как аналитическая история философии предпочитает говорить об интертекстуальном подходе); запрет на термины, отсутствующие в языке автора и др. [Штраус, 2012: 16]. Однако такого историцистского стиля придерживаются как континентальные, так и аналитические *историки философии, философы* же следуют апроприационизму.

В XX в. предпринимается множество попыток развести роль истории философии и философии. Среди них история идей А. Лавджоя, которая по мере своего развития отдалялась от философского знания в поле истории. Описательный характер истории идей, недостаток ее теоретического содержания и отказ от анализа социальной проблематики формирует другое направление – историю понятий (*Begriffsgeschichte*) Р. Козеллека, Дж. Покока и Кв. Скиннера.

Однако философия в истории понятий детерминирована социально-политическим контекстом, и ее подлинное определение выстраивается в связи с историей человеческих обществ, а не интеллектуальных систем. Это влечет сведение истории философии к политической истории и утрату ею особого статуса, который выделяет ее из числа историй других дисциплин.

XX век прошел в попытках сформулировать новую историю философии, задать для нее другие цели и ценности. Однако каждая из предложенных моделей может быть сведена к нескольким старым, возникшим еще в античности, возрожденным итальянским гуманизмом и закрепленным столетиями существования философии. Вероятно, прежде, чем искать новые формы существования истории философии, следует взглянуть на прежние новыми глазами.

Литература

1. Рокмор Т. Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 74-75.
2. Смит Р. История гуманитарных наук. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 261-277.
3. Штраус Л. Преследование и искусства письма // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 16.
4. Models of the History of Philosophy. Dordrecht: Springer Science+Business Media Dordrecht, 1993–2015. Vol. 1–3; Vol.1. P. 66.

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ «НАТУРАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫЗОВА»

Наталья Михайловна Смирнова

*Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: nsmirnova17@gmail.com*

Предмет обсуждения доклада – когнитивные пределы, если они существуют, методологической конвергенции естественнонаучного и социально-научного знания. Означает ли тезис конвергенции, что сегодня мы вправе говорить о едином научном методе? Не означает ли включение в объект исследования саморазвивающихся систем в рамках (пост)неклассической рациональности элиминации значимости смысловых характеристик социокультурного объекта? Показано, что смыслореконструирующие процедуры не могут быть сведены к теоретико-сложностным методам естественных наук.

Ключевые слова: естествознание, социальные науки, методологическая конвергенция, смысл.

HUMAN SCIENCES FACING “NATURALISTIC CHALLENGE”

Natalia M. Smirnova

*Dr.Sc. in Philosophy, Prof., Chief Research Fellow
Institute of philosophy of RAS
E-mail: nsmirnova17@gmail.com*

The subject matter of the paper concerns the problem: to what extent can we rely upon scientific methods in the study of human-produced reality? Are they proved themselves as universal, equally valid in the study of both natural and socio-cultural phenomena? Does the study of self-developing systems in the framework of (post)non-classical rationality transcend specific character of social/cultural objects as meaningful in essence? Where are the limits of methodological convergence, if any, of natural and social sciences? The author tries to argue, that meaning-reconstruction procedures cannot be exhaustively reduced to scientific methods of natural sciences.

Keywords: natural sciences, social sciences, methodological convergence, meaning.

Знаменем современной философии науки стал тезис методологической конвергенции естественнонаучного и социально-научного знания, тенденции сближения методологических установок естественных и социально-научных дисциплин вплоть до полного размывания их методологической специфики.

В рамках (пост)неклассической рациональности в когнитивные практики вовлекаются сложные системы с собственным потенциалом саморазвития, включающие и самого человека [2, 2015: 12-20]. В человекообразных системах, наряду с методами естественных наук, прибегают к использованию «мягких» («качественных») методов социального познания: социальной феноменологии, экспертизы, герменевтики социального действия. На подобные когнитивные практики («совместного методологического сопровождения») в рамках (пост)неклассической рациональности и опирается идея методологической конвергенции естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, в предельном варианте образующая «сильный» тезис полного методологического изоморфизма.

Философско-методологическая экспликация подобных тенденций инспирирует вопрос о том, в какой мере включение в орбиту научных практик уникальных саморазвивающихся систем ведет к сближению методологических характеристик естественнонаучного и социально-гуманитарного познания? Каковы когнитивные пределы – если они есть – методологической миграции? И означает ли подобная конвергенция элиминацию методологической специфики социальных наук? Приведу методологические предостережения, способные избежать соблазна простых решений в анализе современных тенденций методологического сопровождения наук о человеке.

Следует развести понятия сложной и человекообразной системы, включающей человека. Если сложность системы состоит в высокоуровневой организации ее онтологической структуры, то человекообразные системы образуют сложность иного рода, не сводимую к структурной сложности онтологических конструкций. Человекообразные системы самореферентны, т.е. имеют собственное представление о себе и своих свойствах.

Включение компонента сознания в состав человекообразных систем решающим образом меняет онтологический статус всей системы: она обретает *смысловые характеристики*. Взаимодействия в человекообразных системах «квантовоподобны»: важнейшие эффекты подобных систем создаются в процессах когнитивного взаимодействия: многих смыслов в сознании респондентов просто не существовало до того, как социолог задал свой вопрос или театральным критиком заинтересовался мнением зрителя. Как показано еще в рамках Баденской школы неокантианства, работа на одном и том же *объекте* различных методологий отнюдь не «отменяет» их *предметной* специфики (адекватности своему предмету). Индивидуализирующий (идиографический) метод, по Г. Риккерт, обращенный к изучению уникальных характеристик объекта, конституирует предмет «наук о культуре». В терминологии В.С. Степина это означает, что предметные схемы объекта коррелятивны схемам метода, их онтологическим проекциям в рамках определенных концептуальных схем.

Но тот факт, что к одному и тому же объекту могут быть поочередно применены различные методологии, ничуть не умаляет специфики самих методологических установок. Следуя этой линии методологических рассуждений (хотя и на иных онтологических и когнитивных презумпциях), В. Дильтей (в отличие от более «мягкой» позиции Г. Риккерта) не просто различает, но и прямо противопоставляет друг другу когнитивную природу «наук о природе» как *объясняющих* «наукам о духе» как *понимающим*. Методологические наработки в рамках неокантианства и «философии жизни» призваны проиллюстрировать тот факт, что отмеченная выше взаимодополнительность методов (подобная принципу дополнительности Н. Бора), сама по себе не отменяет их методологической специфики. Ибо принцип дополнительности изначально предполагает существенное различие не только методов, но и онтологических допущений в процессе когнитивного анализа.

В интересующем нас случае налицо *глубокое онтологическое различие* природного и социального миров, – различие, которое развитое философско-методологическое мышление не вправе игнорировать. В секуляризованной картине мира классической науки – в отличие от наделенного божественным смыслом универсума высокой схоластики – природа лишена имманентного смысла: атомы и молекулы сами по себе и для самих себя «ничего не значат». Но представитель социальных наук – будь то историк, социолог или культуролог – имеет дело с миром, изначально *уже* осмысленным до того, как тот стал предметом его изучения –

социокультурный мир изначально светится собственным смыслом [3, 2004: 7-50]. Смысл – главный «персонаж» наук о культуре, духе и социальной организации. И задача социального ученого направлена, в первую очередь, на постижение *смысловых характеристик* изучаемого социокультурного объекта в «конструктах второго порядка» (А. Шюц), вторичных по отношению к первичным «фигурам духа» в артефактах культуры и/или социальной повседневности.

Но отображение в научных понятиях имманентно осмысленного мира артефактов культуры и человеческого действия, постижение *субъективных смыслов, мотивов и примордиальных интенций* человеческого мышления, деятельности и социальной организации предполагает рациональную реконструкцию его смыслового содержания. А это, в свою очередь, требует особых методов социокультурного анализа: социальной феноменологии, социокультурной экспертизы, герменевтики социального действия, не редуцируемых в полном объеме к методам естественных наук. Повторим еще раз: поставленную задачу социальный ученый может осуществить с помощью методов герменевтики, понимающей социологии и социальной феноменологии, развитых (исключительно) для решения специфических задач социальных наук – понимания *субъективных оснований* социального мышления и действия.

Тезис «вторичности» когнитивных смыслов социальных наук в отношении жизнемировых (*Lebenswelt*) значений имеет решающее значение для методологии социально-культурного анализа и наук о человеке в целом. Игнорирование *смысловой специфики* социальной реальности философски означает искажающее *овеществление* социального мира и теоретическую дегуманизацию человека. Современные французские философы Ж. Мишель и Ж. Поре, говоря о недопустимости подобного редукционизма, справедливо полагают, что «призванный понимать себя как вещь среди вещей, человек рискует, если следовать известному выражению (М. Фуко – Н.С.), исчезнуть, как исчезает лицо на прибрежном песке» [1, 2017: 5].

Это предостережение обретает особую актуальность в перспективе «натуралистического поворота» в современной эпистемологии. Красноречивые примеры подобного «овеществления» дает программа «натурализации» сознания и культурных манифестаций человеческого духа в рамках нейрофилософии. Тем не менее, редукционистские программы в методологии наук о человеке ведут к элиминации проблем, претендующих на высшее философское достоинство: исследование философских форм идеальной предметности в артефактах человеческой культуры и повседневности.

Литература

1. Мишель Ж., Поре Ж. Об этом издании. //Поль Рикер. Философская антропология. Рукописи и выступления 3. (пер. с фр. И.С. Вдовиной). М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2017 – 312 с.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. Избранное. М.: Академический проект, Альма Матер, 2015 – 542 с.
3. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия (пер. с англ. Смирновой Н.М.) // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Пер. с англ, нем. под ред. Смирновой Н.М. М.: РОССПЭН, 2004 – 1056 с.

THE EXPRESSIONIST HISTORIOGRAPHY OF THE WARSAW SCHOOL OF THE HISTORY OF IDEAS

Andrzej Gniazdowski

Dr. hab. prof. nadzw

Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences

E-mail: agniazdo@ifispan.waw.pl

The objective of my paper is to present the main methodological presuppositions as well as the scientific and ideological aims of the Warsaw School of the History of Ideas. As one of the most important currents in Polish philosophy and social thought after the second world war, the over mentioned Warsaw School was a group of historians, represented among others by Leszek Kołakowski, Bronisław Baczko, Andrzej Walicki,

Jerzy Szacki and Krzysztof Pomian. Paradoxically, even if the very existence of the School in the late 1950s and the 1960s is as debatable today, as it was fifty years ago, its impact on the Polish humanities seems to be the evidence of general consent. What I aim for in my paper, is to reconstruct not only the philosophical identity of the Warsaw School of the History of Ideas, but also the characteristics of that impact as such. I will take into consideration both, the historical context of the founding of the School and its historical as well as political significance.

Keywords: Warsaw School of the History of Ideas, Leszek Kolakovsky, Bronislaw Bachko, Andrzej Walicki, philosophical Identity, Humanities.

ЭКСПРЕССИОНИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВАРШАВСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИИ ИДЕЙ

Анджей Гняздовский

Доктор наук, профессор,

Институт философии и социологии Польской академии наук

E-mail: agniazdo@ifispan.waw.pl

Цель моей статьи - представить основные методологические предпосылки, а также научные и идейные задачи Варшавской школы истории идей. В качестве После Второй мировой войны Варшавская школа истории идей являла собой одно из самых важных течений в польской философской и социальной мысли, в которую входила группа историков, среди которых - Лешек Колаковский, Бронислав Бачко, Анджей Валицкий, Ежи Саки и Кшиштоф Помян. Как это ни парадоксально, само существование школы в конце 1950-х и 1960-х гг. дискутирует и сегодня, как это было и пятьдесят лет назад, однако понимание ее влияния на польские гуманитарные науки, по-видимому, достигло сегодня общего согласия. В докладе будет реконструирована не только философская идентичность Варшавской школы истории идей, но и характеристики ее воздействия на гуманитарные науки, по преимуществу. Я буду учитывать как исторический контекст основания школы, так и ее историческое, а также политическое значение.

Ключевые слова: Варшавская школа истории идей, Лешек Колаковский, Бронислав Бачко, Анджей Валицкий, философская идентичность, гуманитарные науки.

The name of the Warsaw School of the History of Ideas was introduced into the discourse of the Polish Humanities by Paweł Śpiewak. Nevertheless, in his article *Midway along the Road: The Warsaw School of Historians of Ideas*, published in the underground journal "Res Publica" in 1978, he wrote, that "the Warsaw School has been spoken of many times already. Maria Janion mentioned it at one time, a certain Latin American student of Bronisław Baczko wrote about it, others wrote about it in the Western press immediately after 1968, when the School was broken up by administrative methods. One talks and writes about a school which was never officially formed. It was a group of people connected by similar biographies, common seminars, discussions, similar readings, often by interests and generational experiences" [Śpiewak, 2017: 141].

As far back as in that article Paweł Śpiewak discussed not only the debatable question of the identity of the Warsaw School of the History of Ideas, but also its methodological as well as ideological presuppositions. He pointed out, that what decided about that identity was, first, the initial, orthodox Marxism of the most representatives of the School and, second, their "attempt to build their own interpretation of an open, humanitarian, and activist Marxist philosophy" [Śpiewak, 2017: 113]. Śpiewak wrote, that "along the way, they did much to make available hitherto invalidated and absent Western thought. They reached out for, above all, existentialism and socialist thought broadly understood. With time they abandoned the language of Marxist and drifted away from that intellectual tradition" [Śpiewak, 2017: 113]. At the same time, he criticised the splitting-up of the representatives of the School with Marxism and their transition to the mere, neutral, slightly anthropologically coloured "historicism" for being insufficient. According to the title of his article, Paweł Śpiewak accused the Warsaw historians of ideas, that "leaving Stalinism, they stopped half way. They rejected

the schematic way of philosophizing, but defended themselves against independent philosophizing” [Śpiewak, 2017: 123].

The charge of being sceptical and reluctant to creating their own, independent style of thinking aimed to reject in the eighties one of the most prominent representatives of the School, Andrzej Walicki. In his programmatic article *On Writing Intellectual History: Leszek Kołakowski and the Warsaw School of the History of Ideas*, first published in 1984, Walicki answered the claim of Śpiewak, that the desire to destroy the grounds of dogmatic beliefs led the members of the Warsaw school to a sort of historical scepticism, by pointing out to the historical circumstances of its forming. He agreed, that “in the middle of the nineteen fifties the future members of the Warsaw school were settling their accounts with Stalinism, trying to undermine its arrogant self-assurance, to liberate thought from what pretended to be the only correct way of thinking. Historical relativism and historical hermeneutics were liberating forces for us: relativism was a weapon against dogmatism and hermeneutics a means of vindicating the richness of our historical heritage and thereby enriching ourselves” [Walicki, 2017: 138].

Walicki felt himself obliged to admit, that the representatives of the School were indeed striving to free the humanities of all dogma, but, as he wrote, their historical relativism was of a peculiar quality. It stemmed, in his opinion, “not from indifference towards values but, rather, from a commitment to certain values, such as freedom of thought, ideological pluralism, self-awareness” [Walicki, 2017: 139]. While describing the aims of the School, he confessed: “we were keenly sensitive to the fact that to absolutize certain truths or values leads to the destruction of all other values. It could truly be said that our intentions were as far from ‘relativistic nihilism’ as possible: we concentrated on relativizing truths and values, not in order to destroy them, but to justify the pluralism of truths and values and to protect it against the arrogant claims of narrow-minded dogmatists” [Walicki, 2017: 139].

In my paper I will attempt to reveal both, the philosophical content and methodological consequences of that confession. The idea of the “pluralism of truths” I will interpret as an expression of not only epistemological, but also moral perspectivism of the Warsaw School. As I will argue, the foundations of their methodology as well as their political world-view laid Leszek Kołakowski in his book on the antinomies of freedom in the thought of Spinoza. From the very start he used the term “expressionist historiography” with sensitivity for inner contradiction typical for historians of ideas. It was designed to accommodate the necessary reconciliation in scholarly praxis of two approaches which stood in contradiction to the object of study, and were known as presentism and contextualism [Szacki, 1987: 94]. In keeping with Kołakowski’s methodological credo, the historiography of ideas could not limit itself merely to a detailed description of its subject. By “organising the empirical components of the historical world”, Kołakowski wrote, expressionist historiography was to subordinate them to “some kind of central idea that would give meaning to each component separately, and manifest itself in a system of ideal constructs” [Kołakowski 1997: 253].

The expressionism Kołakowski brought into the history of ideas mainly came down to searching through a given philosophy for traces of what the searcher held for its central, organising idea. As Kołakowski put it, “like the work of a portraitist, work on the history of philosophical doctrines cannot aim to reproduce reality in a way that is completely adequate, free from personal contribution and a personal, pre-conceived artistic concept and style” [Kołakowski, 2012: 415]. Based on concrete historical experience and skeptical with regard to the possibility of determining the objective meaning of these doctrines over history, Kołakowski’s history of ideas was, in his own words, to “reduce the inner contradictions and incompatibilities of individual thought structures to the antinomic nature of the starting concepts with which they operate” [Kołakowski, 1997: 7].

Литература

1. Śpiewak P. *Midway along the Road: The Warsaw School of Historians of Ideas // The Interlocutor. Journal of the Warsaw School of the History of Ideas*. 2017. Vol. 1. P. 112-125.
2. Walicki A. *On Writing Intellectual History: Leszek Kołakowski and the Warsaw School of the History of Ideas // The Interlocutor. Journal of the Warsaw School of the History of Ideas*. 2017. Vol. 1. P. 125-142.
3. Szacki J. *Dylematy historiografii idei (Dilemmas of the Historiography of Ideas) // Obecność. Leszkowi Kołakowskiemu w 60 rocznicę urodzin (The Presence. For Leszek Kołakowski on His 60th Birthday)*. Aneks, London. 1987. P. 91-97.

4. Kołakowski L. Świadomość religijna i więź kościelna. Studia nad chrześcijaństwem bezwyznaniowym XVII wieku (Religious Awareness and Church Bonds. A Study of 17th-Century Non-Confessional Christianity), PWN Polish Scientific Publishers, Warsaw 1997. 661 p.

5. Kołakowski L. Jednostka i nieskończoność. Wolność i antynomie wolności w filozofii Spinozy (The Individual and Infinity: Freedom and Antinomies of Freedom in the Philosophy of Spinoza), PWN, Warsaw 1959. 432 p.

КАК ВОЗМОЖНА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ?¹

Надежда Александровна Касавина

Доктор философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Экзистенциальная проблематика, начиная со второй половины XX века, активно включается в область гуманитарных и социальных наук путем преобразования философских проблем в задачи, решаемые научными методами. Современный этап развития социально-гуманитарных наук включает в себя экзистенциальный сдвиг - дополнение социально-научной картины мира смысложизненными составляющими человеческого бытия. Сходные изменения в психологии и психотерапии, социологии, лингвистике, истории, педагогике, правоведении проявляются в пересмотре предмета и исследовательских методов, концептуальных оснований науки через обращение к экзистенциальным установкам познающего и действующего субъекта. Философское осмысление этих процессов можно определять как «экзистенциальную философию науки». Ее отдельным направлением является понимание человека в электронной культуре как новая проблема его существования и развития.

Ключевые слова: экзистенциальная философия науки, социально-гуманитарные науки, экзистенциальный сдвиг в науке, электронная культура.

AS POSSIBLE EXISTENTIAL PHILOSOPHY OF SCIENCE?

Nadezhda A. Kasavina

Dr.Sc. in Philosophy, senior scientific researcher

Institute of Philosophy of RAS

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Existential issues starting from the second half of the 20th century actively move from philosophy into the sphere of the Social Sciences and humanities by the transformation of philosophical problems in the problems solved by scientific methods. Major changes in psychology and psychotherapy, sociology and linguistics, history, pedagogy and law are manifested in the revision of the subject matter and research methods, in attention to those cognitive situations, in which the conceptual foundations of science include existential installation perceiving subject. A systematic understanding of these processes can be dubbed the “existential philosophy of science”. It is a separate direction of human understanding in the electronic culture as a new problem of its existence and development.

Keywords: existential philosophy of science, social and human sciences, an existential shift in science, digital culture.

Характерной чертой развития философии науки являются интенсивные процессы осмысления целей и задач науки, ее перспектив, динамики, культурного контекста и

¹ Выполнено при поддержке научно-исследовательского проекта «Бытие-в-мире электронной (online-, cyber-, digital-) культуры: новые экзистенциальные, аксиологические, этические вызовы», грант РФФИ № 18-011-00056.

современной методологии. В области гуманитарных наук среди прочих тенденций закрепилось стремление к пониманию роли ценностей в научном познании и практике, их культурной обусловленности, обращение как к факту и знанию, так и к событию, переживанию, опыту – контексту познавательной деятельности, который включает и экзистенциальные компоненты.

По аналогии с известным проектом «Социальная философия науки. Российская перспектива» (руководитель: И.Т. Касавин) хотелось бы поразмышлять о том, возможна ли разработка программы развития и концептуального инструментария экзистенциальной философии науки как направления исследований?

Разработка некоторого направления философии науки есть реконструкция смыслового горизонта, на фоне которого конституируется познание и задаются границы понимания реальности. «На этих границах теоретический разум обращается к себе самому, принимая облик философской рефлексии и ставя вечные вопросы об универсальности и локальности, реальности и знании, субъективном и объективном, социальности и культуре». [Касавин, 2014: 74]

Социально-гуманитарные науки и осмысливающая их философия ставят в центр уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые включен человек как носитель особого опыта положения в мире - экзистенциального опыта.

Экзистенциальные подходы реализуют гуманистическую функцию науки, осуществляют ориентацию социально-гуманитарного знания на преодоление разрыва между индивидом и обществом, субъектом и институтами, что достижимо посредством их обращения к мыслящей, переживающей и действующей личности. Так, Б.Г. Юдин, анализируя актуальность и суть гуманитарной экспертизы, обосновывает важность защиты интересов человека как «точки отсчета» научного исследования и применения по отношению к нему тех или иных технологий [Юдин, 2008: 153]. Человек при этом должен восприниматься не только как биологическое существо, что часто наблюдается, например, в медико-фармацевтических исследованиях, но во всем многообразии его качеств, в том числе экзистенциальных.

Экзистенциальный поворот в социально-гуманитарных науках является авангардным движением к научному решению предельных вопросов, которые длительное время решались в рамках иных форм культуры. Он связан с формированием дисциплинарных направлений (экзистенциальная психология, экзистенциальная социология, экзистенциальная педагогика, экзистенциальная лингвистика и др.) и междисциплинарных исследований, в рамках которых было переосмыслено значение переживаний, языка, коммуникации, ценностей, опыта в познании, что значительно расширило диапазон гуманитарных исследований по сравнению с их логико-прагматическим, позитивистским руслом. Этот процесс требует дальнейшего осмысления по причине разрозненности отдельных фрагментов его становления и изучения.

Экзистенциальные проблемы человеческого существования в немалой степени являются следствием перехода реальности от относительной стабильности традиционного общества к современному «текущему» состоянию. Ему сопутствуют рост личностной и социальной неопределенности, амбивалентности в отношении внешних детерминант сознания и поведения человека в жизненных выборах и ответственности за них, рост субъектности и усиление процессов самоорганизации.

Изучение экзистенциального опыта в современной науке актуализировалось в связи со спонтанно сложившейся и нарастающей многогранностью антропосоциокультурного пространства, порождающей новые проблемы противоречивого взаимовлияния жизненного мира людей и протекающих в обществе процессов. В современных исследованиях анализ этого взаимовлияния все чаще связывается не с отдельными элементами жизнедеятельности человека (например, с ценностями), а с их интегральными кластерами, к которым относится экзистенциальный опыт. Он выражает новую сложность антропосоциокультурных структур нашего времени.

Общекультурный смысл современной науки определяется ее включенностью в решение экзистенциальных проблем, так или иначе связанных с преодолением кризисных явлений и глобальных проблем современности.

Как пишет Л.П. Киященко, современный этап развития науки есть конкретизация ее антропологического ракурса, который представляет собой «осмысление роли человека в процессе формирования и обоснования сложных, саморазвивающихся систем в процессе своей жизнедеятельности...» [Киященко, 2005: 31]. Актуальность экзистенциальной направленности науки определяется рисками современного цивилизационного этапа человеческого

существования, ориентацией на реальные проблемы жизненного мира, требующие конкретного решения.

К таким новым реальным проблемам существования человека и культуры относится динамика жизненного пространства и экзистенциального опыта в связи с влиянием электронной реальности. Исследование экзистенциального опыта в условиях современного общества включает в себя контекст виртуальности, в который неизбежно включен человек. Этот контекст определяется изменением форм современной коммуникации, ростом свободы и открытости в информационном пространстве, влиянием искусственно созданной реальности, ее фрагментарностью, доминированием визуального над смысловым, игровым характером деятельности и общения [См.: Баева, 2013].

Электронная культура отражает современный этап знакового опосредствования деятельности человека и общества, его усложнения и качественного преобразования, и нуждается в научно-философском осмыслении. Человек в электронной культуре - определенный вызов для социально-гуманитарных наук, означающий необходимость рассмотрения «экзистенциальной» проблематики с учетом современных условий и процессов становления личности.

Воздействие электронной культуры на человека имеет амбивалентный характер. Она расширяет возможности личности в ее включенности в социокультурную среду, но может и негативно сказываться на ее развитии. Проблему снижения негативных следствий положения человека в электронном пространстве можно полагать одним из особенно актуальных направлений экзистенциальной философии науки, которая, с одной стороны, аккумулирует экзистенциальные сдвиги в социально-гуманитарных науках, а с другой, на основании междисциплинарных исследований занимается изучением новых реалий экзистенциальной идентичности.

Экзистенциальная философия науки – проект нового поворота в исследованиях науки, основанного на интеграции экзистенциальных аспектов познания и экзистенциально-ориентированных научных направлений с целью понимания человека в меняющемся социокультурном пространстве.

Литература

1. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. №5. С. 75-83.
2. Касавин И.Т. Социальная онтология и социальная эпистемология // Эпистемология и философия науки. 2014. №2. С. 74-84.
3. Киященко Л.П. Этос постнеклассической науки: к постановке проблемы // Философия науки и техники. 2005. Т.11. № 11. С. 29-53
4. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146-154.

IMAGINATION AND SCIENCE. IN SEARCH OF THE INTEGRAL IMAGE OF MAN

Yan Krasicki

Dr.Sc. in Philosophy, Prof. Institute of Philosophy.

University of Wrocław

E-mail: krasicki@uni.wroc.pl

The paper may be approached as an attempt to grasp the meaning of the symbolic imagination in our understanding of man. The author argues that the image of human being is something exceeding the propositions of contemporary empiricism and rationalism. He also contends that the rise of the modern science gives way not only to the new scientific paradigm but also to the new anthropological paradigm, both seriously impaired and stripped of their symbolic dimension. In his analyses, set against both the cultural, theological and philosophical contexts (Florenski, Tillich, Eliade, Einstein, Durand, and others) as well as the context involving the paradigms of contemporary science, the author interprets symbols as by no means man-made objects but rather

existential realities accompanying all human activities. Addressing the dispute on the integral model of man, he proposes that we go beyond scientism and become open to the symbolic dimension in which the limits of ratio as well as the perception of man and the world are transcended.

Keywords: man, science, imagination, anthropological paradigm, symbolic dimension.

ВООБРАЖЕНИЕ И НАУКА. В ПОИСКАХ ИНТЕГРАЛЬНОГО ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

Ян Красицки

*Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философской антропологии Института философии
Вроцлавский университет
E-mail: krasicki@uni.wroc.pl*

В докладе делается попытка выявить смысл символического воображения в понимании человека. Автор утверждает, что образ человека является чем-то большим, чем то, что предлагают сторонники современного эмпиризма и рационализма. Он полагает, что подъем современной науки дает место не только новой научной парадигме, но и новой антропологической парадигме, серьезно деформированной и лишенной сегодня символического измерения. В своем анализе, противопоставленном как культурному, теологическому и философскому контекстам (Флоренский, Тиллих, Элиаде, Эйнштейн, Дюран и др.), так и контексту, связанному с парадигмами современной науки, автор интерпретирует символы ни как искусственные объекты, создаваемые человеком, а скорее экзистенциальные реалии, сопутствующие всей человеческой деятельности. Обращаясь к спору об интегральной модели человека, автор предлагает, чтобы выходя за рамки сциентизма, мы становились открытыми для символического измерения, в котором все барьеры и ограничения рационального, также как и восприятия человеком мира могли быть преодолены.

Ключевые слова: человек, наука, воображение, антропологическая парадигма, символическое измерение.

1. Without symbolic activity and openness to the world, the social dimension of human life freezes into a sort of "exclusion" system (M. Foucault). Gathering the voices of thinkers such as E. Cassirer, C. G. Jung, G. Durand, P. Tillich or N. Berdyaev, and critically surveying the context of the modernization of instrumental rationality and scientific mythology, the author presents a parallel and alternative process which involves the deepening of the consciousness of how symbols inform the history of our culture.

2. The controversy over the integral model of man turns out to be a kind of contemporary and postmodern version of the old (8th century) iconoclastic argument, a never-ending and renewable discussion on the status and appropriateness of religious images.

3. Symbols and images are inherent aspects of man's "life-world" (Ger. Lebenswelt). From birth to death, human life takes places in their environment and is sustained by them. In other words, man lives and dies among them.

4. The process of the education and socialization of man (Greek paideia, Latin humanitas, German Bildung, Russian obrazowanije) was traditionally conceived as giving man his own proper image. The very term "image" (German Bild, as in Gadamer's texts) was usually introduced in the context of the process of shaping the human being (William Blake's "Human Form Divine").

5. The very notion of the image is related to the semantic and speculative framework including such important terms as shape, mirror, look, engram, diagram, paradigm, metaphor, archetype, prototype, schema, icon or emblem (J.-J. Wunenburger). Images and symbols mediate between man and the world. They can take on symbolic forms (Cassirer) and may be said to be located between the external and internal environment (Bachelard). Also, they may reflect anthropological structures, including their carnal aspect (Jung, Durand, Belting) and their mythical underpinnings (Eliade). Another moment worth stressing is a tense relationship between the image and the concept (Bachelard).

6. Nowadays, the discussion focusing on the symbolic notion and image of man may be refined by referring to the so-called “context of scientific discovery” in the philosophy of science, as it stresses the vital role of imagination in the creative transformation of the field of science (thinking as a metaphorical activity).

Литература

1. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Дух и реальность. - М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. С.381-566.
2. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодиции. М.: АСТ. 2003.
3. Durand G., Wyobraźnia symboliczna, [The Symbolic Imagination], transl. C. Rowiński, Warszawa 1986.
4. Eliade M., Sacrum, mit, historia, [Sacrum, Myth, History] transl A. Tatarkiewicz, Warszawa 1993.
5. Horkheimer M., Adorno T.W., Dialektyka Oświecenia, [Dialectic of Enlightenment] transl. M. Łukasiewicz, Warszawa 1994.
6. Jaeger W., Paideia. Formowanie człowieka greckiego [Paideia: The Ideals of Greek Culture], transl. M. Plezia, Warszawa 2001.
7. Jung C.G., Archetypy i symbole, [Archetypes and Symbols] transl. J. Prokopiuk, Warszawa 1993.
8. Kołakowski L., Obecność mitu [The Presence of the Myth] Wrocław 1994
9. Krasicki. J., Człowiek, czyli Kultura [Man as Culture] in Aisthesis i Ratio. Człowiek w przestrzeni kultury i estetyki [Aisthesis i Ratio. Man in the Space of Culture and Aesthetics], eds. J. Krasicki, T. Akindynowa, Z. Pietrzak, Wrocław 2014.
10. Motycka A. , Nauka a nieświadomość. Filozofia nauki wobec kontekstu tworzenia, [Science and Unconsciousness. The Philosophy of Science on the Context of Creativity], Wrocław 1998.
11. Rationalism in the Epoch of Unreason, eds. J. Krasicki, T. Akindinova, Wrocław 2012.
12. Świat przeżywany. Fenomenologia i nauki społeczne [The Felt World. Phenomenology and the Social Sciences], eds. Z. Krasnodębski, K. Nellen. Warsaw 1993.
13. Tillich P., Teologia systematyczna [Systematic Theology], transl. J. Marzęcki, Kety 2004.
14. Wunenburger J.-J., Filozofia obrazów, [Philosophy of Images] transl. T. Stróżyński, Gdańsk 2011.

О СПЕЦИФИКЕ ГУМАНИТАРНО-ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Елена Всеволодовна Золотухина-Аболина

Южный федеральный университет

E-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

В статье рассматривается соотношение естественных и гуманитарных наук. Автор спрашивает, сходны ли гуманитарные науки с естественными, включая его логическую строгость, математические правила и требование объективности. Однако даже основные черты гуманитарных наук указывают на их глубокие различия с (естественными) науками. Это может быть точка зрения на субъективность, герменевтические процедуры, значительная роль ценностей в исследованиях, текстология, диалог и культурный контекст; невозможность эмпирической проверки (это может быть вмешательство в субъективность Другого) и, наконец, автобиографические моменты.

Ключевые слова: гуманитарные науки, естественные науки, культура, контекст.

ON THE SPECIFICS OF HUMANITARIAN-PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Elena V. Zolotukhina–Abolina

Southern Federal University

The article deals with correlation of sciences and humanities. The author asks whether humanities are similar to sciences including its logical strictness, mathematical rules and objectivity claim. However, even the main traits of humanities point out its deep differences with (natural) sciences. It could be the point of view of subjectivity, hermeneutic procedures, considerable role of values in research, textuality, dialogue and cultural context; impossibility of empirical verification (it can be an intervention into the subjectivity of the Other), and finally autobiographical moments.

Keywords: humanities, sciences, culture, context.

Являются ли гуманитарные науки науками в том смысле, в котором являются науками математика, физика, химия, биология, технические исследования? Подчинены ли они тем же требованиям логической строгости, критериям объективности, математизации? Эти вопросы возникают снова и снова, и каждое поколение теоретиков дает на них собственные ответы. Разумеется, сами гуманитарии склонны усматривать особость, специфику своих предметов, идеи которых не сводимы ни к математическим формулам, ни к жесткой формальной логике, а во многих случаях не проверяемы во внешнем эмпирическом опыте. Это так, потому что они имеют дело то с человеческим прошлым, от которого остались лишь следы, то с основаниями всей вселенной, а то с внутренним, миром порой темным и туманным. Гуманитарные науки (история, литературоведение, искусствоведение, теория культуры, экзистенциальная психология) и, тем более, предметы философско-гуманитарного знания (философия, этика, эстетика, философия религии) в силу своей обращенности к человеку неизбежно должны учитывать *фактор свободы* и пользоваться *аргументом ad hominem*, который в других случаях расценивается как пагубный субъективизм. О гуманитарном и гуманитарно-философском знании лучше говорить именно как о знании, как о *сфере теоретизирования, концептуального размышления*, чем собственно о науке, слово «наука» здесь также условно как в выражении «кандидат философских наук».

Разумеется, это не означает, что гуманитарно-философские дисциплины не подчиняются определенным принципам, просто эти принципы – иные, чем принципы естественных или технических наук. Попробуем их коротко перечислить.

1. *Обращенность к субъективности*

Все гуманитарные науки так или иначе имеют дело с областью смыслов и проявлениями свободной воли людей, со страстями, убеждениями, мировоззренческими установками. Именно обращенность к субъективности делает здесь столь значимой роль *интерпретации*, выдвигает на первый план *герменевтические* моменты, когда одни и те же события и явления могут быть поняты по-разному как их участниками, так и последующими исследователями. Включенность субъективности в гуманитарное исследование предполагает апелляцию к *личному опыту* и *переживанию*, как повседневного, так и внеповседневного характера (например, в философии религии), причем как к переживанию тех, кто является «предметом анализа», так и к переживанию самого ученого, который может сам либо иметь, либо не иметь опыт, близкий к опыту тех, кого изучает.

2. *Аксиологизм*

Гуманитарное исследование не может избежать опоры на ценности, которые функционируют и обращаются в обществе и культуре. А, поскольку ценности эти разнообразны и порой находятся в конфронтации между собой, гуманитарий всегда вольно-неволью занимает определенную аксиологическую позицию, в свете которой ему видятся как социокультурные, так и природные реалии. Объективное преломляется тут через ценностное, то есть, «до конца объективным» не является, выступая как момент интересубъективности. Хочется вспомнить интересное высказывание французского эстетика Микеля Дюффрена, который писал в своей работе «Феноменология эстетического опыта», что эстетический объект не копирует реальность, а дает *свет, который ее освещает*. Всякое гуманитарное знание – это тоже свет, освещающий предметы исследования, причем освещающий всякий раз совершенно определенным образом.

3. *Текстуальность*

Гуманитарное исследование – это всегда создание текста на естественном языке, достаточно вольного стиля. Смыслы, выражающие субъективные и интересубъективные

характеристики не могут быть формализованы, потому что тогда их них исчезает сам смысл, бытие которого *континуально*. Гуманитарный текст опирается на литературный вариант повседневного языка, он выступает как образный, метафоричный, предполагает свободный характер аргументации, апеллирует к читателю, обращается к своему и чужому Я, затрагивает эмоции. Опыт, излагаемый этим текстом, это нередко опыт воображения, фантазии, сна, мысленного эксперимента. Возможно изобретательство в отношении языка изложения, придание новых смыслов старым терминам и создание новых, что мы наблюдаем у таких авторов как М.Хайдеггер, К.Ясперс, Ж.-П.Сартр, Ж.Деррида, Ж.Делез, Ж.Лакан. Это *игровой* текст, который может строиться как строгая логическая структура, но может быть авторским эссе, включающим отступления и перебивки, смутным диалогом, страстным спором и даже шарадой, которую надо разгадывать. В гуманитарной науке, где отсутствует объективный эксперимент, *тексты порождают тексты*, здесь присутствует интертекстуальность, где одни авторы в лице своих произведений коммуницируют с другими авторами, также выраженными через произведения. Это нескончаемый *диалог и полилог* субъективностей, личных точек зрения.

4. Контекстуальность

Для гуманитарного текста особо значимым является контекст, причем не только узко-профессиональный, но социокультурный. Так исследователь психологии, верований или философских взглядов должен учитывать общекультурный контекст, современный как ему самому, так и предмету его изучения: нравственные нормы, искусство, литературу, распространенные взгляды, установки, политические убеждения, даже типичные слухи и популярные сплетни, что называется «дух эпохи». Понятно, что такие вопросы не стоят перед физиком или химиком или же представителем технических наук, которых будет интересовать максимум контекст «средовой» - объективные данные о том, что физически и химически извне влияет на предмет анализа. Один и тот же гуманитарный факт, один и тот же текст в разных контекстах выглядит по-разному и получает разные прочтения, о чем ярко писал в свое время Г.-Г.Гадамер. Хотя интерпретативность эта, конечно, не безгранична и строится вокруг смыслового ядра, как окруженного конкретно-историческими контекстами, так и предполагающего некий универсальный общечеловеческий контекст.

5. Умозрительность и невозможность эксперимента

Гуманитарные дисциплины, являясь выражением живых человеческих смыслов в их языковой форме, выступают как прежде всего умозрительные, что в яркой форме относится к философии, литературоведению, а также эстетике, несмотря на ее, казалось бы, чувственно-созерцательный характер. Это умозрение, как уже было отмечено, может быть образно и метафорично, включает моменты континуальности, не сводясь к знакам, однако оно принципиально *лишено возможности экспериментирования в духе естествознания*. Так, эксперимент невозможен в истории потому, что история не имеет сослагательного наклонения, и в ней что было, то было, и иного не дано (хотя понять и можно по-разному), а в философии масштабы обобщения таковы, что эксперимента тоже не поставишь. Литературоведение и искусствоведение предполагают восприятие читателя и зрителя, которое не может быть «повторяемо при одних и тех же условия» и вообще никогда не бывает одинаковым. Здесь во всех случаях задействована человеческая субъективность с ее капризами, вкусами, свободной волей, противоречивостью и непоследовательностью. В экзистенциальной психологии и психотерапии как ветви теоретизирования любой «эксперимент» - это не объективный опыт в духе физики, а беспардонное вмешательство в чужой внутренний мир, которое может непредсказуемо закончиться. Это же касается всех разновидностей социокультурного знания. Если революция – эксперимент, то вовсе не научный, а просто крупное социальное событие, потрясающее жизнь миллионов людей и сотни тысяч приводящее к гибели. Даже эксперименты, связанные с психологией животных, обнаруживают себя как жестокие и поистине бесчеловечные, хотя речь и идет о «братьях наших меньших». Гуманитарно-философская мысль умозрительна по определению, она обречена на отсутствие «объективных проверок», потому что его проверки субъективны и интересубъективны, все они – вмешательство в человеческие судьбы.

6. Автобиографичность

В отношении большинства философских, культурологических и психологически-психотерапевтических исследований мы можем сказать, что они *автобиографичны* (хотя это свойственно и филологам, и литературоведам). Физик изучает свой предмет, потому что,

помимо сугубо практических задач, его ведет объективно-познавательный интерес, философ же не просто «интересуется миром», но изливает душу, опирается на личный опыт, пытается, как и художник, творческими текстами ответить на свои личные проблемы и вопрошания. И если мыслитель является масштабным, то эти волнующие его личные проблемы становятся интересны и значимы для читателя, находят в нем живой отклик. Философское творчество часто является проекцией индивидуального мировосприятия, что прекрасно видно на примере таких интересных мыслителей как Ж.-П.Сартр и Н.Бердяев, З.Фрейд и К.-Г.Юнг, М.Бахтин и П.Рикёр.

Завершая этот небольшой обзор, хочется заметить, что каждый из выделенных нами пунктов может быть раскрыт на богатом историко-культурном материале, а сами пункты дополнены еще рядом интересных и значимых черт, показывающих нам лицо гуманитарно-философского знания как лицо собственно-человеческое, связанное со свободой, волей и страстями.

ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимир Карлович Кантор

Доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: vlkantor@mail.ru

Автор считает, что литература всегда существует в определенном контексте - социальном, культурном, политическом. Но самым важным для литературы является ее интерфейс с философией. Диалоги Платона были великой философией и великой литературой. Создание писателя носит персональный характер, он не безличный, как продукт научного творчества. По словам Фр.Шлегеля, философия и поэзия - это, так сказать, истинная мировая душа всех наук и искусств и их общая направленность. Они неразрывно связаны, это дерево, корнями которого являются философия, а прекрасный плод - это поэзия. Высокая литература помогает человеку перейти от жизни к бытию. Сам человек определяет, на каком уровне, в конечном счете, ориентироваться на жизнь или на бытие.

Ключевые слова: философия, литература, социо-культурный контекст, бытие, жизнь, наука, искусство.

PHILOSOPHICAL CONTEXT OF LITERATURE

Vladimir K. Kantor

D.Sc. in Philosophy, Professor, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, Laboratory Head: International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue

National Research University Higher School of Economics

E-mail: vlkantor@mail.ru

The author believes that literature always exists in a certain context - social, cultural, political. But the most important for literature is its interface with philosophy. Plato's dialogues were both a great philosophy and great literature. The creation of the writer has a personal character, it is not impersonal, as a product of scientific creativity. According to Fr. Schlegel, philosophy and poetry are, so to speak, the true world soul of all sciences and arts and the general focus of them. They are connected inextricably, this tree, the roots of which are philosophy, and the beautiful fruit is poetry. High literature helps a person to move from life to being. The person himself determines to what level, in the last analysis, to orient himself to life or to being.

Keywords: philosophy, literature, socio-cultural context, being, life, science, art.

1. Я буду рассуждать о литературе в контексте культурном. Контекст этот имеет вертикальные и горизонтальные параметры. Если говорить о вертикальных параметрах, то это проявление в любом литературном произведении «большого времени» (М. Бахтин) внутренних отсылок к произведениям других эпох (тоже принадлежащих «большому времени»). Начнем с Гомера, и сразу вспоминаются «Улисс» Джойса с его отсылкой к «Одиссее», а там и «Илиада» выплывает из строчек Мандельштама:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся.

В текстах Достоевского воскресают Шекспир и Бальзак («Гамлет» в «Братьях Карамазовых» и «Отец Горио» в «Преступлении и наказании»). Сам Бальзак своей «Человеческой комедией» отсылает нас к «Божественной комедии» Данте, а цикл романов Фолкнера, связанных единими героями, восходит к «Человеческой комедии» Бальзака. Романы Диккенса звучат в романах Толстого и Достоевского. А вспомним Гете, которого Ортега-и-Гассет называл патрицием культуры, наследником всех культурных ценностей мира: «Гёте - патриций среди классиков. Этот человек жил на доходы от прошлого. Его творчество сродни простому распоряжению унаследованными богатствами» [Ортега-и-Гассет, 1991: 436]. И в сочинениях Гете мы увидим и «Книгу Иова», и «Гамлета», и «Фауста» Кристофера Марло (не говоря о лубочных книгах о Фаусте и книге его современника Фридриха Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад»). В «Докторе Фаустусе» Томаса Манна без сомнения звучит «Фауст» Гете, но там же и сцена с чертом, навеянная «Братьями Карамазовыми». Примеры можно множить. Но, как предупреждал еще Оккам, не надо множить сущности без особой нужды.

2. Самым важным для литературы является ее сопряжение с философией. Уже диалоги Платона были одновременно и великой философией, и великой литературой. Философия, в отличие от естественных наук, основана не только на рацио, но и на эмоции, на интуиции. Писатель формулирует «чувствуемую мысль». Это идет от слов Достоевского, что мысль надо чувствовать. Такова была позиция и самого Достоевского, создателя «идеологического романа» (Энгельгардт). Я бы сказал, что большая литература и есть, в сущности, «чувствуемая мысль» [Кантор 2017]. Но самое главное – его творение имеет личностный характер, оно не безлично, как продукт научного творчества. Фридрих Шлегель писал: «Философия и поэзия – это, так сказать, подлинная мировая душа всех наук и искусств и общее средоточие их. Они связаны неразрывно, это древо, корни которого – философия, а прекрасный плод – поэзия. Поэзия без философии становится пустой и поверхностной, философия без поэзии остается бездейственной и становится варварской» [Шлегель Фр., 1983: 40]. В сегодняшних спорах о литературе и философии, когда идет деконструкция гуманитарного текста в принципе, полезно помнить слова Шлегеля.

3. Большие художники живут в атмосфере больших идей, только так и создаются великие произведения. У Аверинцева есть замечательное соображение, что история литературы – не просто предмет познания, но одновременно шанс дышать «большим временем» вместо того, чтобы задыхаться в малом. Обращаясь к литературе, философ должен требовать от нее этого дыхания большого времени.

4. Русскую классическую литературу долго воспринимали как далекую от философии, ведь она вроде бы ни на что не претендовала – описывала жизнь в формах самой жизни. Хотя Пушкин писал, что проза требует мыслей, а Лев Толстой негодовал на изобразительный подход к словесному творчеству, восклицая, что нужна объединяющая текст мысль. Серебряный век вдруг увидел в русской классике философскую глубину. Современная исследовательница пишет: «Мыслители Серебряного века видели в русской литературе предшествующей эпохи совершенно особый духовный феномен – нечто более значительное, чем художественная словесность. <...> Споря с Соловьевым, критиковавшим “отвлеченные начала” западной философии, но не заметившим подлинно философского существа русской литературы <...> Шестов не раз заявлял, что настоящую “критику чистого разума” (конечно же, и “практического”) надо искать не у Канта, а у раннего Достоевского» [Бонеевская, 2016: 544]. Думается, однако, что философский смысл русской литературы Соловьев, бесспорно, заметил одним из первых, достаточно перечитать его «Три речи в память Достоевского». Неслучаен

текст Я.Э. Голосовкера «Достоевский и Кант», где он показывает, что роман писателя есть полемика с «Критикой чистого разума».

5. Если мыслитель или писатель не хочет или не может увидеть мир как целое, если он не проблематизирует бытие, не апеллирует к истине, то он находится вне мирового контекста европейской культуры, которая всегда искала в контексте христианской традиции «путь и истину». Даже деконструктивизм способен существовать, поскольку есть литература с поиском истины, есть, что деконструировать. Говоря об этом, стоит посмотреть, к примеру, как отозвался во всей великой европейской литературе – от Шекспира и Гете до Достоевского библейский текст «Книги Иова». Вообще, библейские тексты – исток как европейской философии, так и европейской литературы, в них задавались основные смыслы «большого времени». Нельзя забывать, что большой философ часто является и большим писателем. Бергсон не случайно получил Нобелевскую премию по литературе, Ницше – кто он? Философ или писатель? Конечно, и писатель, и философ. Я бы даже Гегеля назвал писателем, а его «Философию истории» великим литературным произведением. Дело в том, что и философия, и литература находятся в одном культурном пространстве, а не только в одном контексте. Их связь сущностная, если говорить о большой литературе. И литература, и философия говорят о человеческом бытии. Пытаются, по словам Достоевского, найти человека в человеке. То, что ищет литература, то ищет, в конечном счете, философия.

7. Некий сущностный разговор между писателем и философом, всегда идет, особенно когда они соединены в одном человеке. Они находятся в постоянном собеседовании. Хайдеггер не случайно обращается к Гёльдерлину, а Бердяев к Достоевскому. В текстах писателей они прочитывали символы бытия. На мой взгляд, большой художник создает некое философское поле, как это сделал Достоевский, в котором стали работать потом русские философы, признавая философское первенство за Достоевским. Но и сам Достоевский в свою очередь вырастал в проблемном поле русской мысли 40-х гг., по-своему ее переосмысливая.

Литература

1. Кантор 2014 - Кантор В.К. Русская классика, или бытие России. М., СПб.: ЦГИ; Университетская книга, 2014 (Серия «Российские Пропилеи»). - 600 с.

2. Кантор 2017 - Кантор В.К. Изображая, понимать, или SENTENTIA SENSU: философия а литературном тексте. М.; СПб.: ЦГИ Принт, 2017. - 832 с. Хосе Ортега-и-Гассет 1991 - Хосе Ортега-и-Гассет 1991 - Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика и философия культуры. М.: Искусство: 1991. – 588 с.

3. Шлегель 1983 - Шлегель Фридрих Эстетика. Философия. Критика. В 2-х томах. Т.1.: Искусство, 1983. - 448 с.

ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ И ЕГО ПРЕЛЕСТИ

Михаил Игоревич Микешин

Доктор философских наук

Санкт-Петербургский горный университет

E-mail: mic@spti.ru

В центрированной на литературе русской культуре чтение русской и советской классики не только очень полезно, но и приводит к серьезным проблемам. Обсуждаются некоторые наиболее важные проблемы: стремление интеллектуальных публицистов к власти, избыточное чтение, внутренняя эмиграция, прокрастинация, онтологизация индивидуального социально-психологического состояния, обучение ценностям и привычкам вековой давности, неумение сверх-читателя сфокусироваться на современном мире.

Ключевые слова: Русская литература, власть интеллектуалов, избыточное чтение, внутренняя эмиграция, социальные ценности.

LITERATURE-CENTRISM AND ITS DELIGHTS

Mikhail I. Mikeschin

Dr.Sc. in Philosophy

Saint-Petersburg Mining University

E-mail: mic@spmi.ru

In centered-on-literature Russian culture the reading of Russian and Soviet classics is not only very useful, but also bring serious problems. The paper points out those which the author considers the most important: intellectual publicists' will to power, over-reading, internal emigration, procrastination, ontologization of an individual socio-psychological condition, adaptation of century-old values and habits, a hyper-reader's inability to focus on the modern world.

Keywords: Russian literature; power of intellectuals; over-reading; internal emigration; social values.

Сегодня многие гуманитарии жалуются, что народ стал очень мало читать. Книжные супермаркеты являют жалкое зрелище — они увлекают не столько текстами, сколько обилием ярких обложек и интригующих заголовков. Гуманитарии решили принять срочные меры и начать с удвоенной силой рекламировать классическую русскую литературу.

В самом деле, российская культура чрезвычайно литературоцентрична. Литература в России — это не только род искусства, но и весьма развитый способ философствования. Но поскольку всякие решения порождают новые проблемы, литературоцентризм стал очень серьезной проблемой российской культуры.

Великая русская литература превращена в миф. Магия литературного текста сыграла огромную роль в жизни многих поколений российских людей. Однако в конце двадцатого века с ней что-то произошло, теперь магия текста обнаруживается не только как «положительная», но и как «отрицательная».

В основе общепринятой интерпретации классической литературы лежит теория отражения, получившая псевдоним «реализм». Ее адепт, очень активный современный литератор и публицист Дмитрий Быков так ответил на вопрос слушателя радиопрограммы «Один»:

— Дмитрий, я считаю не совсем верно ... объяснять события реальной жизни с точки зрения произведений художественной литературы. Не зря же на английском языке «художественная литература» — это «fiction». Каково ваше мнение?

— Литература имеет дело с тенденциями, она их видит и из них делает материал для вечности ... литература — это тот магнит, который располагает опилки правильным образом, и сразу обнажаются силовые линии. Так что я считаю, что литература — вообще главный источник нашего знания о мире [Один, 2015].

Литература в интерпретации Быкова претендует на выявление тенденций и «правильное» объяснение. Видение тенденций очень тесно связано со словами. Слова не отражают мир, они делают его видимым. Видеть — значит иметь соответствующий дискурс. Когда вы читаете литературу, она пытается перестроить ваше видение, она вас индоктринирует. Литературе привычно приписывается функция воспитания морали и нравственности, хотя из истории века двадцатого совершенно очевидно, что литература, даже русская классическая, такую функцию не осуществляет [Tackett, 2014]. Все школьники Советского союза и России читают русских классиков, но это ничего не гарантирует.

Чего же хотят интеллектуалы-публицисты?

Если вам предлагают внешний авторитетный источник знаний о мире и морали и нравственности, будьте бдительны: речь идет о власти. Власти над умами и душами. Приписывая привилегированный статус («отражение реальности») какому-либо тексту, мы устанавливаем три отношения власти, три авторитета: 1) текста, 2) автора текста, 3) того, кто все это устанавливает (критика, публициста). Важно возникающее вокруг текста «облако дискурса», создаваемое публицистами.

Одним из признаков того, что «публицисты» заботятся о своей власти, является нежелание говорить о проблемах, порождаемых любовью к чтению и литературе (эта особая

массовая любовь, кстати, появилась относительно недавно [Rothman, 2015], как и миф о гении-одиночке [Shenk, 2014]).

Первая проблема — чтение сверх меры. На нее обращает внимание, например, А. Камю: «Древние философы размышляли гораздо больше, чем читали. Книгопечатание все изменило. Теперь читают больше, чем размышляют. Вместо философии у нас одни комментарии» [Камю, 2000].

Важная часть этой проблемы заключается в том, что переизбыток чтения мешает жить обычной, нормальной жизнью. Очень часто погружение в литературу (один из вариантов «внутренней эмиграции») в нашей стране вызвано тем, что социальные действия в реальной жизни ограничены. При частом приеме больших порций чтения литература превращается в наркотик. Люди теряются в мирах, созданных литературой, считают их гораздо более «настоящими» и интересными, чем повседневная жизнь. Часто возникает так называемое «книжное похмелье» (book hangover) — «чувство, когда окружающий мир кажется несовершенным и сюрреалистичным из-за того, что человек только что закончил читать книгу, в которую был полностью погружен» [Выбирая выражения, 2015].

Еще одна составляющая этой проблемы — так называемая «книжная прокрастинация». «К сожалению, книжная прокрастинация растет на жирной почве современного культа знаний. И насаждение этого культа начинается еще в школе ... Знание выступает как цель, и тот, кто знает, достоин уважения и почета ... Эта проблема ... основывается на неверном представлении о знаниях ... им приписывают мистические свойства, которые чудесным образом изменяют жизнь человека и решат все его проблемы даже без его участия и усилий» [Банников, 2015].

Вторая проблема, порожаемая страстью к чтению, связана с метафизикой. В основе метафизических построений — попытка выразить социально-психологическое состояние самого метафизика, которое переносится на мир и описывается как онтология. Какую информацию мы получаем при освоении такой онтологии? О самом метафизике исключительно, о его представлениях, состоянии, эмоциях. Такие построения привлекательны эмоционально, при созвучии эмоций мы восхищаемся «точностью описания мира». «Кто угодно, вода пером по бумаге, способен породить другие миры. Они будут так же реальны, как и мы сами...» [Пелевин, 2015: 349].

Третья серьезная проблема порождена не самой любовью к чтению, а выбором книг, который навязывают нам сегодня интеллектуалы-публицисты через средства массовой информации и преподавание. Я имею в виду, конечно, классическую русскую литературу девятнадцатого века, а также литературу советскую. «Базовый список классиков русской литературы, составленный еще в 30-е, актуален и сегодня» [Андреева, Вишневецкая, Идлис, Мильчин, Лейбин, Тарасевич, Шпак, 2015]. Еще Стругацкие понимали, что тот век ушел: «Девятнадцатый век давно умер, похоронен, и все, что от него осталось, — это миазмы ... и не более того» [Стругацкий, Стругацкий, 1977]. Даже само представление об отдельной, «местной» литературе родилось в университетской среде в девятнадцатом веке вместе с ростом этноцентризма и национализма.

Многие филологи и философы чувствуют серьезное изменение «ноосферы».

«Мне кажется, что произошел сильный сдвиг парадигмы, который мы до конца еще не осознали: кончилась эпоха громких имен ... Сегодня больше нет таких узловых точек, в которых бы "собиралась" мысль. Все приобретает дисперсный характер, и это отчасти очень хорошо: исчезает давление авторитетов, начинается глобальное разнообразие, исчезает доминирование какой-то одной культуры. Раньше я знал: надо прочитать пять вот этих источников, чтобы знать, что происходит. А сейчас все размыто. Происходит усложнение картины мира: в ней гораздо больше участников, гораздо шире сеть разнообразных явлений и направлений... Длинные формы становятся архаичными. Люди с большим трудом сейчас читают длинные книги, переходят на другой формат получения информации ...» [Ямпольский, 2014].

Последняя сотня лет очень многое изменила в интерпретациях мира. Стремление вернуться к представлениям и канонам полувековой или даже вековой давности и, тем самым, обрести потерянную власть над умами людей кажется мне жалким и безнадежным.

Литература

1. Андреева О., Вишневецкая Ю., Идлис Ю., Мильчин К., Лейбин В., Тарасевич Г., Шпак В.

Геном русской души. 100 книг, по которым россияне отличают своих от чужих. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2015/03/genom-russkoj-dushi/

2. Банников А. Книжная прокрастинация, или Почему книги не меняют нашу жизнь. URL: <http://lifehacker.ru/2015/05/30/knizhnuya-prokrastinatsiya/>

3. Выбирая выражения // Esquire. 24 марта 2015 г. URL: <https://esquire.ru/coined-word-2>

4. Камю А. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000 (Глава «1943-1946»). Запись от 10 февраля. URL: http://www.litmir.co/br/?b=13023&p=18#section_91

5. Один. Авторская передача. 11 сентября 2015 г. URL: <http://echo.msk.ru/programs/odin/1619292-echo/>

6. Пелевин В. О. Смотритель. Книга 2. Железная бездна. М.: Издательство «Э», 2015. — 352 с.

7. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. За миллиард лет до конца света. 1977. URL: <http://www.litres.ru/arkadiy-i-boris-strugackie/za-milliard-let-do-konca-sveta/>

8. Ямпольский М. Возможности пропаганды не безграничны. 23.05.2014. URL: <http://jewish.ru/ru/interviews/articles/175494/>

9. Rothman J. The History of 'Loving' to Read. 2015. URL: <http://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/history-loving-read>

10. Shenk J. W. The End of 'Genius' // The New York Times. July 19, 2014. URL: <http://www.nytimes.com/2014/07/20/opinion/sunday/the-end-of-genius.html>

11. Tackett J. Stanford scholars debate the moral merits of reading fiction URL: <http://news.stanford.edu/news/2014/february/morals-ethics-literature-022114.html?view=print>

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Анатолий Викторович Корчинский

Кандидат филологических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: korchinsky@mail.ru

В последние годы стремительно нарастает интерес к литературе как специфическому способу познания. Исследователи возвращаются, по сути, к тому же вопросу, который ставился романтиками в начале XIX столетия и «новыми критиками» в первой половине XX-го: как соотносятся «поэзия» и «знание»? При этом существенно разнится как понимание «литературы», так и трактовка «знания». Возникает проблема историчности самих используемых терминов и понятий, изменчивости представлений об изучаемых объектах. Задача доклада - критическая рефлексия актуальных гипотез, выводов и наблюдений о познавательных задачах и возможностях литературы, о ее включенности в исторические конфигурации знания, о существующих и намечающихся подходах к исследованию данного круга проблем.

Ключевые слова: литература, знание, опыт, эпистемология, дискурс.

ABOUT THE EPISTEMOLOGY OF LITERATURE

Anatoly V. Korchinsky

CSc in philology

Russian State University for the Humanities

E-mail: korchinsky@mail.ru

In recent years, interest in literature as a specific method of cognition has been growing rapidly. Researchers return, in fact, to the same issue that was put forward by romantics in the early nineteenth century and by "new critics" in the first half of the twentieth: how are "literature" and "knowledge" correlated? At the same time, both the understanding of "literature" and the interpretation of "knowledge" differ significantly. The task of the report is a critical reflexion of actual hypotheses, conclusions and observations about cognitive tasks and possibilities of literature, its inclusion in historical

configurations of knowledge.

Keywords: literature, knowledge, experience, epistemology, discourse.

В последние десятилетия нарастает интерес к литературе как значимому сегменту интеллектуального поля. Отчасти он связан с успехами социологии науки и технологий, исторической и социальной эпистемологии, интеллектуальной истории и т.д. Отчасти он продиктован поиском новых теоретических оснований внутри самой филологии.

К началу 2010-х гг. (прежде всего, в немецком литературоведении) оформилось обширное течение, с которым многие связывают «эпистемологический поворот» в филологии. Исследования этого ряда отличает большое разнообразие подходов к определению литературы как познавательной практики и ее отношения к иным формам производства знания в культуре. В последние годы постановка вопроса становится все более строгой: авторы уходят от эссенциалистских определений, касающихся эвристической природы литературы (например, что она имеет дело скорее с чувственностью, чем с рациональностью), склоняясь к историческим и социокультурным объяснительным моделям (знание в литературе связано с историческими «эпистемическими формациями», оно социально релевантно и т.д.)

Кто-то видит в этом кризис литературоведения, которое, чтобы не исчезнуть с лица земли, легитимирует себя за счет других дисциплин, заимствуя у них не только методы, но и сам предмет изучения. В данном случае – это социология знания, философия науки и социальная эпистемология. В других случаях это может быть антропология, культурология или даже экономика.

Представляется, однако, что тут имеет место не столько кризис, сколько, наоборот, попытка выхода из кризиса. Главный позитивный момент состоит в том, что в последние десятилетия литературоведение научилось говорить на языках других наук – социологии, антропологии, культурологии и т.д. – и научилось заново определять культурный статус объекта своего внимания – литературы. Но на нынешнем этапе оно уже сильно отличается как от традиционной поэтики, так и от тех дисциплинарных прививок, которые до недавнего времени сильно редуцировали в литературоведении собственно литературоведение.

Отличие современных подходов состоит в том, что они направлены не на создание очередной теории *интерпретации* того знания, которое, предположительно, находится в литературном произведении, а на выработку инструментов анализа *исторических условий возможности* этого знания, *социальных правил и способов его производства и понимания* в контексте определенной эпохи. Ученые, интересующиеся этой проблематикой, очень по-разному представляют себе устройство тех «порядков знания», в которых литература играет важную роль. Но установка на последовательный *историзм* в исследовании литературного знания является обязательным требованием в рамках литературной эпистемологии (или «исторической эпистемологии литературы») – так называется одна из программных книг этого направления, вышедшая в 2014 году под редакцией Николя Гесс и Сандры Яннсен).

В этом смысле данное направление представляет собой часть обширного поля исследований по *интеллектуальной истории*. Тут, однако, следует сделать одну существенную оговорку. В расплывчатых рамках этого поля, которое, в свою очередь, иногда рассматривается как часть так называемой «культурной истории», претендующей на статус «парадигмы» современного гуманитарного знания, литературная эпистемология занимает позицию, резко отличающуюся от многих других подходов.

Дело в том, что, начиная с 1960-70-х гг. в области культурно-исторических исследований литература начинает рассматриваться как ценный исторический источник, ранее в этом качестве практически не осмысленный и потому недооцененный историками. Считалось (и считается), что при наличии определенных методологических опосредований, этот источник может дать ценные сведения о самых разных аспектах ментальности и культурных практик, касающихся больших групп людей, эпох, регионов. Такая оптика характерна, например, для лотмановского анализа «литературного» поведения. К ней же прибегал и, скажем, С. Гринлатт, изучая роль литературы в формировании нововременной субъектности. На том же пути стоят исследования идеологических представлений, культурных мифов и иных символических форм постижения социального мира, ориентированные на «интерпретативную антропологию» К. Гирца. С другими задачами, но в той же логике *использования* литературных текстов для реконструкции и объяснения механизмов производства культурных смыслов работают представители британских *cultural studies* и идущая за ними рецептивная социология

литературы. Новое «количественное» литературоведение (Ф. Моретти и др.), по сути, переносит на литературу методы реконструкции ментальных изменений, в свое время разработанные французской «школой Анналов», *сквозь* массивы литературных текстов глядя на культурные процессы «большой длительности». Во всех этих случаях литература является средством, а не целью исследования. В какой-то мере к той же стратегии можно отнести и так называемое «когнитивное литературоведение». Правда, от перечисленных подходов оно отличается тем, что, основываясь на литературных источниках, оно игнорирует не только вопрос об их эстетической природе, но и их исторический смысл. Изучается не столько произведение, сколько мышление его реального или потенциального читателя (причем, в данном случае, не исторически конкретных читательских групп, а современного читателя или «читателя вообще»).

Эти и другие направления, также изучающие различные виды знания на литературном материале, в значительной мере чужды литературной эпистемологии, несмотря на некоторые общие отправные точки, вроде теорий М. Фуко и отдельных структуралистских и постструктуралистских приемов исследования. Тому есть, по меньшей мере, три причины. Во-первых, литературная эпистемология исследует скорее знание, релевантное для *интеллектуальной культуры*, а не для широких масс и очень осторожно относится к выводам о ментальных процессах «большой длительности». Во-вторых, хотя она и говорит о масштабных процессах, зависящих от «дискурсивных практик», институций, дисциплин, жанров и прочих «системных» факторов, литературную эпистемологию интересуют конкретные «литературные факты», а также стратегии и тактики авторов как ключевых агентов «литературного поля». В-третьих, она учитывает специфику литературы как отдельной «подсистемы» (М. Тицманн), самостоятельного дискурса. Иногда литература рассматривается как особый «порядок знания» (Н. Гесс, С. Янссен), что основывается на исторических представлениях о формах автономии литературы, характерных для культуры модерна (Й. Фогль, Б.Й. Доцлер, З. Вайгель).

Наиболее сложная теоретическая проблема, актуальная для всех работ, выполненных в оптике литературной эпистемологии, состоит в том, чтобы определить место литературы в системе знания в интересующий исследователя период. Эта проблема подразумевает ответ на три взаимосвязанных вопроса.

1. Какова степень автономии литературы как эпистемологической области от иных форм познавательной активности?
2. В чем состоит специфика литературного знания по сравнению с другими типами познания?
3. По отношению к каким «подсистемам» знания самоопределяется литература в конкретном историческом контексте?

В докладе будет предложена попытка ответа на эти вопросы на материале русской литературы 1860-х гг.

НОМО LUDENS: ТЕОРИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И ФИЛОСОФИЯ ПЕРСОНАЛИЗМА

Вольфганг Стефан Киссель
Доктор философии, профессор
Бременский Университет
E-mail: kissel@uni-bremen.de

В статье основное внимание уделяется точке пересечения теории театральности и философии человеческой личности в традиции Хельмута Плесснера. Человеческая природа неразрывно связывает людей общественными связями, необходимостью взаимодействия друг с другом. Только члены человеческого рода способны наблюдать и анализировать себя как объекты с далекой перспективы, становясь в то же время зрителями и актерами в театре мира. Быть человеком в полном смысле означает играть роль в игре с другими, игру, поставленную природой и космосом, как мы их воспринимаем.

Ключевые слова: Х.Плесснер, теория театральности, человек как актер, театр мира, природа и социум.

HOMO LUDENS: THE THEORY OF THEATRICALITY AND THE PHILOSOPHY OF THE HUMAN PERSON

Wolfgang Stephan Kissel
Dr.Sc. in Philosophy, Prof.
University of Bremen
E-mail: kissel@uni-bremen.de

The paper focuses on the point of intersection of the theory of theatricality and the philosophy of the human person in the tradition of Helmuth Plessner. Our humanity is inextricably linked to social life, to interacting with other human beings. Only the members of the human species are capable of observing and analysing themselves like objects from a distant perspective, thus becoming at the same time spectators and actors in the theatre of the world. Being human in the fullest sense means playing a role in a play with others, a play staged by nature and the cosmos as we perceive them.

Keywords: H.Plessner, theory of theatrics, man as an actor, theater of the world, nature and society.

Человек становится человеком только тогда, когда живет вместе с другими, а этой жизни всегда присущи элементы игры. В отношении самого себя человек может занять наблюдающую и анализирующую позицию, тем самым становясь собственным наблюдателем и зрителем. Ролевой характер его действий, совершаемых в присутствии других, с этой точки зрения означает не отчуждение от твердого, считающегося аутентичным ядра его личности, а единственную возможность через свою социальную роль и игру с другими полностью обрести себя. Именно в повседневном обращении с другими людьми человек по необходимости становится «актером» самого себя. Человека без роли «себя», свободного от масок и ролей, не существует. Только с помощью ролей люди могут социально и экономически жить друг с другом и отличать себя от других.

Теория роли является центральной в философской антропологии Хельмута Плесснера, который неоднократно прибегает к актерской и театральной метафорике, чтобы из способности человека к самодистанцированию и самонаблюдению вывести концепт «эксцентрической позициональности». Под ней понимается особенность «неустановленного животного», человека, который больше не управляем исключительно инстинктами, а благодаря своей способности к образованию языка и символов создает свой собственный, выходящий за границы природы мир. Театральность театра обеспечивает ту «возможность отойти на расстояние», которая каждому человеку предоставляет непременно необходимое ему игровое пространство:

«Погрузившись обычно в какое-нибудь занятие, человек может и даже должен забыть себя. Он осознает, отщепляет только ту часть себя, которая необходима ему для осуществления своих намерений как инструмент, требующий особого контроля и внимания во время его использования. У актера эта часть составляет его самого, его тело и душу. Он сам является своим собственным инструментом, т.е. расщепляет себя в себе, но, чтобы оставаться в курсе происходящего, остается по эту сторону щели, за фигурой, которую он олицетворяет. Ему нельзя полностью поддаваться этому расщеплению, как, например, это происходит с истериком или шизофреником, он должен сохранять контроль над олицетворением в образе, соблюдать по отношению к последнему дистанцию. Он играет только на этой дистанции» [Plessner, 1980: 407-408]

Несмотря на то, что человек во многих отношениях обусловлен и зависим биологически и социально, в некой открытой вселенной он не предопределен. Он обладает «масочной идентичностью», которая возникает во взаимодействии с окружающим или внешним миром и которая задана только в общих чертах и вновь и вновь должна быть реализована в перформансе. Латинская театральная метафора «persona» (греч. *prosopon*), под которой сначала имелась в виду маска актера, а затем сам актер, претерпела глубокую трансформацию и возвысилась до одного из центральных понятий самосознания Нового времени [Konersmann, 1993: 199-227]. Неслучайно и то, что это центральное понятие «персона» получило развитие только тогда, когда поднялся престиж маски. Свободным человек становится «только как персона, связанная

с другими персонами». «Персона» означала в конечном счете неотъемлемое качество, была характеристикой свободного, морального существа:

«Из театральной метафоры маски – через стоическое понятие роли, христианское понимание троицы и занимаемой должности Божия и многого другого – в конечном итоге возникает фундаментальное этическое понятие. То, что изначально обозначало нечто внешнее, скрытое, изменчивое, в Новое время становится воплощением важнейшего качества отдельного человека. <...> Истолковывать понятие «персоны» по-новому указанная здесь традиция начинает в рамках христологии XIII в. Согласно этому истолкованию, персона <...> – это человек, являющийся свободным существом и как таковое обладающий моральным бытием. Моральное бытие <...> составляет идентичность персоны как таковой» [Kobusch, 1997: 274].

Будучи способными к самопознанию субъектами, люди могут дистанцироваться от природы и тем самым от эволюционного процесса: «Свобода – это возможность отойти на расстояние» [Ibid.: 249]. Таким образом, зритель со своей позиции наблюдателя может осознать несвободу актеров на сцене, и это осознание несвободы может привести зрителей если не к свободе, то, по крайней мере, к ощущению освобождения. На более высоком уровне познания случайный субъект может реконструировать себя в качестве морального субъекта, осознав свою случайность.

Ввиду падения авторитета мифологических и религиозных нарративов, мыслящий человек превращается в находящегося на отдалении наблюдателя самого себя, в расколдованного расколдователя. Его биологическая и социальная обусловленность, объясняющаяся цепочкой случайностей, кажется на расстоянии «комической»:

«Особенно в Новое время комическое становится отличительным признаком мышления, которое после циклов метафизической критики видит потребность существа в ориентировке, проистекающей из осознания того, что оно, это существо, абсолютно одиноко перед лицом требований, налагаемых на него традицией, прежних мечтаний и надежд, проектов и планов: «Человек, – как лаконично комментирует это положение Ницше, – комедиант мира» [Konersmann, 1999: 182].

После того, как закончились метафизические нарративы, обнаруживаются именно комическое положение человеческого рода и каждого человека. Ролевая игра относится к экипировке биологического вида, чьи культурные навыки составляют в основном избыток фантазии и стремление к игре, – качества, необходимые для того, чтобы ставить себя на место других, имитировать их и в конечном итоге быть актером себя самого:

«Экзистенциальные проекты, которыми каждый из нас занимается, реализуют ставшие историческими возможности человека понимать себя в качестве одного из множества субъектов и выражать эту позицию. При этом проживаемая повседневность предоставляет в наше распоряжение каталог ролей, представляющих собой ограниченный набор возможностей понимать себя в качестве субъекта» [Ibid.: 161-162].

Театр и театральность становятся объединяющей метафорой, в которой заложен открытый тип рациональности.

Социальная ткань должна выдерживать все более явственное крушение иллюзий модерна, скепсис по отношению к религиозным, философским и идеологическим обещаниям спасения и искупления. Крушение иллюзий может способствовать возврату прежних сил в трансформированном виде, к новому расцвету религии и новых мифологий. Когда обманчивы даже обещания науки или же ее результаты не соответствуют преувеличенным ожиданиям, когда планы самостоятельной жизни оказываются неосуществимыми или ведут к полному краху, отчаявшиеся персонажи хватаются подчас за оружие, чтобы избавиться от самих себя или от кого-то другого. Цивилизационные механизмы сдерживания изгоняют открытое насилие из повседневности, но под этой оболочкой скрываются страх, ненависть и готовность к насилию, которые могут извергаться на поверхность – часто по банальному поводу.

Возникновение вселенных, солнечных систем и планет и, наконец, органической жизни можно мыслить только в периодах времени, исчисляющихся миллиардами лет. Ввиду этой недоступной для эмпирического опыта продолжительности самое физическое, т.е. измеряемое, время, время, которое с помощью точных инструментов может быть разбито на мельчайшие единицы, становится нереальным. В определенном смысле естествознание тем самым принимает наследство мифологии, нарратива о начале и конце космоса. Если применить космические масштабы, то можно утверждать, что разумная жизнь на Земле появилась в той «временной точке», когда стал возможен взгляд на всю вселенную как на динамическое

происходящее, «*theatrum mundi*». В очень далеком будущем в космосе, возможно, уже не будет ни зрителей, ни представлений, расширение вселенной, согласно этой модели, приведет к распаду материи.

Литература

1. Kobusch Th. Die Entdeckung der Person. Metaphysik der Freiheit und modernes Menschenbild 2. Auflage. Darmstadt, 1997, 320 S.
2. Konersmann R. Person. Ein bedeutungsgeschichtliches Panorama // Internationale Zeitschrift für Philosophie 2 (1993), S. 199-227.
3. Konersmann R. Komödien des Geistes. Historische Semantik als philosophische Bedeutungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1999. 247 S.
4. Plessner H. Lachen und Weinen. Eine Untersuchung der Grenzen menschlichen Verhaltens (1941). In: Plessner Helmuth. Gesammelte Schriften VII. Ausdruck und menschliche Natur. Frankfurt am Main, 1980, S. 201-388.
5. Plessner H. Zur Anthropologie des Schauspielers (1948). In: Plessner Helmuth. Gesammelte Schriften VII. Ausdruck und menschliche Natur. Frankfurt am Main, 1980, S. 399-418.
6. Plessner H. Soziale Rolle und menschliche Natur. In: Plessner Helmuth. Gesammelte Schriften X. Schriften zur Soziologie und Sozialphilosophie. Frankfurt am Main, 1980. S. 227-240.

РЕЛИГИЯ И/ИЛИ НАУКА: ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ - ИССЛЕДОВАТЕЛИ АНТРОПОЛОГИИ РЕЛИГИИ В РОССИИ XIX – НАЧ. XX ВВ.²

Татьяна Витаутасовна Чумакова

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии религии и религиоведения

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: t.chumakova@spbu.ru

В докладе речь идет об академической работе священнослужителей в Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв.. Автор показывает, что до середины XIX в. о русской антропологии религии следует говорить с большой осторожностью. Такие же выводы сделаны и относительно научных исследований духовенства, хотя отмечены работы отдельных талантливых исследователей. Дальнейшее развитие науки в России во 2-ой половине XIX в. привело к определенным изменениям в этой области исследований, как в светской науке, так и в богословии.

Ключевые слова: история изучения религии в России, интеллектуальная история, история науки.

SCIENCE AND/OR ORTHODOX PRIESTS - THE RESEARCHERS OF ANTHROPOLOGY OF RELIGION IN RUSSIA XIX-XX CENTURIES

Tatiana V. Chumakova

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

E-mail: t.chumakova@spbu.ru

This report is devoted to the academic work of clergymen in the Russian empire in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries. Until the middle of the XIXth century it should be spoken with a great caution of a Russian anthropology of religion, as well as of clergy's scientific studies, despite the fact, there were single

² Тезисы доклада подготовлены в рамках работы по проекту, поддержанному грантом РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX- первой половины XX вв.».

talented researchers. Nevertheless, it is in the first half of the XIXth century, when there were changes both in secular science and theology.

Keywords: history of studying religion in Russia, intellectual history, history of science.

Доклад посвящен исследовательской работе священнослужителей в Российской империи второй половины XIX – нач. XX вв. Автор доказывает, что до середины XIX в. об ученых занятиях священнослужителей можно было говорить с большой осторожностью. В первой половине столетия как в светской науке, так и в богословии происходили изменения, сделавшие возможным научный подъем, начавшийся в эпоху Великих реформ [Chumakova, 2017: 234]. Эти инновации в науке были бы невозможны без изменения системы среднего и высшего образования священнослужителей. Важным фактором, который способствовал интенсификации научных занятий клириков, было увеличение числа научных журналов. Еще одним фактором, который способствовал научной работе священнослужителей в Российской империи второй половины XIX – нач. XX вв. стало увеличение числа научных обществ. Для исследователей антропологии религии возможность публикации была возможна в изданиях Русского географического общества, региональные отделения которого возникли по всей России и способствовали интенсификации исследований в области антропологии религии. Периодические издания РГО предоставляли возможность публикации не только ученым, но тем людям, которых мы сейчас назвали бы фрилансерами, среди которых были такие выдающиеся исследователи антропологии религии, как А.С. Пругавин, так и священнослужителям, которые хорошо знали религиозные представления своей паствы [Арзютов, 2014: 140-213], и порой сами участвовали в ритуалах, которые современным священникам показались бы экзотическими. Не всегда эти занятия были добровольными. Как отмечали в своих сочинениях некоторые священнослужители, в исследовательских программах Русского географического общества им далеко не всегда приходилось принимать участие по собственному желанию, просто сельские священники оказывались теми чиновниками, на которых зачастую и ложилось исполнение поручений различных государственных служб и научных обществ. Большое количество работ священнослужителей появлялось тогда, когда возникали резонансные «дела», вроде знаменитого «мултанского дела», когда вотяков обвинили в человеческих жертвоприношениях. Всегда ли эти публикации были научными? Нет, не всегда. Порой конфессиональный подход превалировал, и исследователя полностью заслонял священнослужитель [Цыремпилов, 2013: 211 - 230]. Но и такие публикации могут быть актуальны и сейчас благодаря тому, что в них приводится описание религиозных ритуалов «суеверной» паствы. Анализ публикаций показывает, что научный уровень этих работ к началу XX века значительно вырос [Федорова, 2010: 7], и появились не только статьи, но и диссертации выпускников духовных академий, посвященные изучению антропологии религии.

Литература

1. Арзютов Д.В. Христианство в горной тайге: о порядке пространства и дискурса в религиозном обращении шорцев и северных алтайцев // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII - начало XX в.). СПб., МАЭ РАН, 2014. С.140-213.
2. Федорова О. В. Фольклорно-этнографические материалы на страницах олонекских газет XIX - начала XX века// Живая старина. 2010. N 1. С. 6-9.
3. Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. – 338 с.
4. Chumakova T. Orthodox priests as the researchers of religion in Russia in the 19th and 20th centuries// Вестник Санкт-Петербургского Университета: Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып 2. С. 234-241.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА НА ЗАПАДЕ (2-АЯ ПОЛ. XIX – 1-АЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.)³

Марианна Михайловна Шахнович

*Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: m.shakhnovich@spbu.edu*

Одной из причин сравнительно позднего оформления академической истории христианства в России, было отсутствие традиции существования теологических факультетов в рамках университетов и сосредоточение изучения истории церкви в пределах духовных школ, в которых в целом сохранялось исключительно каноническое отношение к источникам, в основном ограниченное Священным Писанием и сочинениями отцов церкви. История западного христианства изучалась в России до начала XX века, практически, исключительно в рамках сравнительного или обличительного богословия, занимавшегося в основном критическим рассмотрением т.н. «инославных» исповеданий с позиций православного вероучения.

Ключевые слова: наука о религии в России, история западного христианства.

RUSSIAN SCHOLARS OF THE HISTORY OF WESTERN CHRISTIAN CHURCH (SECOND HALF OF 19TH – FIRST QUARTER OF 20TH CENT.)

Marianna M. Shakhnovich

*Dr.Sc. in Philosophy, Professor, Chair, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies
Saint-Petersburg State University
E-mail: m.shakhnovich@spbu.edu*

One of the reasons for the relatively late registration of the academic history of Christianity in Russia was the lack of a tradition of the existence of theological faculties within the universities and the concentration of the study of Church history within the spiritual schools, in which, on the whole, there was only an exclusively canonical attitude toward sources, mainly limited to the Holy Scriptures and the writings of the Church Fathers. The history of Western Christianity was studied in Russia before the beginning of the twentieth century, practically, exclusively within the framework of comparative or accusatory theology, which was mainly concerned with the critical examination of the so-called “heterodox” confessions from the standpoint of Orthodox dogma.

Keywords: science of religion in Russia, the history of Western Christianity.

История западного христианства изучалась в России до начала XX в. исключительно в рамках сравнительного или обличительного богословия, занимавшегося в основном критическим рассмотрением т.н. «инославных» исповеданий с позиций православного вероучения. Развитию в России академического изучения истории христианства на Западе мешали правила духовной цензуры, которой подвергались не только богословские и церковно-исторические труды, но и любые другие сочинения, если в них имелись места духовного содержания, относящиеся или к догматам веры, или к священной истории. Запрет накладывался на «произведения словесности, наук и искусств», если они содержали «что-либо клонящееся к поколебанию учения Православной Грекороссийской церкви, ее преданий и обрядов, и вообще истин и догматов Христианской Веры» [Устав о цензуре, 1829:5].

В рассматриваемый период в Москве изучением католицизма в рамках сравнительного богословия занимался протоиерей А. М. Иванцов-Платонов («О римском католицизме», 1869), а в Санкт-Петербурге – протоиерей А.А. Лебедев («О главенстве Папы, или разности

³ Тезисы доклада подготовлены в рамках работы по проекту, поддержанному грантом РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX- первой половины XX вв.».

православных и папистов в учении о церкви», 1887; «Разности церквей восточной и западной в учении о Пресвятой Деве Марии», 1881 и «О латинском культе Сердца Иисусова», 1882). Одним из крупнейших знатоков истории западного христианства был профессор Казанской духовной академии Н.Я. Беляев, автор диссертации «Римско-католическое учение об удовлетворении Богу со стороны человека» (1877) и ряда статей в «Православном собеседнике» за 1878-1882 гг. С 1895 г. на той же кафедре служил В.А. Керенский, занимавшийся изучением старокатолицизма (диссертация «Старокатолицизм, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедном отношении», 1894).

Пристальное внимание со стороны духовной цензуры ко всему, что касалось католицизма, вызывало определенные сложности для тех ученых, которые стремились изучать историю христианства на Западе. Так, П.Н. Кудрявцев написал в 1844 году первую диссертацию, которая была не допущена к защите в Московском университете из-за того, что в ней были усмотрены сочувствие к папской власти и противоречия учению православной церкви. В 1850 г. Кудрявцев защитил в качестве диссертации написанную им новую работу «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». Высоко оценивая защищенный труд, В.П. Бузескул отмечал признание автором «важности и даже необходимости самостоятельного изучения главных событий истории Запада» в России, включая и историю папства.

В.А. Бильбасов, очень серьезно относившийся к изучению архивных источников, не только был автором нескольких источниковедческих исследований по истории западноевропейского Средневековья, но и подготовил и опубликовал исследования о крестовом походе Фридриха II Гогенштауфена, а также – о поддерживающем папу «короле священников» Генрихе IV Распе. Научный интерес к истории папства привел Бильбасова к написанию статьи «Римские папы и славянские первоучители» («Журнал министерства народного просвещения», 1868), а затем – к созданию фундаментального труда «Кирилл и Мефодий». Его первая часть «Кирилл и Мефодий по документальным источникам», включавшая латинские источники была опубликована в 1868 г., а вторая – «Кирилл и Мефодий по западным легендам» в 1871 г. Бильбасов – автор первого на русском языке подробного исследования о Яне Гусе, публикация которого сопровождалась изданием собранных и прокомментированных источников. Безусловно, внимание к Гусу было связано с восприятием его как «борца за правду», «мученика за веру», лидера освободительного движения славян, противостоявшего папской власти.

История конфликтов с папской властью интересовала и профессора Казанского университета Н.А. Осокина, который в 1864 г. написал труд «Савонарола и Флоренция», давший ему право заниматься преподавательской деятельностью. Спустя несколько лет он подготовил последовательно две диссертации, посвященные истории инквизиции. Кропотливая работа во французских архивах, прежде всего, в городском архиве Тулузы позволила Осокину написать фундаментальный двухтомный труд «История альбигойцев и их времени», первый том «История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III» (Казань, 1869) и второй том «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (Казань, 1872). В.И. Герье обратился к тому же историческому периоду. Его работу «Франциск, апостол нищеты и любви» (1908) и обе части книги «Западное монашество и папство» (1913 и 1916) объединяет фигура папы Иннокентия III, самого влиятельного и могущественного политического деятеля своего времени.

Историк и архивист Д. В. Цветаев, автор многочисленных трудов по истории по т.н. «немецкому» вопросу в России, изучал положение и жизнь католиков и протестантов в России по документам, собирая и публикуя наиболее важные из них. Начало его исследованиям было положено в диссертации «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках» (Москва, 1886), которые были продолжены позже в многочисленных публикациях. Вслед за И.И. Соколовым, выпустившим в свет в 1882 г. труд «Отношение протестантизма и России в XVII и XVIII веках», Цветаев рассматривал основные вопросы истории протестантизма в России: когда появились протестанты в России, какое положение они занимали и в какой мере пользовались свободой вероисповедания, как к ним относилось государство, церковь и общество. Изучением истории положения неправославных христиан в России занимались профессор церковного права Т.И. Буткевич и М.Е. Красножен.

Безусловно, в общем объеме статей и книг по протестантизму, вышедших в России в рассматриваемый период, преобладают труды, написанные в рамках обличительного

богословия, однако постепенно с конца XIX в. начинают издаваться биографические очерки и научные труды по истории протестантизма, прежде всего, связанные с изучением Реформации. Среди них работы И.В. Лучицкого, Н.Н. Любовича, Р. Ю. Виппера и Н.И. Кареева. Историки, которых можно отнести к культурно-историческому направлению, такие, как М.С. Корелин, Л.П. Карсавин и О.А. Добиаш-Рождественская были полностью сосредоточены на различных аспектах церковной истории (приходская жизнь, культ святых, религиозное мировоззрение и проч.).

Исследования по истории христианства, созданные отечественными учеными во второй половине XIX – начале XX вв. развивались под влиянием российской и западноевропейской научной мысли. Повышение качества исследований было связано как с постепенным освобождением академических исследований от конфессионального влияния, с углублением источниковедческого анализа, привлечением новых источников, использованием новых теоретических подходов и общенаучных методов, так и с изменениями в общественно-политических настроениях в стране в целом.

Литература

1. Устав о цензуре: [Утвержден 22 апреля 1828 г.: с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. Санкт-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1829. – 101 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ. РУССКАЯ ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА И САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Ольга Дмитриевна Баженова

Доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусств

Белорусский государственный университет

E-mail: baolga@tut.by

Статья представляет размышление о возможности изучения русской деревянной церковной скульптуры в контексте философского знания, а именно в рамках проблематики антропологического измерения храмового пространства. Такой методологический подход позволит добавить новые аргументы в атрибуцию, интерпретацию и датировку деревянной храмовой скульптуры, которая относится к одному из самых сложных, мало изученных, а главное, трудно поддающихся стадийности жанров в истории русского искусства.

Ключевые слова: церковная деревянная скульптура, древнерусское искусство, атрибуция, интерпретация, антропология.

METHODOLOGY OF ART HISTORY IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE. RUSSIAN WOODEN SCULPTURE AND SACRAL SPACE

Olga D. Bazhenova

Doctor of History of Arts, Associate Professor, Professor of the Department of Arts

Belarusian State University

E-mail: baolga@tut.by

The article represents a reflection on the possibility of studying Russian wooden church sculpture in the context of philosophical knowledge, namely within the framework of the problems of the anthropological dimension of the temple space. Such a methodological approach will allow to add new arguments to the attribution, interpretation and dating of wooden temple sculpture; the last one refers to one of the most complex genres which is very difficult to study in the history of Russian art.

Keywords: Russian wooden church sculpture, Old Russian art, attribution, interpretation, anthropology.

Русская деревянная церковная скульптура XVI-XVIII вв. являлась по большей части иконостасной, то есть принадлежала преграде, отделяющей алтарь от пространства для молящихся, выделяя тем самым две, *sacrum* и *profanum*, части храма. В описаниях философов русского серебряного века, в частности П.Флоренского, иконостас в русских церквях следовало понимать как непроницаемую границу двух миров и двух названных пространств [Флоренский, 1993; Михайлов, 1994: 33-71]. Иконостасная скульптура, следуя смыслам Флоренского, должна была выполнять задачи зримого воплощения защитников границы.

Рассмотрение скульптуры затрагивает сразу несколько проблем, а именно, телесности и без-телесности воплощения, понимания пространства как не-проницаемого и проницаемого. Это неизбежно влечет за собой включение искусствоведения в контекст философского знания. В нашем случае с учетом не только трансцендентного, но и антропологического измерения пространства. Понимание русской деревянной храмовой скульптуры как семиотического текста, дает возможность выстроить «структурное единство» этого вида искусства, соединять «планы выражения и содержания», как утверждал Ю. Лотман [Лотман, 1996: 307].

Русская деревянная скульптура, как явление русского искусства XVII-XIX вв., была «открыта» Н. Серебренниковым, собравшим в 1920-е гг. в Перми коллекцию «пермских богов» [Пермская деревянная скульптура, 2013]. Комиссар народного просвещения А. Луначарский дал, что немало важно было в революционные годы, пермскому собранию высокую оценку. В 1930-е гг. в книге «Русская народная резьба по дереву» историю этого вида искусства в широком хронологическом диапазоне представил Н. Соболев [Соболев, 1934]. Исследователь рассказал о большом количестве произведений, но точных датировок и стилистических групп памятников оказалось явно недостаточно, чтобы явление получило твердое фундаментальное обоснование. В 1960-1970-е гг. храмовая скульптура чаще рассматривалась как явление народной культуры и датировалась в широких рамках целых столетий. Во второй половине XX в., особенно в последние десятилетия прошедшего века и начале XXI столетия, появились альбомы, представляющие деревянную скульптуру в собраниях провинциальных музеев России. Датировки оставались достаточно приблизительными, но явление открылось в широком диапазоне ранее неизвестных памятников.

В искусствоведении со времен закрепления его в регистрах научного знания Г. Вельфлиным, основополагающим являлась формальная стилевая характеристика художественного предмета, которая одновременно давала и о его датировку. Но в русской деревянной скульптуре стиль обнаружить достаточно трудно [Вагнер, 1974; Вагнер, 1980], «продолженность» формальных решений не дает возможности датировать скульптуру согласно стилистическим моделям и тем более считать их одновременно хронологическими маркерами.

Когда автор статьи 20 лет назад обратилась к изучению собрания деревянной церковной скульптуры Вологодского музея-заповедника, выяснилось, что по стилистическим признакам произведения датировать невозможно, не уточняя время исполнения иконостасов в архивных документах. Но, во-первых, документов сохранилось очень мало, а во-вторых, большая часть вологодской скульптуры не имела легенды своего происхождения, так что не помогли бы и сохранившиеся письменные свидетельства.

Наиболее значимым в этом случае оказался анализ философского контекста существования памятников, знание антропологических особенностей измерения пространства и времени в определенные периоды развития русской деревянной церковной скульптуры.

Начнем с антропологической проблематики. Она обозначает три точки антропологической бифуркации, то есть интереса к человеческой личности, совпадающие с интересом к скульптурному оформлению иконостасной преграды. Первая точка фиксируется во второй половине XVII в. Все памятники собраны в основном в Московском Кремле и подмосковных царских и патриарших монастырях, то есть явление ограничено заказами царской семьи и патриарха [Белорусы Москвы, 2014]. Второй период - петровское время первой четверти XVIII в., третий – екатерининская эпоха второй половины XVIII столетия.

Между этими точками существовало время замедленного и архаизированного использования скульптуры, в XIX в. соборное церковное пространство от скульптуры в иконостасах вообще отказалось, появились другие скульптурные формы, например, ангельские фигуры в подставках аналоев, подсвечников. При этом важно заметить, что это был период активной деятельности скульптурного класса Императорской Академии художеств. Девятнадцатое столетие показало, что в русском церковном искусстве главным является не

умение скульптора создать что-то объемно-скульптурное, а программное понимание трансцендентных и антропологических свойств храмового пространства.

Все три точки бифуркации, отмечающие рост интереса к скульптурному украшению иконостасов, связаны с увеличением антропологической значимости пространства и началом его репрезентации как пространства проницаемого.

В царский период второй половины XVII в. иконостасная преграда перестала быть плоской, содержащей только иконы в тябловых скрепах. Иконостас приобрел рельефность благодаря украшающей его резьбе и скульптуре. У молящегося появилась возможность «фремировать» отдельные части иконостасной преграды, «как бы входя в них», соизмеряя себя и иконный образ иконостаса. Начался период новой телесности, которая не умозрительно, а визуально отождествляла Бога с его творениями.

Знаковым иконостасом петровской поры стал иконостас Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, выполненный в 1722-1726 гг. под руководством И. Зарудного [Бусева-Давыдова, 2001]. Впервые русский иконостас получил проницаемость и антропологическое измерение. Скульптуры составляли основу его пространственной композиции. Иконографически и концептуально иконостас Зарудного следовал формам античных триумфальных арок, для которых обозначаемая аркой граница была символом перехода из одного пространства в другое. Такой же концепции отвечали конструкции алтарей католических храмов Западной и Восточной Европы. Но следует заметить разность между скульптурным убранством второй половины XVII в. и первой четверти XVIII в.: скульптура во втором периоде стала частью концептуального решения иконостасной композиции.

Третий период – екатерининская эпоха второй половины XVIII столетия (1760-1790-е гг.) представлена большим количеством скульптурных алтарей, которые также повторяют фасадные архитектурные формы с опорой на триумфальные арки. В Вологде это три иконостаса 1770-1780-х гг. Строились они при вологодском, а ранее ярославском, генерал-губернаторе А.П. Мельгунове, активном сподвижнике императрицы Екатерины II.

Такое троекратное изменение в иконостасном формообразовании невозможно объяснить только иконографическими подвижками в рамках художественного образования и профессиональных навыков ваятеля. Это были эпохальные сдвиги в мышлении и мировосприятии, что подтверждают иконостасные конструкции, прочитанные нами как культурные тексты в рамках философского антропологического знания с опорой на методологический принцип связи их с концепциями пространства определенного времени.

Литература

1. Белорусы Москвы. XVII век / Сост. О.Д. Баженова, Т.В. Белова. Минск: Белорус. Энцикл. имени П. Бровки, 2014. С. 3-27.
2. Бусева-Давыдова И.Л. Иконостас Петропавловского собора в Петербурге: к истолкованию иконографической программы // Петр Великий - реформатор России /Редкол.: Р.М. Байбурова, Н.С. Владимирская (отв. ред.), Н.В. Рашкован и др. (Материалы и исслед./Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль». Вып. 13. М., 2001. 278 с. URL: www.kremlin.ru Дата доступа: 10.12.2017.
3. Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV - XV веков. М.: Искусство, 1980. 268 с.
4. Вагнер Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1974. 268 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996. 307 с.
6. Михайлов А. Отец Павел Флоренский как философ границы. К выходу в свет критического издания «Иконостаса» // Вопросы искусствознания. 1994, № 4. Москва, 1994.- С. 33-71.
7. Пермская деревянная скульптура конца XVII - начала XX века. Коллекция Пермской государственной художественной галереи / Авт.-сост. О.М. Власова. М.: Арт-Волхонка, 2013. – 440 с.
8. Соболев Н.Н. Русская народная резьбы по дереву. М.: Академия, 1934. - 478 с.
9. Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: «Мифрил», 1993.- С. 105-178.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИАЛОГА
КАК РЕКОНСТРУКЦИЯ «КОНТЕКСТА ЭПОХИ»
(НА ПРИМЕРЕ ДИАЛОГА ВЛ.С. СОЛОВЬЁВА И К.Н. ЛЕОНТЬЕВА)**

Елена Валерьевна Бессчетнова

*Кандидат философских наук, заместитель заведующего
Международной лабораторией исследований русско-европейского
интеллектуального диалога*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики»*

Девятнадцатый век – это расцвет русской культуры, период формирования и артикуляции основных идей русской философии. В этот период основные смыслы русской философии были созданы в процессе постоянного разговора (диалога). Диалог был в форме полемики на страницах ведущих журналов, личных бесед и переписки. Ярким примером диалога, который позволяет нам восстановить контекст эпохи, является «небольшой литературный спор» Вл.С. Соловьев и К.Н. Леонтьев.

Ключевые слова: диалог, контекст эпохи, интеллектуальное моделирование, Соловьёв, Леонтьев, полемика.

**INTELLECTUAL MODELING OF THE DIALOGUE AS A RECONSTRUCTION
OF THE "CONTEXT OF THE ERA" (ON THE EXAMPLE OF THE DIALOGUE
OF V.L. SOLOVYOV AND K.N. LEONTIEV)**

Elena V. Besschetnova

*Candidate of Science, Deputy Head of International Laboratory for the Study of Russian and
European Intellectual Dialogue*

National Research University Higher school of economics

The nineteenth century is the heyday of Russian culture, the period of formation and articulation of the basic ideas of Russian philosophy. During this period, the main meanings of Russian philosophy were created in the process of constant conversation (dialogue). The dialogue were in the form of polemics on the pages of leading journals, personal conversations and correspondence. A vivid example of a dialogue that allows us to reconstruct the context of the era is the "small literary dispute" of Vl.S. Solovyov and K.N. Leontiev.

Keywords: Dialogue, intellectual modelling, Solovyov, Leontiev, context of the era, being of Russia, polemics.

В нынешней геополитической и историко-культурной ситуации, когда Россию вновь начинают выводить за пределы Европы (причем как на Западе, так и внутри самой страны) чрезвычайно актуальной становится проблема бытия России, говоря словами П.Я. Чаадаева, в «общем порядке мира» и опыта осмысления этого бытия крупнейшими русскими мыслителями. Центральная линия русского философствования сфокусирована на решении проблемы культурной идентичности России. Для русских интеллектуалов вопрос о принадлежности русской культуры к европейской, в основе которой лежит синтез античной и христианской традиции, был очевиден. Различные попытки лишить русскую мысль европейской культурной почвы всегда наталкивались на сопротивление русских философов.

Анализ социокультурных задач современности в контексте духовно-нравственной мысли России девятнадцатого столетия важен для определения специфики культурных процессов современного этапа. Девятнадцатый век – век расцвета русской культуры, период формирования и артикуляции основных идей русской философии о возможной судьбе России в движении мировой истории. В этот период основные смыслы русской философии XIX века создавались в процессе постоянного разговора (диалога). Речь может идти как об интеллектуальном диалоге и полемике на страницах ведущих журналов: Современник, Отечественные записки, Русь, Гражданин, Вестник Европы и других, также о личных беседах и

переписке философов. Именно диалог в этот период становится особой формой выражения мысли для русской философии. Ярким примером диалога, позволяющего реконструировать контекст эпохи, является «маленький литературный спор» Вл.С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева. Оба мыслителя внешне придерживались диаметрально противоположных взглядов, но совпали в главном - в своих основных интуициях о пути России.

Стоит отметить, что моделирование диалога мыслителей осложнено тем, что официальная полемика на страницах периодических изданий, несмотря на то, что она постоянно инициировалась Леонтьевым, в полной мере развернута не была. В данном контексте исследователю стоит обратиться к переписке, и даже в большей степени не к переписке самих мыслителей, а к переписке Леонтьева с другими своими современниками, в частности с Т.И. Филипповым, о. И. Фуделем, В.В. Розановым, Н.Н. Страховым, А.А. Александровым, с племянницей М. Леонтьевой. Философ в своих письмах подробно разбирает наиболее заинтересовавшие его аспекты работ Соловьёва, критикует и высказывает свою точку зрения. Стоит отметить, что количеству упоминаний в текстах Леонтьева Соловьёв стоит на первом месте. Леонтьев тщательно следил за творчеством Соловьёва, собирал вырезки его статей и статей с ним полемизирующих, об этом свидетельствует опись документов, составленная после смерти мыслителя.

Также Леонтьев готовил статью «Разные стороны учения Владимира Соловьёва; их надо различать», тезисы к которой были найдены в его бумагах. Всего Леонтьев выделил 9 основных пунктов учения Соловьёва. С первыми двумя он был категорически не согласен и объединил их вместе, сделав пометку «Не доказательно. Грешно и грубо». Речь идет о взглядах Соловьёва на разделение Церквей, особенное значение Апостола Петра и Рима, а также недоброжелательное отношение к Русскому и Восточному Патриархату. Леонтьев высоко ценил Теорию развития Церкви Соловьёва и его Объяснения Ветхого Завета. Это был период, когда все интеллектуальное сообщество активно дискутировало по поводу поднятой Соловьёвым темы объединения Церквей под духовной властью Рима. Леонтьев иронически называл проект своего друга призывом «идти под папу».

На страницах периодической печати Соловьёв и Леонтьев встретились после 1880 года. Поводом стала Пушкинская речь Ф.М. Достоевского. Это был единственный отклик Соловьёва на конкретную работу Леонтьева. Но фактически диалог продолжался. Леонтьев также решился на полемику с Соловьёвым в 1888 г., написав статью «Владимир Соловьёв против Данилевского». Это был ответ на опубликованную в журнале М.М. Стасюлевича статью «Россия и Европа». В 1889 году Леонтьев пишет работу «О национализме политическом и культурном» в форме семи посланий к Вл. Соловьёву, который продолжают начатые им рассуждения на тему национальной политики и о том как он понимает термин «нация» в работах 1888 г. «Национальная политика как орудие всемирной революции» и «Плоды национальных движений на православном Востоке». Также Леонтьев призвал Соловьёва быть судьей в споре против П.Е. Астафьева по национальному вопросу, написав работу «Кто правее? Письма к Вл. Соловьёву», но Соловьёв от этой роли деликатно уклонился, хотя об этом у них была личная договорённость при последней встрече в Москве в конце лета 1890 года. Соловьёв так и не высказал публично своей позиции по отношению к этому спору. Официальный диалог двух мыслителей так и не состоялся. Соловьёв о Леонтьеве написал небольшую статью в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и статью «Памяти К. Леонтьева». Наиболее характерные отзывы Леонтьева о Соловьёве содержатся в его переписке с о. И. Фуделем в последние четыре года жизни мыслителя, в том числе и пояснения о причине «разочарования» Леонтьева в Соловьёве, связанная с публикацией последнего реферата «Об упадке Средневекового мирозерцания».

Леонтьев умер в 1891 году, но при этом интеллектуальный диалог мыслителей не завершился, он перешел в свою вторую фазу, где уже прослеживается не влияние Соловьёва на Леонтьева, а наоборот влияние Леонтьева на Соловьёва. В этом контексте важен анализ последней работы Соловьёва «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» в горизонте основных эсхатологических предчувствий Леонтьева и его пессимистических взглядов на прогресс. Соловьёв кардинально меняет свои взгляды о действительном месте зла в мире, истории и жизни человека. Если до 1891 года ему свойственно было «оптимистическое» восприятие зла и недооценка его реальной силы, то в начале 1890-х годов наступает «идейный «перелом». Предсмертные мысли Леонтьева легко узнаваемы в позиции г-

на Z, героя передающего взгляд самого автора. Слова г-на Z наполнены эсхатологическими предчувствиями.

Концепции обоих мыслителей оказали, безусловно решающее влияние на последующую русскую мысль. Оба философа размышляли о судьбе России в период наступающих катаклизмов. Они создали свои проекты идеального общества, выбрав разные траектории, но пришли к одним и тем же выводам о том, что эсхатологический кризис неизбежен. Реконструкция диалога Вл.С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева позволяет определить основные проблемы, находящиеся в центре философского дискурса второй половины XIX века. Среди которых, прежде всего, стоит обозначить роль христианства в истории человечества, вопрос объединения Церквей и единения человечества, смысл понятий нация, национальность, национальный и культурный идеал, национальная политика, место и роль России в историческом процессе, сущность прогресса, смысл истории и конец истории. Вл.С. Соловьёв и К.Н. Леонтьев одними из первых заговорили о том, что, забыв о своих основах, забыв о христианстве, Европа неминуемо обречена на гибель. Именно с этого пророчества и начался Новый век. Страшные предчувствия Вл.С. Соловьёва и К.Н. Леонтьева глубоко повлияли на восприятие мира новым поколением русских интеллектуалов. Они вошли в XX век с неизбежным ожиданием конца света, начали существовать в новой эсхатологической модели истории.

Литература

1. Козырев А.П. Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев: диалог в поисках русской звезды // Соловьёв и гностики М.: Издатель Савин С.А., 2007 С.268-293
2. Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854-1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
3. Пророки Византизма // Переписка К. Леонтьева и Т. Филиппова/ред. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2011.
4. Соловьёв Вл. С. Письма // под ред. Э. Л. Радлова. В 4 т. СПб.: 1908-1923.

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ КАК АНАЛИТИК ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА XX ВЕКА

Леонид Люкс

PhD, научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Институт исследований Центральной и Восточной Европы; главный редактор журнала «Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte»

E-mail: leonid.luks@ku.de

Г.П. Федотов был наряду с авторами сборника «Вехи» и неаоторыми другими представителями русского религиозно-философского ренессанса рубежа веков одним из самых глубоких аналитиков начавшейся в 1917 г. русской революции и европейского кризиса 1-й половины XX в. Революционное прошлое дополнительно связывало Федотова с рядом авторов «Вех». Однако между Федотовым и авторами сборника «Вехи» было принципиальное различие. Если авторы «Вех» решительным образом влияли на внутренний российский дискурс с конца XX столетия, то голос Федотова был услышан его соотечественниками лишь четверть века спустя. К этому времени Федотов превратился из неизвестного в одного из самых известных авторов русской эмиграции. Его анализу европейского кризиса XX столетия будет посвящен доклад.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, Ф.А. Степун, Русская революция, большевизм, демократия, тоталитаризм, Германия, Новый Град, Вехи.

GEORGY FEDOTOV AS AN ANALYST OF THE EUROPEAN CRISIS OF THE XX CENTURY

Leonid Luks

PhD, Academic Supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue;

National Research University Higher School of Economics

Institute for Central and Eastern European Studies

E-mail: leonid.luks@ku.de

G. Fedotov was one of the most profound analysts of the Russian revolution that began in 1917, and the European crisis of the first half of the twentieth century. The revolutionary past connected Fedotov with a number of authors of "Vekhi". However, between Fedotov and the authors of the collection "Vekhi" was a fundamental difference. If the authors of "Vekhi" decisively influenced the internal Russian discourse from the end of the XIX century, Fedotov's voice was heard by his compatriots only a quarter of a century later. By this time, Fedotov turned from an unknown person into one of the most famous authors of Russian emigration. This report is devoted to his analysis of the European crisis of the twentieth century.

Keywords: G.P. Fedotov, F.A. Stepan, Russian revolution, bolshevism, democracy, totalitarianism, Germany, Novyi Grad, Vekhi.

Георгий Петрович Федотов был, наряду с авторами сборника Вехи (1909) и некоторыми другими представителями русского религиозно-философского ренессанса рубежа XIX-XX вв., одним из самых глубоких аналитиков начавшейся в 1917 г. русской катастрофы и углублявшегося европейского кризиса первой половины XX в.

Революционное прошлое дополнительно связывало Георгия Федотова с авторами Вех – Семеном Франком, Николаем Бердяевым, Петром Струве, Сергеем Булгаковым и Александром Изгоевым. И он нес в себе бациллу политического радикализма и отчужденного от мира утопизма; тем более безжалостно и эффективно он боролся с этими явлениями.

Однако между Федотовым и авторами Вех было принципиальное различие. Если авторы Вех решительным образом влияли на внутренний российский дискурс, начиная с конца XIX столетия, то голос Федотова был услышан его соотечественниками лишь через четверть века – в 1926 г.

К этому времени Федотов превратился из неизвестного автора в одного из самых влиятельных аналитиков русской эмиграции, которого называли «новым Александром Герценом».

Г.П. Федотов о кризисе европейской демократии

Еще в апреле 1918 г. Федотов писал, что европейцы не могут себе позволить отказаться от России. Русская катастрофа рано или поздно отразится на Западе. И в самом деле, кризис русской демократии лишь на несколько лет опередил кризис демократии в западной части европейского континента. Для плюралистических обществ Запада тоталитарные течения также стали представлять собой растущую угрозу. С середины 1920-х годов Федотов мог в непосредственной близости наблюдать кризис идентичности европейской демократии, что внушало ему большие опасения. К первым высказываниям Федотова на эту тему принадлежала статья «Carmen saeculare», опубликованная в эмигрантском журнале Путь в 1928 г. Название статьи отсылает к стихотворению Горация, которое поэт посвятил началу новой эпохи в истории Рима – правлению императора Августа. Федотов также пытается распознать черты новой эпохи, начавшейся после «долгого XIX века».

Что же видит Федотов, анализируя события недавно столь бурно начавшегося нового века? Что отличает его от прошедшего столетия? Новый дух времени восстал против изысканной эстетики XIX века, культурного многообразия и гуманистических ценностей, пишет Федотов Им были противопоставлены сила воли и техническая эффективность, ценившиеся чрезвычайно высоко. В почете были борющиеся натуры, а не рефлексивные мыслители. Какая же угроза для старой европейской культуры исходила от этих новых европейцев, – задает вопрос Федотов: «Не бестиализм ли утверждается на развалинах царства

человечности?»).

Другая тенденция также вызывает крайнюю озабоченность Федотова – тот факт, что современные европейцы все меньше ценят мир свободы: «Современный человек не нуждается в свободе. Он предает ее на каждом шагу: в политике, в общественной жизни, в религии. Для него свобода опороченное слово, символ дурного бессилия, буржуазной анархии».

Федотов констатировал бегство европейцев от свободы за 13 лет до того, как это сделал Эрих Фромм в 1941 г. в своей знаменитой книге.

После мирового экономического кризиса 1929 г. и все углублявшегося кризиса Веймарской республики начала 1930-х годов Федотов становится все более пессимистичным.

Федотов о германской катастрофе 1933 года и ее последствиях

Германскую катастрофу 1933 года Федотов объясняет, прежде всего, не мощью радикальных противников немецкой демократии, а безволием самих демократов. Федотова особенно беспокоил факт, что бессилие демократии – это не только немецкое или итальянское, а общеевропейское явление: «Демократия нигде не умела защищать себя: она погибает почти без сопротивления... В политике слабость не только несчастье, но и порок. Не умея защитить себя, власть тем более не в силах осуществлять ответственных решений, вести народ к творчеству новой жизни».

Это слова из статьи Федотова «Наша демократия», опубликованной в 1934 году в журнале Новый Град, основанном им в 1931 г. совместно с Федором Степуном и эсеровским публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским. Журнал представлял собой реакцию на европейский кризис 1930-х годов. Важнейшей целью журнала, его программой, была защита свободы, этого важнейшего с точки зрения издателей Нового Града достижения начавшегося в 1789 году «долгого XIX века», от ее тоталитарных врагов, левых и правых. Уже в 1933 г. Федотов опубликовал в Новом Граде статью под говорящим названием «Демократия спит», в которой высказал свою глубокую озабоченность тем, что германская катастрофа не смогла разбудить оставшиеся еще в Европе силы демократии: «Вот уже третье предостережение. Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы. Половина ли только? Большая часть Европы уже под водами, а мы, уцелевшие, на крайнем Западе, смотрим на волнующуюся бездну, подступающую к нам, готовую слизнуть остатки матери-ка».

Когда Федотов писал эти слова, в Европе существовали разного рода умиротворители, считавшие, что не следует преувеличивать значение перелома 1933 года. Консервативные союзники нацистской партии были уверены, что им удастся приручить Гитлера: «Через два месяца мы задвинем Гитлера в угол», сказал тогда Франц фон Папен – консервативный союзник Гитлера.

Федотов был гораздо более дальновидным. Ему было ясно, что Германия отныне вошла в совершенно новую историческую эпоху: «В другой век. В другую историю – древнюю, среднюю или ультрасовременную? Во всяком случае, в тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови ... Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена».

Эрозию европейской демократии Федотов связывает не в последнюю очередь с тем, что демократическая идея, за которую в прежние времена многие шли на баррикады, теперь едва ли кого вдохновляет: «Отсутствие идей, отсутствие воли, отсутствие людей – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры».

Федотов имел мужество отстаивать непопулярную позицию. В то время, когда все меньшее количество людей осмеливалось защищать демократию, так как она, с точки зрения людей, плывущих по течению, казалась дискредитированной, Федотов в уже упомянутой статье «Наша демократия» писал: «"Новый Град" не популярен, нам нечего терять, и потому мы защищаем демократию».

Каковы, с точки зрения Федотова, были истоки этого глубокого европейского кризиса? Видел ли он пути его преодоления? Этим и другим вопросам будет посвящен доклад.

Литература

1. Федотов Г.П. Лицо России. Сборник статей (1918-1931). Париж: YMCA-PRESS, 1967. –

328 с.

2. Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Париж: YMCA-PRESS, 1973. - 320 с.
3. Федотов Г.П. Тяжба о России. Париж: YMCA-PRESS, 1982. - 335 с.
4. Федотов Г.П. Защита России. Париж: YMCA-PRESS, 1988. – 312 с.
5. Федотов Г.П. Новый Град. Сборник статей. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. – 377 с.

ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ЭТНИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ ЯЗЫКА: ОЧЕРТАНИЯ ПАРАДИГМЫ И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ – Г.Г. ШПЕТА

Александр Владимирович Загуменнов

Аспирант

Вологодский государственный университет

E-mail: zaw1991@mail.ru

В докладе осуществляется опыт реконструкции одной из методологических программ отечественного языковедения дореволюционного периода. Представлены две контрадикторные точки – позиции И.А. Бодуэна де Куртенэ и Г.Г. Шпета в аспекте вывода о возможности/невозможности построения этнической психологии как науки.

Ключевые слова: Этническая психология, язык, языкознание, феноменология, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.Г. Шпет.

TWO POINTS OF VIEW ON THE ETHNIC PSYCHOLOGY OF LANGUAGE: THE OUTLINES OF THE PARADIGM OF I.A. BAUDOIN DE COURTENAY - G.G. SHPET

Alexander V. Zagumennov

Postgraduate student

Vologda State University

E-mail: zaw1991@mail.ru

The report carries out the experience of reconstructing one of the methodological programs of Russian linguistics in the pre-revolutionary period. As positions of contradiction are the positions of I.A. Baudouin de Courtenay and G.G. Shpet in their judgments about the possibility / impossibility of building ethnic psychology as a science.

Keywords: ethnic psychology, language, linguistics, phenomenology, I.A. Baudouin de Courtenay, G.G. Shpet.

I. Исходный принцип, послуживший выдвиганию этой проблематики в филологических науках уже в XIX столетии – тезисы В. фон Гумбольдта о спаянности языка и духа народа [Гумбольдт, 2000], а также ряд наблюдений о связи текста и характера [Гумбольдт, 1985]. Впоследствии эти положения будут переосмысляться в рамках общего кризиса младограмматического подхода в сравнительно-исторической лингвистике [Пауль, 1960; Якобсон, 1985; Караулов, 2010]. Этот процесс охватил также и отечественное языкознание. Достаточно указать, что в филологических исследованиях с середины девятнадцатого столетия обсуждалась проблема теоретического обоснования связи эволюционных процессов в грамматике с принципами функционирования сознания, мышления, «духа» единичного субъекта или совокупности таковых [Аксаков, 1875; Богородицкий, 1907; Потеня, 1999; Шахматов, 2001]. В контексте обозначенной темы прослеживался и другой вопрос: «существует ли у коллектива, толпы, этноса своя собственная психология?»

II. Теоретическому переносу по аналогии «учения о душе» с единичного субъекта на множество таковых в парадигме филологических дисциплин могли препятствовать некоторые реликты картезианского идеала науки. Его онтологическим принципом, по замечанию В.П. Филатова, было то, что «*материя является косным, инертным началом и отличается от сознания - активного начала деятельности. Сознание заключено во внутреннем*

индивидуальном мире, в индивидуальном теле...» [Филатов, 2014: 291]. Этому положению следует лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ: *«Каждая психическая индивидуальность образует отдельный мир, мир закрытый, не имеющий непосредственного контакта ни с одним подобным ему миром и не переходящий непосредственно в другие подобные ему «миры»* [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 190]. «Замкнутость», «закрытость» как ограничение деятельного начала в косном пространстве без языка в определенной степени повторяет а) атомарный принцип картезианского идеала науки и б) положения Г. Пауля о невозможности этнической психологии как таковой.

III. Иное видение этой проблемы было предложено Г.Г. Шпетом. В своей работе «Введение в этническую психологию» он рассматривает лингвистический аспект как один из составляющих дисциплины в целом. Поэтому В. фон Гумбольдт как автор-предшественник науки стоит в одном ряду с Геродотом, Тацитом, Дж. Локком и другими [Шпет, 2006: 424 – 425]. Как показано выше, во внимание принимается более широкий теоретико-методологический контекст по сравнению с таковым у филологических дисциплин того времени. Поэтому при анализе младограмматического подхода к вопросу этнической психологии Г.Г. Шпетом и утверждалось, что *«...вывод Пауля...не верен: если здесь нет места для этнической психологии, то точно также его нет и для индивидуальной психологии»* [Шпет, 2006: 478]. В контексте общего рассмотрения этот тезис выступает как контрадикторный выводу И.А. Бодуэна де Куртенэ, следовавшему в свою очередь за вектором Г. Пауля.

IV. При такой разности итоговых положений вопрос о некоторой единой или объединяющей парадигме [Кун, 1977], на первый взгляд, не стоит. Однако вынесенное в заглавие словосочетание *«этническая психология языка»* накладывает определённый филологический ракурс рассмотрения. Для И.А. Бодуэна де Куртенэ, отрицавшего возможность теоретико-методологического переноса «учения о душе» с субъекта на совокупность таковых, выявляется смежный (но не тождественный) подход к языку: *«(определённый характерный язык) как реальность, как нечто действительно существующее, может быть исключительно индивидуальным явлением, или, вернее, коллективно - индивидуальным (явлением коллективным и индивидуальным)»* [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 190]. Иными словами психология остаётся в области единичного субъекта, а вот коммуникация, вернее её инструмент, уже обладает некоторым «гибридным статусом», своего рода выходящим за пределы канона о запертом в теле сознании. В этой точке в зачаточном состоянии уже содержится мысль об интерсубъективности [Гуссерль, 2010]. Для Г.Г. Шпета эта тема являлась актуальной в контексте проблемы понимания [Шпет, 2004] – необходимого условия коммуникации между индивидами. Впрочем, во «Введении в этническую психологию» показательнее в этом отношении не столько герменевтические основания интерсубъективности [Шпет, 2006: 472], сколько рассуждения о *типе*. По мысли Г.Г. Шпета, он *«...коллективен, потому что он «собирается», «составляется» из элементов, черт, признаков; он и в высшей степени индивидуален, как по полноте признаков, так и по своей незаменимости»* [Шпет, 2006: 476]. В дальнейшем такое понимание позволяет данному автору признать язык одним из *коллективных типических переживаний*.

V. В действительности работы И.А. Бодуэна де Куртенэ и Г.Г. Шпета могут быть одними из многих других трудов в фундаменте этой некогда утраченной науки. «Этническая психология языка» как разработка по своей природе подлинно феноменологическая, если опираться на авторитет *«Лингвистического энциклопедического словаря»*, до начала XXI века отсутствовала как самостоятельное направление, либо (по сути то же самое) включена как подраздел этнолингвистики [ЛЭС, 1990]. Когда исследователь находится в эпицентре современных проблем когнитивной парадигмы в языкознании, то он стоит на той же исходной точке, какая была при кризисе младограмматизма, а именно: поиске теоретического обоснования связи эволюционных процессов в грамматике с принципами функционирования сознания, мышления, «духа» единичного субъекта или совокупности таковых в виде этноса.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. – 391 с.
2. Филатов В.П. От мысли к науке: культурно-исторический подход к генезису

экономической науки // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы: к 70-летию Бориса Исаевича Пружинина. М.: РОССПЭН, 2014. С. 289-305

3. Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды / отв. ред. Т.Г. Щедрина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 624 с.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕКСТЫ В РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ПЕРЕМЕНА ПАРАДИГМЫ⁴

Татьяна Семеновна Злотникова

*Доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии, заслуженный деятель науки РФ
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
E-mail: cij_yar@mail.ru*

При перемене парадигмы в исследовании массовой культуры неизменным остается минимальное внимание, уделяемое российским культурным практикам как эмпирическому материалу. В докладе предлагается осмыслить текст и контекст массовой культуры в российском дискурсе. Автором обозначен научный кластер (коды, сферы, уровни) и основанные на нем пласты изучения массовой культуры, актуализирующие ее глобализационный и аутентичный контексты. Концепция доклада строится на идее бинарности человека и текста: человек-творец и созданный культурный текст; человек-творец и текст его поведения; человек-реципиент и воспринимаемый им текст; человек-творец и человек-реципиент. Рассматриваются динамические и статические тексты массовой культуры, текст-образ как воплощение архетипов.

Ключевые слова: Перемена парадигмы, человек, тексты, российская массовая культура, бинарность, контекст.

THE MAN AND HIS TEXTS IN RUSSIAN POPULAR CULTURE: A CHANGE OF PARADIGM

Tatiana S. Zlotnikova

*Professor of Department of the Cultural Studies
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
E-mail: cij_yar@mail.ru*

We are observing a change of paradigm in the study of popular culture. Now we still observe minimal attention to Russian cultural practices as the empirical material. The report proposes to reflect on the text and context of popular culture in the Russian discourse. The author outlines the scientific cluster (codes, scope, levels) based on layers of the study of popular culture in the globalization and authentic contexts. The concept of the report is based on the idea of the binarity of a human being and text. We analyze a person as a creator and as a recipient, cultural text, text of behavior. The author examines the dynamic and static texts of popular culture, the text-image as the embodiment of archetypes.

Keywords: A change of paradigm, person, texts, Russian popular culture, binarity, context.

Во второй половине XX в. о массовой культуре речь шла в отечественных исследованиях как о явлении негативном, привнесённом в Россию из-за рубежа, а чаще, как о глубоко чуждом зарубежном опыте. При концептуальных изменениях в изучении массовой культуры неизменным осталось минимальное внимание, уделяемое, во-первых, реальным культурным практикам, во-вторых, массиву эмпирического материала, который составляет основу российской массовой культуры, и, в-третьих, восприятию публикой не столько отдельных

⁴ Выполнено по гранту Российского научного фонда № 14-18-01833-II

явлений, сколько культурного поля массовой культуры как явления глобализирующегося мира в целом.

Предлагаемый опыт изучения массовой культуры претендует на изменение парадигмы в ее изучении. Прежде всего, мы рассматриваем три вектора изучения проблемы, характерные для отечественной научной традиции, учитывая значимые аспекты работ зарубежных авторов.

Первый вектор имеет разработанную традицию в междисциплинарном поле социологии, искусствоведения и культурологии. Традиция, обязанная своим появлением Т. Адорно, позволяет рассматривать явления массовой культуры в общих трансформациях культуры. Актуализируя проблематику социологии искусства, работы о кино, коллективные труды о театре [Театр как социологический феномен, 2009] проблемы массовой культуры чаще всего «растворяют» в эмпирическом анализе произведений или аудитории.

Второй вектор охватывает проблематику собственно массовой культуры, начиная с периода, когда о ней стало возможно писать, прямо называя это явление. Авторы, давно занимающиеся проблемой (К.Э. Разлогов, В.П. Шестаков), заметно трансформировали парадигму и перешли на спокойный аналитический тон [Массовая культура и массовое искусство, 2003]; в работах П. С. Гуревича, Л.Г. Ионина, А.В. Костиной, где дан анализ теоретических представлений или обобщение мирового опыта, российский дискурс практически отсутствует.

Третий вектор — собственно социологический. В большей части работ отечественных исследователей проблематика массового сознания (М.К. Горшков) и массовой культуры (Ж.Т. Тощенко) присутствует лишь имплицитно. Это, отчасти, касается и работ западных авторов по проблеме массового сознания и коммуникативной проблематики (П. Бурдьё), вплоть до известной идеи «мозаичной культуры» (А. Моль).

Констатируя отсутствие прецедентов системного изучения в России массовой культуры как целостности, присутствующей в явлениях, феноменах и артефактах, предлагаем парадигмальный сдвиг к дискурсивному представлению российской массовой культуры. На основе новых методологических подходов и инструментальных исследований актуализируем взаимодействие значимых, но не рядоположенных понятий – «текст» и «дискурс» [Демьянков, 2005]. Отмечаем, что по версии П. Пави *текст* аналогичен *коду*, по А. Лосеву текст сводим к *символу*.

Текст (универсальный код массовой культуры) представлен как: 1) произведение искусства; 2) поведение человека (текст личности), носителя определенного гендерного, профессионального, национально-ментального статуса; 3) часть системы, исходная, первичная, на которую наращиваются другие, непосредственно с ней связанные и от нее зависящие (интертекст и контекст). Текст – базовый концепт, характеризующий коммуникативные потенции культуры, позволяющие выявить наличие универсальных и специфических знаковых систем в творческих и повседневных практиках личности, в том числе, в контексте массовой культуры [Ерохина, 2015; Злотникова, Киященко, Новиков, 2015].

Сформировав необходимый для изучения российской массовой культуры научный кластер (коды, сферы, уровни), возможно изучать те важнейшие и широко представляющие российскую массовую культуру *пласты*, которые актуализируют ее глобализационный и аутентичный контексты. Глобальные воздействия на массовую культуру очевидны, но в каждой стране приобретают специфический характер, влияя на качество аутентичного контекста.

Первый пласт — продукты постиндустриального общества, отражающие глобализационные процессы («присвоение» зарубежных тенденций и трансформации их в России, проникновение из первоначально элитарной сферы в сферу массовой культуры, превращение в модные тренды, широкое и притом купированное распространение). *Второй пласт*, — собственно и исконно российский, отражающий характерные представления массового сознания глобального мира о России (стилизации календарных праздников, физкультурпарадов, советской массовой песни, массового кинематографа и т.д.).

Специального изучения требует медиасреда, в частности, телевидение: идея «русскости» как альтернативы глобальному воздействию, проявления «русского духа», претензии на отражение жизни России в ее (жизни) многообразии.

Именно в массовой культуре *текст* и *человек* как близки, даже составляют единое целое, так и разобщены. Речь идет о своего рода «человеке-тексте», занятом самопрезентацией, ищущим возможности публичной презентации, в отличие от человека элитарной культуры.

Концепция изучения отечественной массовой культуры строится на бинарности (но не дихотомичности) человека и текста: человек-творец и его культурный текст; человек творец и текст его поведения; человек-реципиент и воспринимаемый им текст; человек-творец и человек-реципиент.

Применительно к массовой культуре в ее российском дискурсе установлено, что *тексты* являются субъектами конформных психологических интенций и построены на высоких классических образцах эстетических решений. *Человек* в этой парадигме – экстраверт с отчетливо выраженными социальными установками (необязательно позитивными, экстраверсия же означает принципиальную открытость миру, настрой на получение жизненных впечатлений извне, а не качественную характеристику полноценно коммуницирующей личности).

Тексты, продуцируемые субъектом-творцом и воспринимаемые субъектом-реципиентом, обладают свойствами, присущими массовой культуре в ее глобальном воплощении и лишь адаптированными к локальной реальности (простота, доступность, сочетание дидактических и гедонистических предложений, отсутствие интеллектуальных вызовов и готовность для их восприятия максимально широкой, причем не обязательно низкой по своему статусу, аудитории).

Среди *текстов* современной российской массовой культуры специально отмечаются динамические (акции и их медиапрезентация) и статические (городская среда и ее элементы, в первую очередь в провинциальных, крупных и средних городах). Особо рассматриваются: *текст-образ* -художественный образ в массовой культуре как продукт высокопрофессионального освоения интертекстуально организованных представлений об архетипах и классических образцах, классический дискурс массовой культуры; *текст-человек* - творец в ситуации многофункциональности деятельности, презентации и самопрезентации в сферах художественного творчества, политики, религии, образования.

Доказательно аргументировано, что тексты массовой культуры являются таковыми в силу актуализации в них вечных тем и ценностей, включая архетипическое конструирование персональной матрицы человека-творца и человека-персонажа.

Литература

1. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005.
2. Ерохина Т.И. Текст – код массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2015. №2. С.37-45.
3. Злотникова Т.С., Киященко Л.П., Новиков М.В. Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс // Ярославский педагогический вестник. 2015. №1. С. 21-27.
4. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». — М.: Изд-во «Гуманитарий»; Академия гуманитарных исследований, 2003. — 512 с.
5. Театр как социологический феномен / отв.ред. Н.А. Хренов. – СПб.: Алетейя, 2009. — 520 с.

ДВА ТЕКСТА РУССКОЙ ОПЕРНОЙ КЛАССИКИ: АВТОРСКАЯ ВЕРСИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Дарья Юрьевна Густякова

*Кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры культурологи
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского
E-mail: dar_gu@mail.ru*

Влияние современной культуры на классическую оперу реализуется в ходе ее театральной интерпретации, актуализирующей диалог эпох, стилей, идеологий. Драматизм процесса современной интерпретации классической оперы раскрывается бинарной оппозицией «классика» – «массовая культура».

Классическая опера – это открытая система, подвергающаяся процессам модернизации, происходящим в культуре. Помимо композиторской интерпретации первоисточника, которым при создании оперы зачастую является литературное произведение, природа жанра подразумевает воплощение классического оперного текста на сцене. В статье обозначаются и на примере классической оперы рассматриваются три уровня интерпретации текста произведения искусства: экстраполяция, адаптация и ассимиляция.

Ключевые слова: классическая опера, массовая культура, художественный текст, интерпретация, экстраполяция, адаптация, ассимиляция.

TWO TEXTS OF THE RUSSIAN OPERA CLASSICS: AUTHOR'S VERSION AND MODERN INTERPRETATION⁵

Darya Yr. Gustyakova

*Candidate of Art Criticism, Assistant Professor, Associate Professor of Cultural Studies
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky*

E-mail: dar_gu@mail.ru

The modern culture influences classics in the course of interpretation of the opera at theater. Interaction of classics and mass culture is the cornerstone of process of modern interpretation of the classical opera. The classical opera is the open system subject to cultural modernization. Besides interpretation by the composer of the literary work, the nature of a genre means an embodiment of the classical opera text on a scene. In article three levels of interpretation of the text of a work of art were called: extrapolation, adaptation, assimilation. Levels of interpretation were considered on the example of the classical opera.

Keywords: classical opera, mass culture, art text, interpretation, extrapolation, adaptation, assimilation.

Классическая опера – открытый текст, подверженный модернизационным тенденциям современного художественного процесса. Жанровые особенности оперы делают ее особо интересной в контексте вопросов интерпретации художественного текста. С точки зрения культурологии и семиотики художественный текст это семантически структурированная, упорядоченная знаковая система. При создании оперы, как правило, литературный художественный текст переводится на язык другого вида искусства (музыкального), таким образом, первоисточник переосмысливается, перерабатывается и становится частью иного художественного (оперного) целого. То есть, уже в момент создания оперы открывается одна из граней проблемы интерпретации. Другая ее грань связана с воплощением классического оперного произведения на сцене.

Обозначенные грани интерпретации внутренне присущи классическому оперному тексту в силу основных жанровых особенностей. Синтетический текст оперы предполагает наличие вербальной составляющей – либретто, основанного преимущественно на базе литературного произведения, таким образом, процесс интерпретации становится условием создания оперного текста. Опера существует для слушателя-зрителя только в момент ее материализации в музыкальном звуке и в сценическом действии, являясь произведением, требующим посредника-исполнителя. Таким образом, опера выступает объектом интерпретации, которая, в свою очередь, является условием репрезентации оперы.

Мы определили три, по всей вероятности, универсальных уровня интерпретации текста художественного произведения: экстраполяция, адаптация и ассимиляция. Считаем, что опыт классификации интерпретационной деятельности может быть применен к оперному жанру. Полагаем, что наша классификация будет иметь силу по отношению к обеим граням: интерпретация как условие создания оперного произведения и интерпретация как условие репрезентации оперной классики в современном культурном поле.

Первый уровень интерпретации – экстраполяция, или перенос; здесь текст первоисточника оставлен практически без изменений. Если при создании оперного

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант №14-18-01833-П.

произведения использовано драматическое произведение (особенно в стихах), которое не потребовало слишком глубоких интерпретационных изменений первоначального текста, мы рассматриваем такую оперу как результат экстраполяции (А. Даргомыжский «Каменный гость»). Если говорить о репрезентации классической оперы в театре, реализованной в описанной интерпретационной парадигме, то сюда можно отнести, либо практику концертного исполнения оперных произведений, либо так называемые «традиционные» оперные постановки, например, спектакль «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича (Р. Туминас, Большой театр, 2016).

Второй уровень интерпретации – адаптация, или приспособление, – реализуется, когда в силу некоторых особенностей требуется приспособление первоначального художественного текста к специфике новых условий его бытования, при этом количество измененных элементов текста находится примерно в равном соотношении с константными элементами. Как пример адаптации при создании оперного произведения можно назвать многие классические (как русские, так и зарубежные) оперные произведения, созданные на сюжеты литературных произведений (в первую очередь драматических, реже лирико-эпических), когда текст первоисточника подвергался некоторым изменениям в силу требований нового жанра, чаще это сокращения сюжетных линий, событий, действующих лиц: «Евгений Онегин» П. Чайковского по одноименному роману в стихах А. Пушкина. Примеры сценической адаптации классической оперы к современным социокультурным реалиям – это спектакли Большого театра «Иоланта» П. Чайковского (С. Женовач, 2015) и «Осуждение Фауста» Г. Берлиоза (П. Штайн, 2016). В обеих постановках отсутствуют экстремальные режиссерские воздействия на визуально-образную сферу спектакля, влекущие серьезные идеологические и концептуальные изменения композиторского замысла, но наблюдается приспособление классического текста к требованиям современной массовой аудитории – иллюстративность, наглядность, зрелищность, эффектность, приводящие к спрямлению авторского замысла и упрощающие восприятие.

Третий уровень – это ассимиляция, то есть, в зависимости от художественного результата, поглощение или «зановорождение» (по В. Библеру). в этом случае исходный текст художественного произведения является лишь поводом, толчком для создания нового текста, интерпретация граничит с парафразом, измененных элементов текста значительно больше, чем константных. Яркий пример – «зановорождение» повести А. Пушкина «Пиковая дама» в одноименной опере П. Чайковского. В качестве примеров ассимиляции как «зановорождения» можно назвать целый ряд русских и европейских классических опер, созданных по мотивам литературных произведений, текст которых подвергся существенной переработке не только на сюжетном уровне, но и на родовом, порой с добавлением интертекстуальных элементов («Князь Игорь» А. Бородина, «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова). Если говорить о сценической интерпретационной практике, то наиболее убедительные примеры третьего уровня интерпретации – это феномены «режиссерской оперы», в частности, в Большом театре «Роделинда» Г. Генделя (Р. Джонс, 2015), «Дон Паскуале» Г. Доницетти (Т. Кулябин, 2016). Подчеркнем, на наш взгляд, многие образцы «режиссерской оперы» в контексте выявленных нами уровней интерпретационной деятельности являются примерами ассимиляции как поглощения текста классического произведения массовой культурой.

Массовая культура, затягивая классику в сферу своего влияния, трансформирует ее в продукт, который должен эффективно «работать» в системе рыночных отношений. Механизмы массовой культуры, манипулирующие общественным мнением (мода, реклама, пропаганда) работают на формирование положительного предметного имиджа русской классической оперы. В то же время, чтобы механизм работал, нужно нивелировать негативный имидж классической оперы, как «устаревшей и неактуальной», «сложной и непонятной», здесь подключается «режиссерская опера», интерпретируя классику в русле, необходимом для эффективной репрезентации ее в пространстве массовой культуры.

Суммируя аспекты проблемы культурной репрезентации двух текстов русской оперной классики – авторской версии и современной интерпретации – отметим важнейшие из них. Во-первых, не единоличное авторство классической оперы: помимо композитора, есть либреттист, а зачастую имеется признанный и значимый автор исходного (литературного) текста. Значит, в идеале, происходит диалог творцов и возникает диалогичность текстов, хотя, чаще такое взаимодействие строится на основе бинарности и даже дихотомии. Во-вторых, модеризирующая роль времени: историко-культурный контекст создания оперного текста; временной континуум бытования оперного текста, в течение которого трансформируются эстетические ценности,

подчас полностью меняющие свое значение в культуре и восприятие в обществе; социокультурная парадигма новой сценической постановки. В-третьих, особенности текста современной сценической версии оперной классики, основным модусом которого будет дихотомия «композитор – режиссер» как отражение в интерпретируемом классическом тексте личностных интенций режиссера (как и дирижера, артистов, художников). Для каждой новой постановки, которая – по Гегелю – есть новое создание, будут присущи отличия от прежнего создания, а также наличие или отсутствие собственной художественно-образной системы. И, наконец, в-четвертых, условия и установки зрительского восприятия оперной классики: помехи и преграды, откровенная эмоциональная и эстетическая дихотомия, ответы на вопрос о матрице классики, о свободе интерпретационной деятельности. Таким образом, оперный жанр и современная культура предоставляют широкие возможности для различных проявлений интерпретации, продуцирования новых вариантов прочтения и просторное поле репрезентации текстов классической оперы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ⁶

Олег Анатольевич Ефремов

*Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социальной философии и философии истории
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
E-mail: olaefr@yandex.ru*

Данная статья посвящена проблемам исследования современного этапа отечественной модернизации. Понимая модернизацию в целом как процесс трансформации докапиталистических обществ в капиталистические, мы утверждаем, что она осуществляется как серия национальных модернизационных проектов. При этом считающийся эталонным западный проект всего лишь один из возможных, причем учитывая переживаемый им сегодня кризис (тотальная аномия), далеко не самый перспективный. Опыт данного проекта подлежит изучению наряду с другими, но слепое копирование его – большая ошибка, совершенная уже в ходе попытки «ускоренной либерализации» 90 –х гг. XX в. Помимо изучения зарубежного опыта в ходе междисциплинарного исследования с целью создания национального проекта, не менее важен анализ отечественной социокультурной среды, содержащей в себе материал для выработки эффективных в ходе модернизации социальных моделей.

Ключевые слова: модернизация, тотальная аномия, национальный модернизационный проект, социокультурная специфика, «ускоренная либерализация».

TOPICAL PROBLEMS OF RESEARCH OF THE MODERN STAGE OF RUSSIAN MODERNIZATION

Oleg A. Efremov

*Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Philosophy
and Philosophy of History
Lomonosov Moscow State University
E-mail: olaefr@yandex.ru*

This article is devoted to the problems of studying the modern stage of Russian modernization. Defining modernization as a process of transformation of pre-capitalist societies into capitalist societies, we claim that it is carried out as a series of national modernization projects. At the same time, the Western project, taken as a standard, is

⁶ Статья написана при поддержке фонда РФФИ, проекты №18-011-01097 А «Социальная теория и власть: современная российская перспектива»; №18-011-00980 А «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического знания».

only one of the possible ones, and considering the crisis that is going on today (total anomie), it is far from the most promising. The experience of this project is to be studied along with others, but blind copying of it is a big mistake, that has already been made during the attempt of "accelerated liberalization" of the 1990s. In addition to studying foreign experience in the course of interdisciplinary research with the aim of creating a national project, an analysis of the national socio-cultural environment containing material for the development of effective social models in the course of modernization is equally important.

Keywords: modernization, total anomie, national modernization project, socio-cultural specificity, "accelerated liberalization".

Проблема модернизации – одна из важнейших в общественном сознании второй половины XX столетия. Суть проблемы – как «досовременные» общества становятся «современными». Очевидна не только теоретическая, но и практическая значимость данных исследований: активное развитие стран «третьего мира» порождало огромное количество вопросов. Тем более, что в трактовке того, что считать «современным», а следовательно, к чему стремиться «развивающимся» согласия тоже не было. Не последнюю роль в этом играл идеологический контекст дискуссий, требовавший определиться с выбором между «социалистической ориентацией» и «обществом свободы и демократии». Появлялись также концепции, представители которых, будучи готовы в целом принять капиталистические образцы, сетовали на «второсортность» новых капиталистических стран в мировом сообществе, обрекающую их якобы на постоянное отставание от гегемонов (концепция «зависимого развития», разделение модернизации на «органичную» и «неорганичную», отчасти мир-системный подход). Желание уйти от идеологических разногласий приводило к «технологической» трактовке модернизации, параметры которой стали связывать с определенным уровнем развития техники и технологии, дополняя их порой определенными социальными показателями (урбанизация, уровень жизни и т.д.). «Современное» отождествлялось, по сути, с развитой индустриализацией, а позже и с постиндустриализацией. Параллельно создавались «частные» концепции модернизации, где речь шла об отдельных сферах общества – политическая модернизация, модернизация образования, культурная модернизация и т.д.

В начале XXI века интерес к проблеме модернизации в целом несколько поутих. Скорее, он теперь был представлен исследованием «постмодернизации», распространявшейся не только на страны прежнего «третьего мира», но и на страны, считавшиеся развитыми, однако вступавшими, как предполагалось, в эпоху новых трансформаций.

Процессы, протекавшие и протекающие в России (в советском обществе), оставались долгое время вне интереса модернизационных теорий – хотя бы потому, что она считалась вполне «развитой» страной, способной выступить для других одним из конкурирующих эталонов.

Однако в 90-х гг. прошлого века, в связи с крахом «мировой системы социализма», термин «модернизация» стал активно применяться и к российской истории, причем не только постсоветской. С тех пор мы часто встречаем его в различных контекстах – от локальных (производственных, образовательных, правовых, политических и т.д.) до «всеобщественных», когда речь идет о преобразовании общества в целом.

Многозначность понятия «модернизация», неопределенность его трактовки и множественность контекстов делают весьма актуальным, на наш взгляд, как прояснение значения понятия, так и определение направлений изучения (и моделирования) процессов, данным понятием обозначаемых. Не вызывает сомнения не только теоретическая, но и практическая значимость подобной задачи, учитывая, что научная разработка проблематики модернизации может стать основой успешного ее осуществления.

На наш взгляд, при изучении современного этапа модернизации России существенно учитывать следующие моменты.

Во-первых, необходимо отказаться от сугубо технологического понимания модернизации. Модернизация – это преобразование социальных отношений, а не отдельные или даже комплексные технические новации. На наш взгляд, модернизация – процесс трансформации докапиталистических обществ в капиталистические. Капитализм – единственная жизнеспособная форма организации общества в настоящих условиях и обозримой перспективе. Альтернатив ему в данный момент нет. Социальное выживание

неосуществимо сегодня вне так или иначе регулируемой рыночной экономики, развитой системы социальной мобильности, контроля общества над формированием и функционированием власти (называемого, обычно, демократией), прав и свобод человека, среди которых важнейшее место занимают различные способы обеспечения интеллектуальной и нравственной свободы. Переход от индустриализма к постиндустриализму здесь ничего принципиально не меняет, просто от капитализма индустриального мы переходим к капитализму постиндустриальному. По сути, это признается наиболее влиятельными теоретиками постиндустриализма, например, М.Кастельсом.

Именно выработка эффективных социальных моделей (бизнес-моделей) – условие не только успешной разработки, но и внедрения технических новаций. Иначе все шедевры технокластеров типа «Сколково» будут постепенно превращаться из лабораторных образцов в музейные экспонаты, так и не выйдя «в свет».

Во-вторых, надо преодолевать традиционное для сознания отечественной интеллигенции (в том числе и профессионального исследовательского сообщества) отторжение капитализма (антилиберализм). Не следует, разумеется, препятствовать поискам альтернатив капитализму, но в то же время нельзя видеть в нем лишь воплощение вселенского зла (тем более персонифицированного). Надо оценивать капитализм объективно и признать, что нигде еще не удалось осуществить успешной модернизации (а подлинно успешная модернизация та, которая не только обеспечила выход на определенные показатели, но и дальнейшее устойчивое развитие) в некапиталистической форме.

Приходится признать, однако, и то, что антикапиталистичность интеллектуалов обусловлена как реальными проблемами капитализма (особенно в его западном варианте, считающимся эталонным), так и последствиями отечественной провальной «ускоренной либерализации» 90-х гг. XX века.

Но необходимо учитывать, в-третьих, что западный капитализм (представленный в Северной Америке и Западной Европе) и западный вариант либерализма как его идеологии – всего лишь один из возможных и, видимо, учитывая нынешние его проблемы, далеко не самый перспективный. В ряде работ мы описали переживаемый западным капитализмом в настоящий момент глубокий кризис, «тотальную аномию» - устранение социальной нормы как таковой и замену последней ничем не ограниченным полем произвольно избираемых индивидом альтернатив.

Везде, где модернизация шла и идет успешно, она реализуется как один из национальных модернизационных (либеральных) проектов.

Национальный либеральный проект представляет собой специфическую для данного общества программу модернизации, основанную на сочетании общих принципов, необходимых для эффективного функционирования социальных институтов в современных условиях, и особенностей национальной среды. Проект предполагает как особый вариант подобных институтов, так и алгоритм их создания. Сформировавшаяся в результате социальная модель может по целому ряду параметров превосходить известные, в том числе и те, опыт которых учитывался в процессе ее создания; в силу чего данная модель сама может стать в чем-то примером для коррекции и дальнейшего развития имевшихся ранее образцов.

К числу подобных проектов относятся: японский, корейский, тайваньский, китайский и ряд других.

Задача выработки национального либерального проекта стоит сейчас и перед Россией и ни в коем случае не может сводиться к автоматическому копированию какого-либо из существующих проектов, в том числе считающегося эталонным западного (именно эта ошибка и привела к провалу «ускоренной либерализации» 90-хх гг.).

А это предполагает и пристальное изучение зарубежного опыта, как западного, так и восточного, в частности опыта знаменитых «диктатур развития», и анализ состояния современного российского общества. Необходимо увидеть сильные и слабые стороны всех существующих модернизационных проектов, модели, заложенные в отечественной истории (бизнесе, политике, духовной сфере) и, самое главное, определить насколько это применимо к современной России и эффективно с точки зрения ее дальнейшего развития.

Очевиден комплексный характер исследовательских задач. Здесь есть работа и для философов, и социологов, и историков, и политологов, и культурологов, и экономистов. Несомненен также государственный характер данного проекта, что предполагает необходимость государственной же его организации и поддержки.

К ВОПРОСУ О ПРОЕКТЕ НОВОГО ИНСТИТУТА ЧЕЛОВЕКА РАН, ИЛИ ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА-3.0

Михаил Анатольевич Пронин

*Кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник,
руководитель исследовательской группы «Виртуалистика»
Институт философии РАН
E-mail: pronin@iph.ras.ru*

В жанре философии как экспертизы предлагается к рассмотрению эволюция идеи «института человека» от её реализации академиком И.Т.Фроловым - Институт человека РАН (ИЧ РАН, 1992-2004 гг.), взятую за точку отсчёта (ИЧ-1.0), через его существующую формы – (условно: ИЧ-2.0) и до перспективной его организации - ИЧ-3.0. Автором представлена концепция ИЧ-3.0, которая задаёт вектор в понимании и в перспективах комплексных, междисциплинарных исследований человека.

Ключевые слова: философия как экспертиза, антропология, гуманитарная экспертиза, институт человека, комплексные исследования человека, парадигма, новый мир, мировоззрение, виртуалистика, концепция.

TO THE QUESTION OF THE PROJECT OF THE NEW RAS HUMAN INSTITUTE, OR THE HUMAN INSTITUTE-3.0

Mikhail A. Pronin

*Ph.D. in Medicine, Senior Research Fellow, Head of Research Group «Virtualistics»
Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences
E-mail: pronin@iph.ras.ru*

In the work in the genre of philosophy as expertise the evolution of the idea of the "institute of human studies" from its implementation by academician I.T. Frolov at the Institute of Human Studies of the Russian Academy of Sciences (IHS RAS), taken as a reference point, for the Human Institute-1.0 (ICh-1.0), through today's its - IC-2.0, - the form now, too future organization - ICh-3.0. The Annotated concept of IH-3.0 is presented. The annotated concept at the paradigmatic level sets the vector in the understanding and perspectives of complex, interdisciplinary human studies.

Keywords: philosophy as expertise (philosophy as expert examination), anthropology, humanitarian expertise, institute of human studies, interdisciplinary human studies, outlook, new world, virtualistics, concept.

1. Философия как экспертиза идеи «Институт человека». Философия как экспертиза (термин Б.Г. Юдина) - замысел которой изложен в развёрнутой дискуссии Б. Г. Юдина и М. А. Пронина в цикле философских бесед «Реплики» Института философии РАН [Пронин, Синеокая, Юдин, 2017: 79-96], - может быть применена как к проблемному полю развёртывания «Института человека», так и к пространству, входящему в сферу его деятельности.

2. «Институт человека-1.0» (Институт человека РАН; ИЧ РАН; 1992-2004). Основные идеи определялись комплексным, междисциплинарным подходом, разработанным коллективом и академиком И.Т. Фроловым (1929-1999). «Институт человека-1.0» (ИЧ-1.0) являл собой институциональную реализацию идеи, имеющей долгую предшествующую историю (смотри, например: [Институт человека: Идея и реальность, 2018]). Проблемы комплексности и междисциплинарности в ИЧ РАН разрабатывались не только на уровне программ исследований - полидисциплинарности - и не столько на горизонтальном уровне интеграции знаний внутри дисциплины из смежных дисциплинарных областей - комплексности, - и их методологии, сколько на парадигматическом - «вертикальном» уровне.

Вертикальная интеграция комплексностей и междисциплинарностей начинается с мировоззрения исследователей, с понимания философских проблем дисциплин, которые они представляли. В общих комплексных исследованиях эта мировоззренческая открытость

соединяла как технологические цепочки производства нового знания, так и участвовала во внедрении/завершении этих исследовательских программ в конкретных продуктах/услуг в практику жизни. Успех последних в пределе задевает, доходит до существенных вопросов существования самой природы человека; например, в области клонирования человека, разнообразия технологий его модификации и улучшения.

Комплекс подобных поли- и междисциплинарных научных областей требуют философии как экспертизы их субъектов - их парадигматических структур, этических установок, теоретических конструкторов, языков, законов (антропологических констант) и пр. эпистемологического арсенала с целью разработки и формирования адекватной гуманитарной оболочки технологических инноваций (термин М.А.Пронина). Собственно, «Институт человек-3.0» (ИЧ-3.0) и можно рассматривать в качестве гуманитарной оболочки - «социального катализатора», - гуманитарных и социальных технологий; но мы тут немного забежали вперёд.

3. «Институт человека-2.0». Можно выделить три версии «Института человека-2.0» (ИЧ-2.0). *Первая* – повторяющиеся («реинкарнационные») попытки возродить институцию ИЧ-2.0 в иных научных и учебных заведениях страны, включая Институт философии РАН; *вторая* – производственная: бизнес интеграторы, федеральные университеты и научные центры; *третья* – организационная, представляющая собой интеграцию на стыке технической и социальной сфер: по типу Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ: www.asi.ru).

Однако и «реинкарнационная», и организационная, и производственная модели ИЧ-2.0 по сути своей – редуцированные или акцентуированные модели, если брать за «идеальный» организационный прототип исходный замысел академика И.Т. Фролова. Тем не менее, важно отметить значимые содержательные наработки современных исследований, ведущихся в «пространстве» ИЧ-2.0: прежде всего сформулированная Б.Г. Юдиным концепция, в общем виде называемая «редактирование человека» [Юдин, 2016: 5-19]; в её парадигме вполне логичны постановки таких тем, как «редактирование солдата» [Пронин, 2017: 33-58] или «редактирование сознания».

4. Аннотированная концепция Института человека-3.0.

I. Предназначение ИЧ-3.0 - «ввязываться» в сложные и животрепещущие проблемы сегодняшнего и завтрашнего дней, включающих в себя «человеческий фактор» в самой широкой трактовке данного понятия, и находить для них научные, организационные, образовательные, педагогические, технологические и другие решения от частных предметно-дидактических до юридических/законодательных, от фундаментальных до сугубо прикладных и частных.

II. Сверхзадачи ИЧ-3.0: предвосхищение проблем будущего, обеспечении комплексности и междисциплинарности в выработке их решений. Это потребует как разработок фундаментальных оснований будущих наук о человеке, так и продвижения, внедрения в практику взглядов, представлений, закономерностей, антропологических констант, решений, программ/проектов, продуктов, услуг и сопровождения внедрения всего вышеперечисленного в практическую жизнь человека и сообществ.

III. Инфраструктура ИЧ-3.0 - уникальна, так как предопределена опережающим характером разработок ИЧ-3.0. Хотя, следует отметить, что в её реализации можно найти аналоги - конечно, на новом организационно-технологическом, правовом, институциональном (конституционном) уровне, - в советских научно-производственных объединениях (НПО) и территориально-производственных комплексах (ТПК).

В этом смысле сегодня речь идёт, с одной стороны, не столько о поддержке развития специалистов высокоинтеллектуальных компактных производств в виртуальных промышленных корпорациях, сколько об опережающем инициировании их формирования, как субъектов новой цифровой экономики в Российской Федерации. С другой - об организации сетевой, распределённой структуры ИЧ-3.0 нового типа.

IV. Основные направления работы Института человека-3.0 определяются потенциалом его инфраструктуры, создающей возможности для: а) фундаментальных научных исследований человека как одного из направлений программ РАН; б) для «ориентированных исследований» в составе Стратегии научно-технологического развития РФ и в) инициативных прорывных НИР и НИОКР отдельных исследователей и групп, поддерживаемых научными фондами.

V. Организационная доктрина Института человека-3.0 состоит в том, что объект его деятельности характеризуется гиперкомплексностью и полипредметностью с акцентом на

инвариантность базовых объектов, предметов и решений. Доктрина реализует принципы системности, междисциплинарности, комплексности, одновременности/запараллеливания и сквозной интеграции от научно-исследовательской, к опытно-конструкторской, производственной, внедренческой и сервисной фазам единого цикла развития нового продукта/услуги.

VI. Идеология Института человека-3.0 должна обладать качеством «полного входа» (концептуальный анализ и проектирование, С.П.Никаноров [Никаноров, 2008: 87-122]), т.е. теоретическими конструктами/языками, обеспечивающими одновременное решения задач описания, объяснения, прогнозирования, перевода теоретических разработок в практико-ориентированное русло и пере/подготовки кадров, с развёртыванием/порождением новых трендов в научных, образовательных, политических, гражданских/социальных, производственных и других сферах в рамках логик направлений/программ ИЧ-3.0.

VII. Мировоззренческое и этическое лидерство Института человека-3.0 становится определяющим фактором организации его производственной деятельности, способности быть узлом-генератором в сети, её «пейсмейкером» в реализации его научной, миротворческой, просветительской и других гуманитарных миссий.

Иначе говоря. Идеологическое, научное, программное и командное лидерство ИЧ-3.0 может быть обеспечено лишь философским уровнем обобщений и производством концептов, адекватных широкому спектру антропопрактик.

VIII. Подобная общая постановка институциональной конфигурации ИЧ-3.0 задаёт гиперметрику мировоззренческого вызова его потенциальным организаторам, исполнителям/сотрудникам, заказчикам, потребителям и стейкхолдерам.

IX. Цель/миссия ИЧ-3.0 – формирование «взрослого» (имеется ввиду философско-антропологическая постановка задачи), самостоятельного человек.

Литература

1. Институт человека: Идея и реальность. М.: ЛЕНАНД, 2018. 348 с.
2. Никаноров С. П. Концептуальные методы и проектирование // Устойчивое развитие: наука и практика Специальный выпуск светлой памяти П.Г.Кузнецова. 2008. С. 87-122.
3. Пронин М.А., Синеокая Ю.В., Юдин Б.Г. Философия как экспертиза // Философский журнал. 2017, Т., 10. № 2. С. 79 – 96; публикация отражает беседу Б.Г. Юдина и М.А. Пронина «Философия как экспертиза» в рамках Проекта Института философии РАН и Библиотеки им. Ф.М. Достоевского «Анатомия философии: как работает текст». Цикл философских бесед «Реплики». URL: <https://iphras.ru/1259.htm> (Дата обращения: 21.09.2017).
4. Пронин М.А. Редактирование солдата: к постановке проблемы // Психология служения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / Военный университет МО РФ. М.: Военный университет, 2017. С. 33-58.
5. Юдин Б. Г. Редактирование человека // Человек. 2016, № 3. С. 5-19.

ЭПИСТЕМА И КАРТИНА МИРА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Надежда Валерьевна Николина

Кандидат философских наук

Колледж индустрии питания, торговли и сферы услуг

E-mail: nikolinanadya@gmail.com

В статье рассматриваются понятия «картина мира» и «эпистема». Автор сравнивает определения и характеристики понятий, находит общие черты и различия. В заключении автор указывает на целесообразность применения понятия «эпистема» в современных исследованиях.

Ключевые слова: эпистема, научная картина мира, система, условие.

EPISTEME AND WORLD VIEW: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Nadezhda V. Nikolina

CSc in Philosophy

There are the concepts of "world view" and "episteme" in this article. The author compares the definitions and characteristics of concepts and finds their similarities and differences. The author submits applicability of the concept of "episteme" in modern studies.

Keywords: episteme, scientific world view, system, condition.

В философской литературе существует много примеров систематизации научных представлений: научно-исследовательская программа, парадигма, типы научной рациональности и эпистема. Предлагаемые названия сравниваются с широко используемым и устоявшимся в философии науки понятием «картина мира». В определениях картины мира и эпистемы много общего, но есть и различия.

М. Фуко определяет эпистему в произведении «Слова и вещи», как условие, способствующее созданию новых форм знания в историческую эпоху. В произведении «Археология знания» Фуко пишет: «Эпистема – это не форма знания и не тип рациональности, который проходит через различные науки, манифестирует обособленные единства субъекта, духа или эпохи; эпистема – это, скорее, совокупность всех связей, которые возможно раскрыть для каждой данной эпохи между науками» [1, С. 189]. К характеристикам эпистемы он относит:

- 1) «открывает неисчерпаемое пространство, которое никогда не может быть закрыто» [Фуко, 1996: 190];
- 2) «не ставит своей целью завершить реконструкцию системы постулатов, которые определяют все знания эпохи, а покрывает бесконечное поле связей» [Там же];
- 3) «бесконечно подвижная совокупность проявлений, смещений, совпадений, которые устанавливаются и распадаются» [Там же];
- 4) способствует формированию эпистемологических фигур и существованию науки.

Картина мира – система, мнений, взглядов, знаний, представлений о мире, которые входят в основу знаний человека. Эта система включает в себя как социально-культурное, так и естественнонаучное знание. Принято выделять следующие картины мира:

- 1) общенаучная картина мира;
- 2) естественнонаучные, социальные, гуманитарные и технические картины мира;
- 3) специальные картины мира.

Смена картины мира - это длительный процесс, который сопровождается совершенствованием, дополнением, поиском новых вариантов решения проблем.

В XX веке понятие «картина мира» стало широко использоваться в научной литературе, появился термин «научная картина мира», как способ систематизации концепций в физике и других естественных наук. В современной науке понятие «научная картина мира» используется не только в области естественнонаучного, но и в области социально-гуманитарного знания, например, существуют языковая, психологическая, художественная картины мира. В.Н. Сыров отмечает изменение употребления понятия «картина мира»: «теперь мы можем говорить о различных (а не только естественнонаучной) картинах мира, как во времени, так и в пространстве. Мир предстаёт перед нами не только в виде физического универсума, но и как мир социальный, языковой, мир повседневности, политики, литературы и т. д. Мир становится много. Более того, в этот мир мы включаем не только знания, но и ценности, модели поведения, образцы переживаний и т. д.» [Сыров, 2002: 20].

При более детальном рассмотрении понятий «картина мира» и «эпистема» обнаруживаются следующие сходства:

- 1) определяются, как система знаний, представлений, мнений о мире и человеке в историческую эпоху;
- 2) определяются, как архив, в котором накапливаются и хранятся знания;
- 3) выступают условием, способствующим возникновению нового знания, новой картины мира или эпистемы;
- 4) отражают естественнонаучные и социально-гуманитарные знания.

Однако, есть и различия:

1. Понятие «эпистема» было предложено, в первую очередь, в качестве системы гуманитарных наук (хотя сейчас можно говорить об эпистемах естественных наук). Большое

значение М. Фуко придавал таким наукам, как социология, психология и лингвистика. Картина мира, точнее научная картина мира, разрабатывалась как совокупность естественнонаучных представлений.

2. Для объяснения понятия «картина мира» используются примеры естественнонаучных или специальных картин мира, а представления картины мира в целом нет. Эпистема рассматривается М. Фуко в контексте дискурса. Характеристиками эпистемы можно определить и дискурс, однако, они не тождественны. Необходимо отметить, что споры по поводу определения дискурса продолжаются до сих пор в философских, культурологических и филологических кругах. Исходя из этого, с одной стороны, дискурс является примером эпистемы, с другой стороны, не является. Эпистему можно рассматривать, как основу развивающихся в последнее время междисциплинарных исследований.

Эпистема может рассматриваться как альтернатива научной картине мира в современной постнеклассической рациональности. Основное отличие эпистемы от научной картины мира состоит в том, что научная картина мира сформировалась на естественнонаучных представлениях, а эпистема – на социогуманитарных. В постнеклассической рациональности первостепенными становятся жизненная позиция и ориентация общества, поэтому в данных условиях модификации эпистема отражает такую установку. Эпистема представляет собой способ систематизации гуманитарного знания, но как альтернатива научной картине мира выступает способом систематизации и естественнонаучного знания [Николина, 2016].

Литература

1. Николина Н.В. Специфика предпосылочного знания. Омск: Изд-во ОмГА, 2016. 160 с.
2. Сыров В. Н. Значение «картины мира» в современной науке и философии // Картина мира: модели, методы, концепты. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 17–22.
3. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

ЛОГИКА И РИТОРИКА НАУКИ

РИТОРИКО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Лариса Анатольевна Демина

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин

Московский государственный юридический университет имени О.Е.Кутафина (МГЮА)

E-mail: msal@msal.ru; ldemina05@mail.ru

Существуют различные трактовки как термина (и предмета) «риторика», так и термина «герменевтика», в определенной мере, отражающие исторические этапы формирования и развития этих дисциплин. Что касается предмета герменевтики, то, во-первых, это понимание герменевтики как искусства интерпретации (толкования) текстов. Далее, герменевтика рассматривается как теория понимания, постижения смысла. Психологическая герменевтика трактуется как искусство постижения чужой индивидуальности. Наконец, возникает понимание герменевтики как учения о принципах гуманитарных наук, как методологии гуманитарных наук. Актуальность герменевтической проблематики в современной философии связана с задачей переосмысления природы философского знания и решения ряда теоретико-познавательных проблем.

Ключевые слова: риторика, инвенция, диспозиция, герменевтический комплекс, феноменология, философия жизни, экзистенциализм.

RHETORIC AND HERMENEUTICS AS A PARADIGM IN HISTORY AND SCIENCE PHILOSOPHY

Larissa A. Demina

Doctor of philosophical sciences, professor, professor of department of philosophical and socio-economical sciences

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: msal@msal.ru, ldemina05@mail.ru

Rhetoric in a Roman period began to be examined mainly as a technician of speech. On it paid attention H. Perelman. He asserted that mode of speech had got a large scope unlike an invention and disposition. The author of the article considers that it is necessary to examine a rhetoric and hermeneutics complex. Such approach has an important value for further development of humanity. Experience of rhetoric and hermeneutics is in overcoming of limit nature of traditional theory of cognition, necessity of taking into account of this experience, underlined by many modern authors, especially in connection with the analysis of ideas of phenomenology, philosophy of life, existentialism.

Keywords: rhetorics, invention, disposition, hermeneutics complex, phenomenology, philosophy of life, existentialism.

Существуют различные трактовки как термина (и предмета) «риторика», так и термина «герменевтика», в определенной мере, отражающие исторические этапы формирования и развития этих дисциплин. В известной мере, риторике при этом «повезло» меньше: начиная с римского периода она стала рассматриваться преимущественно как техника речи. На это обращал внимание, в частности, Х. Перельман, отмечая, что «исследования по использованию языковых ресурсов (элокуция) получили в необычайный размах, при этом теория фигур речи никогда в классической риторике не была самоцелью, простым украшательством и должна

быть интерпретирована как продолжение первых двух частей – инвенции и диспозиции» [Перельман, Ольбрехт-Тытека, 1987: 51].

Что касается трактовок предмета герменевтики, то, во-первых, это понимание герменевтики как искусства интерпретации (толкования) текстов. Далее, герменевтика рассматривается как теория понимания, постижения смысла. Психологическая герменевтика трактуется как искусство постижения чужой индивидуальности. Наконец, возникает понимание герменевтики как учения о принципах гуманитарных наук, как методологии гуманитарных наук. Актуальность герменевтической проблематики в современной философии связана с задачей переосмысления природы философского знания и решения ряда теоретико-познавательных проблем. Опыт риторики и герменевтики в преодолении ограниченности традиционной теории познания, необходимость учитывания этого опыта, подчеркивается многими современными авторами, особенно в связи с анализом идей феноменологии, философии жизни, экзистенциализма и персонализма.

Так, Л.А. Микешина, критикуя традиционную теорию познания, подчеркивает свойственные данной теории парадоксы и противоречия, связанные с отождествлением познания с субъектно-объектными отношениями, субъекта – с «сознанием вообще» как гарантом объективности знания. Под традиционной теорией познания в данном случае понимается господствовавшая в европейской культуре, начиная с Нового времени, гносеология, связанная, прежде всего, с именами Р. Декарта, Д. Локка и И. Канта. Размышляя о необходимости преодоления парадигмы «теории познания как теории отражения», Л.А. Микешина обращается к опыту герменевтики, в которой познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующийся субъект.

Поскольку понятие смысла является центральным в нашем исследовании, а рассматривая его, мы неизбежно затрагивали проблемы интерпретации, прочитывания текстов и контекстов, соотношения смысла и референции, значения языковых знаков и их понимания, то сама логика исследования подводит нас к тому, чтобы взглянуть на эти проблемы еще с одной, герменевтической точки зрения. При этом вопросы о том, существует ли единая герменевтическая «парадигма» и в каком качестве мы принимаем саму герменевтику, пока остаются открытыми. В своем рассмотрении герменевтики мы исходим из принципов рационализма и интересубъективизма, стремясь показать, каким образом из субъективного (смысла, знания) возникает объективность (или, точнее, интересубъективность) человеческого познания и этос науки как таковой. Именно с этой точки зрения мы обратим внимание на некоторые моменты исторического развития риторико-герменевтического комплекса.

Прежде всего, мне представляется важным подчеркнуть неразрывную связь истолкования и понимания с коммуникативными процессами, предполагающими интерактивное взаимодействие его участников. Очевидно, что первоначально речь шла об истолковании устных текстов (пророчества с их последующей интерпретацией уполномоченными людьми – в смысле теми, чье право на эту деятельность признало общество – жрецами и т.п.). Устная коммуникация всегда предполагает наличие определенных «скрытых смыслов» – различного рода импликатур, пресуппозиций, интерференций. Отсюда – потребность в интерпретации – извлечении этих смыслов. Кроме того, коммуникативные акты, диалог в широком смысле слова, преследуют определенные цели, желательны общие для его участников, из чего вытекают такие важные его функции как обоснование (собственной точки зрения) и убеждение. Для этого должны быть использованы адекватные средства, способствующие достижению взаимопонимания участников. Все сказанное можно применить к наиболее раннему периоду развития идей герменевтики – античности. Причем, в этот период, на мой взгляд, герменевтические, логические и риторические подходы к построению и анализу высказываний, а впоследствии текстов, сливаются воедино, и мы их можем найти практически у одних и тех же авторов, и даже в одних и тех же работах. Так, Платон в диалоге «Федр» излагает основы искусства красноречия, показывая, как надо правильно строить речь и называя это искусство диалектикой. Метод же состоит в следующем: во-первых, в «способности охватывать все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрознено», во-вторых, в «способности разделять все виды на естественные составные части» [Платон, 265d–266a-b-c]. Как справедливо отмечает в своем исследовании Е.Н. Шульга, в более развитом виде данный принцип истолкования получил название «герменевтического круга».

Мне близка также идея, высказанная Б.С. Грязновым, что аристотелевская силлогистика возникает из потребностей аргументации, ораторского искусства. Как он пишет, исследуя

первую «Аналитику» Аристотеля, в античной риторике, которая играла немаловажную роль в судах, доказательства строились либо прямо и непосредственно: как ссылка на факты, примеры, либо как вывод из аргументов. В этом последнем случае многое зависело от оратора, его умения, склонности к софизмам и уловкам, т.е. его этической позиции. Силлогизмы Аристотеля – это не доказательства. Не выводы, а предложения, которые являются истинными в силу своей формы, но именно в силу этого же они и являются убедительными. Итак, в итоге развития античной познавательной практики мы видим стремление к достижению универсальности понимания и, прежде всего, смысла как предмета понимания. С этим связана разработка правил построения речи и искусства убеждения. При этом процесс понимания смысла рассматривается в неразрывной связи с постижением истины – отсюда создание специальных методов, позволяющих выявить истинный смысл высказываний.

Позднее постижение смысла смещается в сторону анализа письменных текстов: это теологическая герменевтика и, возникающая из нее, юридическая, историческая и филологическая герменевтика. Но, благодаря во многом работам Х. Перельмана, были вычленены новые аспекты в логике Аристотеля и выдвинута идея «новой риторики» – как логики диалога, распространяющейся на более широкий круг контекстов.

Литература

1. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. – М.:1982. С. 232–240.
2. Микешина Л.А. Философия науки. – М.; 2002. С. 232–240.
3. Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика. Трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

РИТОРИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ ТЕКСТА⁷

Галина Вениаминовна Сорина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: gsorina@mail.ru

Ирина Николаевна Грифцова

Московский педагогический государственный университет

E-mail: grif8111@yandex.ru

В докладе будут рассмотрены некоторые идеи неформальной аналитики текста (НАТ) в связи с процессами «реабилитации» риторического подхода к науке. Будет показано, что профессиональное отношение к науке предполагает не только выработку соответствующего концептуального аппарата, представляющего различные сферы научного знания, но и формирование комплекса идей, которые позволяют создавать коллектив единомышленников. В этом случае оказывается необходимым учитывать не только теоретические характеристики разрабатываемых идей, но и, в частности, психологический уровень потенциальных участников команды единомышленников, контекстуальные особенности формирования команды, другие внелогические факторы, во многом определяющие состояние коллектива, его работоспособность и возможные результаты. В этом контексте и возникает необходимость в риторике как во внедедуктивном способе обоснования.

RHETORIC COMPONENT OF THE INFORMAL TEXT ANALYTICS

Galina V. Sorina

Lomonosov Moscow State University

E-mail: gsorina@mail.ru

⁷ Исследование ведется при поддержке РФФИ, проект «Неформальная аналитика текста: философско-методологический подход», № 17-03-00772.

Irina N. Griftsova
Moscow State Pedagogical University
E-mail: grif8111@yandex.ru

Some ideas of informal text analytics (ITA) will be reviewed in the talk due to the processes of 'rehabilitation' of the rhetorical approach to science. It will be shown that professional approach to science presupposes not only elaboration of a certain conceptual apparatus that presents different spheres of scientific knowledge but also formation of a complex of ideas which allow creating a group of like-minded people. In this case it appears to be necessary to take into account not only theoretical characteristics of the ideas that are being developed but also psychological level of the potential members of the team of the like-minded people, contextual specifics of the team formation and other non-logical factors that determine to a much extent the state of the team, its working capacity and possible outcomes. Thus, this context produces the necessity in rhetoric as a non-deductive method of justification.

Понятие «риторика», начиная с античности, связывается с умением владеть словом. Риторика как таковая ориентирована на искусство убеждения. С.С. Аверинцев замечает, что существует знаменитая дефиниция риторики как «соделывательницы убеждения» [Аверинцев, 1996: 144]. Результативность владения силой убеждения наиболее ярко представил Горгий в качестве одного из главных героев одноименного диалога Платона. В своем знаменитом определении риторики (ораторского искусства) Горгий подчеркивает значение искусства владения словом в качестве инструмента убеждения и принятия решений в системе государственного управления, во всех других известных в то время сферах деятельности, включая такую сферу, как получение доходов. Для Горгия риторика – это «способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого – для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу» [Платон, 1990: 477–574 452 e].

Фактически такие же убедительные по силе аргументации нужны речи и при привлечении коллег в команду единомышленников. При этом логическая часть убеждения сегодня, как и во времена античности, не исчезает. «Для современного сознания, привыкшего ассоциировать риторику преимущественно с орнаментальными "фигурами речи", не так легко увидеть, как велика была в теориях античных риториков доля логического содержания» [Аверинцев, 1996: 135]. И тогда, и теперь связь логики и риторики хорошо прослеживается на уровне юридической риторики. Идеи такой связи можно последовательно проследить в размышлениях целого ряда исследователей, в частности, Х. Перельмана и С.С. Аверинцева. Более того, такая связь между риторикой и тем, что впоследствии будет названо юриспруденцией, была очевидна уже в античности. В условиях современности происходит своеобразное «воскрешение» риторики. Если оттолкнуться от мысли С.С. Аверинцева о «воскрешении» риторики как подхода к литературе, полагаю, можно сказать, что происходит «воскрешение» риторики и как подхода к науке. Реальная практика научной деятельности в современном мире отнюдь не отвечает требованиям строго дедуктивных способов обоснования. В частности, оказывается, что необходимо учитывать «факты авторской психологии», контексты исследования и т.д.

На анализ таких контекстов в качестве специальной области исследования как раз и направлена неформальная аналитика текста (НАТ). Сама идея неформальной аналитики текста (НАТ) вырастает как своеобразная метафора, построенная по аналогии с идеями неформальной логики, неформальной математики, в частности, неформальной геометрии Б. Мандельброта.

В то же время философско-методологический подход к проблемам построения оснований неформальной аналитики в определенном смысле отталкивается от кантовских представления о способах работы с текстом. Впервые Кант сформулировал свою методологическую установку, которую я буду трактовать как установку, ориентированную на неформальную аналитику текста, в 1765 году в «Уведомлении о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 годов». В своем «Уведомлении» Кант, в частности, анализирует разные методы преподавания

философии. Он замечает: «...Автора философского сочинения, которое кладут в основу преподавания, следует рассматривать не как какой-то образец для суждения, а всего лишь как повод к суждению, о нем самом и даже против него, и именно метод самостоятельного (подчеркнуто Кантом) размышления и умозаключения, усвоить который стремится ученик, единственно и может быть для него полезным» [Кант, 1964: 282]. На мой взгляд, данная кантовская установка относится к анализу не только философских текстов, но и любых иных текстов. Полагаю, что идеи неформальной аналитики текста (НАТ) оказываются применимыми к аналитической деятельности в различных профессиональных сферах.

Само понятие «аналитика» в сознании представителей различных областей знания, различных видов профессиональной деятельности ассоциируется, в первую очередь, с идеей логики, со строгой формализованной процедурой. Эта идея строгости как бы отталкивается от представлений о логике, причем именно о логике в форме классической формальной логики.

Идея аналитики как строгой формализованной процедуры опирается на аристотелевские Аналитики и, в первую очередь, на его «Первую Аналитику», где Аристотель уже во введении к работе, непосредственно в ходе определения предмета и цели своего сочинения информирует читателя о том, о чем будет его исследование: «оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки» [Аристотель, 1978: 117–254 24а]. В качестве образца для построения теории доказательства выбирается система дедуктивных рассуждений: «... но дедуктивность требует внерациональных, вненаучных оснований, и притом так, что их принятие предстает не как компромисс, временно допускаемый развивающейся наукой, но как стабильный структурный принцип рационализма» [Аверинцев, 1996: 125]. Самым яркой иллюстрацией такого положения дел оказывается геометрия в ее эволюции от Евклида к Лобачевскому, Гауссу и Риману. Новое видение исходных постулатов евклидовой геометрии приводит к появлению разных видов геометрий. В то же время и Аналитики Аристотеля в последующей истории культуры прочитываются по-разному.

Противоречивость ситуации в современной аналитической деятельности, в частности, проявляется в том, что явные ссылки на аристотелевские аналитики исчезают из обращения, а вот образ некоторых формализованных бессубъектных процедур, которые исходно были присущи аристотелевской силлогистике, сохраняется. При этом совершенно забывают о том, что аристотелевская аналитика оказывается только частью цикла работ Аристотеля, которые впоследствии были объединены под общим названием «Органон». Это произошло в I в. до н.э. Считается, что эту работу проделал греческий философ-перипатетик Андроник Родосский⁸. В этом цикле работ риторика (в качестве учения о софизмах) и то, что впоследствии было названо логикой, оказывается «собрано под одной обложкой».

Синонимичным характером по отношению к риторике, начиная с античности, обладают такие понятия, как «красноречие», «ораторское искусство» (очень последовательно эта мысль прослеживается в «Горгии» Платона [Платон, 1990: 477–574]), «диалектика». Более того, например, для А. Шопенгауэра одна из ошибок Аристотеля проявляется в том, что он непосредственно связывает логику с диалектикой. Именно с этой мысли Шопенгауэр начинает свою «Эристику, или искусство побеждать в спорах». Он пишет: «слова «логика» и «диалектика» уже в древности употреблялись и считались синонимами, хотя глагол обсуждать, думать, соображать и беседовать – два совершенно различных понятия» [Шопенгауэр]. Для построения эристики, которая становится затем для него эристической диалектикой, ему необходимо разделить между собой эти две разные науки: логику и диалектику. Шопенгауэр так формулирует одну из своих задач, направленных на построение эристической диалектики: «такое положение вещей меня несколько стесняет и не дает возможности так, как хотелось бы, оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнению, логике можно дать такое определение: «наука о законах мышления или способы деятельности разума» (от глагола обдумывать, обсуждать, происходящего, в свою очередь, от слова разум или слово); диалектика

⁸ В «Органон» входили: 1. «Категории» — теория предикации, предельных сказуемых, которые можно высказать о любом предмете, включая теорию понятия. 2. «Об истолковании» — теория высказывающей речи или суждения, обладающего субъектно-предикатной структурой. 3. «Аналитики первая и вторая» — главная работа по логике: «Первая аналитика» содержит учение о силлогизмах; «Вторая аналитика» — учение о доказательстве. 4. «Топика» - учение о вероятных («диалектических») доказательствах. 5. «О софистических опровержениях» — учение о софизмах и их разоблачениях. Описание структуры «Органона» представлено в редакции В.Н. Брюшинкина.

же, употребляя это выражение в современном значении, есть «искусство вести прения и споры или разговоры» [Шопенгауэр].

В современности идею взаимосвязи между аристотелевскими логикой и риторикой проводит ряд исследователей. Но, наверное, наиболее последовательно эта идея была проведена Х. Перельманом и Л. Ольбрехтс-Титекой в их знаменитой работе 1958 года «Трактат об аргументации: новая риторика». Они специально подчеркивают тот факт, что Аристотель анализировал диалектические доказательства вместе с аналитическими доказательствами, вероятностные доказательства вместе с необходимыми, «те, которые используются в обсуждении и аргументации вместе с теми, которые используются в демонстрации» [Perelman, 1971: 11].

В этом контексте в докладе будет показано, что аналитика текста, несмотря на различные хорошо прописанные протоколы проведения анализа в различных сферах профессиональной деятельности, носит неформальный характер, который зависит от различных контекстов, в которые погружены конкретные тексты, от особенностей субъектов, создавших тексты и проводящих аналитическую деятельность.

В настоящее время сложилось множество различных форм аналитической деятельности, которые представлены в различных предметных областях. Например, существуют такие самостоятельные аналитические исследовательские области, как: математический анализ, логический анализ, логический анализ языка, политическая аналитика, бизнес аналитика, юридическая аналитика, международная аналитика, аналитическое сопровождение образования, другие области профессиональной аналитической деятельности. Аналитическая деятельность как таковая становится особенно актуальной в современном быстро меняющемся мире, в котором без последовательной аналитики просто не удастся как бы остановить, зафиксировать мозаику текущих событий. При этом образ аналитической деятельности в разных сферах теоретической и научно-практической деятельности предполагает, что аналитика всегда представляет строгий, в чем-то формализованный, обоснованный, доказательный способ рассуждений. Между тем это не всегда так. Риторическое начало (явно или неявно) присутствует в различных сферах аналитической деятельности.

Литература

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. Аристотель. Первая аналитика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
3. Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 годов // Кант соч. в 6-ти тт. 1964. Т.2.
4. Платон. Горгий // Собрание соч. в 4-х т.1. М: Мысль, 1990. С. 477–574 452 е
5. Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах // URL: <http://home.arcor.de/rushbone/eristik.htm> (дата обращения 31.10.17)
6. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. University of Notre Dame Press Notre Dame London. 1971.

СТАНОВЛЕНИЕ РИТОРИКИ НАУКИ. ARGUMENTUM AD DECRETORIUM EXPERIMENTUM

Ольга Владимировна Малюкова

Доктор философских наук, профессор

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,

E-mail: o.maliukova@list.ru

Статья посвящена опровержению естественнонаучного и философского тезиса «природа не терпит пустоты». Это положение было существенным пунктом физики Аристотеля. Оно было опровергнуто в XVII в. благодаря опытам Торричелли и Паскаля. Для этого был применен аргумент к решающему эксперименту, который сыграл определенную роль в развитии нового вида риторики, а именно в риторике науки.

Ключевые слова: риторика науки, «природа не терпит пустоты», опровержение.

FORMATION OF THE RHETORIC OF SCIENCE. ARGUMENTUM AD DECRETORIUM EXPERIMENTUM

Olga V. Malyukova

PhD, professor of the Department "Philosophical and socio-economic disciplines"

Moscow State Law University

E-mail: o.maliukova@list.ru

The article is devoted to the refutation of the natural philosophical statement "nature does not tolerate emptiness". This provision was a substantial assertion of the physics of Aristotle. It was refuted in the XVII century thanks to the experiments of Torricelli and Pascal. At the same time, the Argumentum ad decretorium experimentum method was used, which played a role in the development of a new kind of the rhetoric namely, the rhetoric of science.

Keywords: the rhetoric of science, "nature does not tolerate emptiness", the refutation.

Традиционная риторика, созданная Аристотелем, была долгие века спутницей традиционного донаучного знания, т.е. такого комплекса знаний, который существовал до научной революции XV–XVI в. Основная особенность этого комплекса знаний – его традиционализм и обращенность в прошлое. Человек был убежден в том, что всеми нужными сведениями об устройстве мироздания он уже располагает. Всемогущий Бог прошлого обладал полноценной мудростью, неявно открытой нам в Писании. Простой смертный обретает знания, погружаясь в этот древний текст. При этом не допускалось и тени сомнения, что в Библии может быть упущена какая-либо тайна природы и эту тайну людям придется открывать самостоятельно. Донаучная традиция признавала невежество человека, но невежество особого сорта: каждый человек может не знать что-либо или человеку и не нужно это знать, ибо это вещи малосущественные. Именно этому типу мировоззрения и соответствовала классическая риторика.

Научная революция строилась на иных предпосылках: это готовность признать свое неведение, это ключевая роль наблюдений и вычислений, расширение возможностей знания в практическую сферу деятельности и появление набора методов, предписывающих собирать эмпирические данные и организовывать их с помощью математики. Такая наука перестала нуждаться в методах классической риторики и стала создавать собственные способы обоснования научного знания. Одним из таких способов стало понятие решающего эксперимента и представление о его важной роли для подтверждения или опровержения теории. В духе традиционной риторики его можно назвать *Argumentum ad decretorium experimentum*.

Само представление о значимости решающего эксперимента сложилось в тот период становления науки, когда опровергались устаревшие натурфилософские тезисы. Рассмотрим это на примере опровержения натурфилософского утверждения «природа не терпит пустоты». Это положение было существенным утверждением физики Аристотеля. Оно было опровергнуто в XVII в. благодаря экспериментам Торричелли и Паскаля. «Физика» Аристотеля представляла собой общее учение о природе. Метод «Физики» – это метод отвлеченных рассуждений, основывавшихся на первичных наблюдениях. Результатом этого стало разделение элементов, из которых состоят тела, и самих тел на абсолютно легкие и абсолютно тяжелые, стремление объяснить покой и движение самой сущностью предметов. Установление понятия абсолютно легкого и абсолютно тяжелого заставляло Аристотеля считать, что вода не может оказывать давления на землю, а воздух – на воду. Поэтому для объяснения гидромеханических явлений, например всасывания жидкости, ему пришлось принять гипотезу, что «природа боится пустоты». Возрастание авторитета Аристотеля сделало из этой гипотезы фундаментальную аксиому физики, согласно которой в природе нет, и не может быть пространства, которое не было бы заполнено каким-либо веществом. Поэтому являлось

незыблемым и следствие из этой аксиомы (плюс тезис «воздух не оказывает давления на воду»): вода может подниматься поршнем на какую угодно высоту.

В эпоху Возрождения появилась возможность проверить это следствие, в связи с повсеместной практикой создания фонтанов. Однажды, сооружая фонтан в саду флорентийского герцога Козимо Медичи, строители столкнулись с тем фактом, что вода за поршнем по трубе поднималась только на 10 метров. Когда обратились за объяснением этого явления к Галилею, то ученый ответил, что природа-де боится пустоты, но, вероятно, эта боязнь не распространяется выше 10 метров. Конкретные проблемы, возникшие в связи с метафизической «боязнью пустоты», живо интересовали итальянских любителей науки. Уже в 1640 г. некто Гаспар Берти произвел следующий опыт: он изготовил свинцовую трубку длиной около 11 метров с большим стеклянным баллоном на одном конце и с краном – на другом и прикрепил ее веревками к стене собственного дома. При этом нижний конец трубки с краном поместил в бочку, наполовину заполненную водой. Когда кран был закрыт, то через отверстие, находящееся на верхнем конце, трубка полностью заполнялась, после чего отверстие плотно закрывалось. Когда же кран открыли, вода потекла из трубки в бочку, но вытекла не вся и скоро остановилась на определенной высоте. На следующий день вода оказалась на том же уровне, хотя кран оставался все время открытым. Когда кран снова закрыли и открыли отверстие, через которое трубка заполнялась водой, в трубку ворвался воздух. Затем была измерена высота воды внутри трубки: она равнялась примерно 10 метрам выше уровня воды на отметке в бочке. Опыт Берти не был теоретически осмыслен, он не стал опровергающим экспериментом, но он положил начало серии опытов, которые ими стали. В 1643 г. ученики Галилея, Торричелли и Вивiani поставили аналогичный опыт, где вместо воды использовали ртуть. Будучи в 13,6 раза тяжелее воды, она должна была, по мысли Торричелли, подняться на высоту, во столько же раз меньшую. Так оно и получилось. Знаменитый опыт Торричелли таков: стеклянную трубку длиной 1,2 метра, один конец которой открыт, а другой герметически закупорен, наполняли ртутью. Затем отверстие закрывали пальцем, а трубку опрокидывали в чашу со ртутью. Когда погруженное в чашу отверстие открывали, то ртуть в трубке опускалась до определенной высоты (около 76 см), оставаясь потом на этом уровне. Образовавшееся над ртутью пространство было названо позднее торричеллиевой пустотой. Сама же трубка представляет собой прибор, названный Бойлем барометром, т.к. высота ртутного столба соответствует величине атмосферного давления. В результате эксперимента Торричелли пришел к выводу, что ртуть в трубке удерживается не «боязнью пустоты», а весом воздуха, давящего на открытую поверхность ртути в чаше. Пространство над ртутью есть пустое пространство. Опыт Торричелли стал известен среди ученых Франции. Между последователями физики Аристотеля, сторонниками Декарта и учеными-экспериментаторами разгорелась активная дискуссия. В 1646 г. Блез Паскаль (1623 – 1662 гг.) повторил опыт Торричелли. Паскаль высказал мнение, что пустота не является чем-то невозможным и природа не избегает пустоты с такой боязнью, как многие воображают. Поэтому необходимы новые эксперименты. Для опровержения мнения о наличии в верхней части трубки разреженного воздуха Паскаль использовал трубки различных форм – прямые, наклонные, оканчивающиеся стеклянным баллоном и т.д. Если бы там имелся разреженный воздух, то высота ртути в трубке со стеклянным баллоном была бы ниже, чем в прямой трубке, т.к. в первой должно содержаться больше воздуха, чем во второй. Разреженного воздуха не оказалось. По второй гипотезе в трубке могли содержаться пары жидкости, т.е. ртути. Эту гипотезу тоже удалось опровергнуть экспериментально. Однако этот эксперимент не стал решающим. В сентябре 1647 г. Декарт лично сообщил Паскалю, что в верхней части трубки над ртутью находится его «декартова» тонкая материя.

В ноябре 1647 г. Паскаль занялся изучением причины, удерживающей ртутный столбик в опыте Торричелли в равновесии. Его предварительное заключение усматривало причину в давлении воздуха. Такое мнение было высказано в 1644 г. и самим Торричелли. Однако, по мнению Паскаля, мнение Торричелли есть одно из возможных заключений, необходимо проделать такой опыт, который показал бы, что тяжесть воздуха – это единственная причина опускания ртути в трубке. В конце 1647 г. Паскаль осуществил один из решающих экспериментов для доказательства гипотезы давления воздуха. Если эта гипотеза верна, т.е. если именно воздух, давящий на поверхность ртути в чаше, удерживает ртуть в трубке в равновесии, а не «боязнь пустоты», то при помещении чаши с трубкой в безвоздушное

пространство ртути в трубке вместо частичного опускания должна полностью вытечь, не находя противодействия извне. Такой опыт был проделан: ртуть полностью вытекла.

В это время Паскаль уже был твердо убежден, что тяжесть воздуха, а не боязнь пустоты есть единственная причина подвешенности ртути. Но решающий эксперимент, по его мнению, необходимо было произвести дважды: один раз на вершине горы, второй раз – у ее подножия. Высота ртути на вершине горы должна была бы быть меньшей, чем у ее подножия, ибо давление на верху горы меньше, чем у ее подножия, вряд ли это можно объяснить тем, что у подножия природа испытывает больший страх пустоты, чем на вершине. Сам эксперимент был произведен 19 сентября 1648 г. в Клермоне на горе Пюи-де-Дом с соблюдением всех формальностей в отсутствие Паскаля. У подножия горы высота ртутного столба составила 0,66 метра, на вершине – 0,58 метра. Эксперимент был повторен неоднократно. В конце 1648 г. Паскаль опубликовал брошюру «Рассказ о великом эксперименте равновесия жидкостей...». Опыты, изложенные в брошюре, позволили исследователю принять тезис: природа не испытывает никакой боязни пустоты, и все следствия, приписываемые этой боязни, обусловлены тяжестью и давлением воздуха.

Паскаль продолжил работу и установил важный принцип, отождествляющий явления, связанные с атмосферным давлением и давлением жидкости. Результаты его работы были отражены в «Трактате о равновесии жидкостей» и в «Трактате о весе массы воздуха». В результате Паскаль сформулировал один из основных законов гидростатики, который носит его имя и заключается в том, что при действии поверхностных сил давление во всех точках внутри жидкости одинаково. Практическим результатом отождествления давления в воздухе и в воде стало объяснение Паскалем многочисленных явлений, которые раньше объяснялись «боязнью пустоты». Поднятие воды в насосах, сифонах и шприцах, трудность отделения друг от друга двух полированных тел, притяжение воздуха при дыхании, сосание материнского молока и т.д. – все эти явления вызваны давлением внешнего воздуха. Именно в гидростатике было окончательно установлено, что природа никакой боязни пустоты не имеет и все явления, приписываемые до сих пор этой воображаемой причине, объясняются тяжестью массы воздуха.

Argumentum ad decretorium experimentum в конечном счете не стал мощным средством подтверждения теории, но сыграл свою роль в становлении нового вида аргументации, а именно, риторики науки.

ДИСКУРСИВНОСТЬ И УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Виктор Владимирович Линьков

Московский педагогический государственный университет

Дискурсивность и убедительность выступают в качестве дифференциальных показателей исследований, относящихся к одной отрасли науки или к разным ее отраслям. Убедительность определяет степень включения информации в систему научного знания и связано с особенностями коммуникативного взаимодействия субъектов научной деятельности. Дискурсивность рассматривается как показатель структурной целостности и последовательности рассуждений, отражающий уровень развития отрасли науки, к которой относится исследование. Зависимость убедительности научных данных от уровня дискурсивности существует, но не является явной. В научных исследованиях возможны разные соотношения убедительности и дискурсивности.

Ключевые слова: дискурсивность, убедительность, научные исследования.

THE DISCURSIVITY AND COGENCY OF SCIENTIFIC RESEARCH

Viktor V. Linkov

Moscow State Pedagogical University

Discursivity and cogency are differential indicators of research within one or several branches of science. Cogency determines the degree to which information may be included in the system of scientific knowledge and is related to the particularities of

communicative interaction between subjects of research. Discursivity is regarded as an indicator of the integrity and consistency of reasoning and reflects the development level of the branch of science in question. There exists a dependency between the cogency of research data and the level of discursivity, but it is not obvious. Scientific research may have a variable correlation between cogency and discursivity.

Keywords: discursivity, cogency, scientific research.

Научное и общественное признание результатов конкретных исследований зависит от многих факторов, среди которых особое место принадлежит дискурсивности и убедительности научных данных, концепций, теорий, способов их интерпретации и обоснования. Параметры дискурсивности и убедительности учитывают различия не только методологической структуры, но и социального влияния научных исследований. Эти параметры не относятся к общим критериям научности и не являются средствами демаркации научного знания, но они могут быть отнесены к показателям, позволяющим проводить уровневую дифференциацию конкретных исследований одной отрасли науки или разных ее отраслей. Необходимость выделения и изучения параметров дискурсивности и убедительности в контексте анализа логических и риторических предпосылок научных исследований связана с тем, что эти параметры влияют на эвристический и практический потенциал научных данных.

Если рассматривать убедительность как свойство информации, отражающее меру ее включения в систему достоверного знания, то важно учитывать, что данное свойство предполагает коммуникативное взаимодействие субъектов в целях построения, подтверждения, дополнения, конкретизации или уточнения аподиктического знания. Предполагая передачу научных знаний другим субъектам, убедительность возникает в процессе убеждения, выступающего как способ утверждения и сохранения знаний в статусе intersubjectively признанной истинности. Иными словами, убедительность представляет собой такую характеристику научного исследования, которая проявляется и существует при взаимодействии субъектов познания, это взаимодействие предполагает и на него рассчитано. Свойством убедительности могут обладать научное исследование в целом и его части, определенные суждения, умозаключения и развернутые рассуждения в его структуре. Убедительность выражает меру актуального или потенциального доверия к информации со стороны представителей научного сообщества и различных социальных групп, поэтому в известном смысле убедительность зависит от особенностей структурирования новой научной информации, ее логической формы и фактического содержания, а, значит, и от умений субъекта, проводящего исследование, проблематизировать, обосновывать и оформлять эту информацию, а также от понимания этой информации, от отношения к ней со стороны других познающих субъектов.

В логике и риторике убедительность рассматривается в качестве значимой характеристики рассуждений. Последовательный и основательный анализ способов убеждающего рассуждения провел Аристотель, который утверждал, что «мы всегда убеждаем или через силлогизм, или путем наведения» [Аристотель, 1978: 247]. Убедительности Аристотель придавал значение одного из параметров дифференциальной оценки способов рассуждения. Задачей риторики, согласно Аристотелю, является нахождение способов убеждения, относящихся ко всем областям наук, к каждому предмету. В качестве общих способов убеждения в риторических рассуждениях Аристотель выделял энтимему, которая характеризовалась как риторическое доказательство, «некоторого рода силлогизм», «самый важный из способов убеждения», а также пример, который «подобен наведению» [Аристотель, 2008: 86, 90, 230]. Изучение универсальных способов убеждения было продолжено в античной философии с учетом определения задач риторики и связанных с ними родов красноречия. В частности Марк Туллий Цицерон указывал три задачи оратора, в число которых входило убеждение. Убедительность с точки зрения Цицерона связана с доказательностью рассуждения, а для доказательства могут использоваться средства, которые «предоставляет оратору само дело», и средства, которые зависят «целиком от самого оратора», от его умения и дарования [Цицерон, 1994: 153]. Однако уже в античности проявилось двойственное отношение к убеждению и убедительности. Утверждая, что «риторика есть наука хорошо говорить», и в этом ее цель, Марк Фабий Квинтилиан критиковал восходящее к Исократу, Аристотелю и Цицерону мнение о том, что «риторика состоит в способности и силе убеждать» [Квинтилиан, 2013: 53, 55]. Расхождения в понимании цели риторики, связанные с различным отношением к

убеждению, определяют проблематичность исследования значения убедительности для решения практических, теоретических и социальных задач научной деятельности. В современных научных исследованиях подчеркивается важность системного изучения факторов убедительности в связи с тем, что «убеждение представляет собой сложный процесс, в котором взаимодействуют многие факторы и успех которого зависит именно от единого, целостного их учета» [Котельникова, Рузавин, 2001: 7]. Убедительность рассматривается в качестве основной задачи обоснования, отмечается необходимость учитывать логические, риторические, когнитивные, психологические, нравственные, социальные и культурно-исторические аспекты аргументации (Брюшинкин В. Н., Герасимова И. А., Новоселов М. М. и др.).

Исследования разных предметных областей могут различаться не только объектами, методами, степенью достоверности и убедительности, но и уровнем дискурсивности. В этой связи дискурсивность может рассматриваться как показатель развития научного знания, зрелости определенной области науки, развитости ее теоретического и методологического аппарата и его использования в определенном исследовании. Высокий уровень дискурсивности предполагает развернутость, структурную целостность и последовательность рассуждения при изложении научных данных, содержательную экспликацию их посылок и четкое обоснование выводов. С точки зрения формы исследования дискурсивность может быть определена в количественном отношении как доля в текстуальной структуре исследования корректно построенных умозаключений в стандартных и сокращенных формах. Однако к количественному показателю сводить дискурсивность не следует, при определении этого параметра важно учитывать качественную специфику предмета исследования.

Уровень дискурсивности различен в научных исследованиях разных типов: как правило, он выше в теоретических исследованиях. Эмпирические исследования могут уступать теоретическим по уровню дискурсивности, но по степени убедительности не уступают, а часто превосходят теоретические исследования. Вместе с тем дискурсивность научного исследования зависит не только от типа исследования, но и от развитости методологического аппарата и теоретического фундамента отрасли науки, к которой относится исследование. В разных отраслях науки дискурсивность по генерализированному уровню различается. Если исследование проводится на междисциплинарной основе, то уровень дискурсивности зависит от особенностей базовой теории и типа осуществляемой интеграции научных знаний.

Между убедительностью и дискурсивностью научных исследований существует связь, но эта связь не является явной и безусловной, поэтому заслуживает особого внимания. В исследованиях возможны различные варианты соотношения дискурсивности и убедительности: исследование может рассматриваться как дискурсивное, но неубедительное; недискурсивное, но убедительное; дискурсивное и убедительное; недискурсивное и неубедительное. При этом возможны дополнительные варианты соотношений в связи с тем, что убедительность может иметь разные темпоральные горизонты и различный охват аудитории, ибо убедительное может быть таковым не для всех, не во всех случаях и не на все времена. Научное знание обладает не абсолютной, а относительной убедительностью, которая зависит от комплекса условий, не сводимых только к форме и структуре дискурса.

Литература

1. Аристотель. Первая аналитика // Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 119–254.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 352 с.
3. Квинтилиан Марк Фабий. Наставление оратору. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. 472 с.
4. Котельникова Л. А., Рузавин Г. И. Системный подход к процессу убеждения и аргументации // Теория и практика аргументации. Отв. ред. И. А. Герасимова. М.: ИФ РАН, 2001. С. 7–27.
5. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. 480 с.

АРГУМЕНТЫ ЗА ПЕРЕСМОТР НАУЧНОГО КОНСЕНСУСА В ИСТОРИИ ОТО⁹

Оксана Владимировна Ершова
Кандидат философских наук
Ульяновский государственный университет
E-mail: oksiphil@mail.ru

Общая теория относительности, созданная в начале XX в. А. Эйнштейном, по общепринятому мнению ученых считалась истинной. Коррективу в эти представления ученых в середине XX в. попытался внести отечественный физик, А.А. Логунов. Особый интерес представляет реконструировать аргументы А.А. Логунова, выдвигаемые против общей теории относительности. В целом все эти аргументы были направлены на то, чтобы призвать научное сообщество физиков к пересмотру научного консенсуса в отношении плодотворности ОТО для развития научного знания.

Ключевые слова: консенсус, аргументация, реконструкция истории, научное сообщество.

ARGUMENTS FOR REVISION OF THE SCIENTIFIC CONSENSUS IN THE HISTORY OF TGR

Oksana V. Ershova
PhD
Ulyanovsk State University
E-mail: oksiphil@mail.ru

The theory of general relativity, created in the early twentieth century by A. Einstein, in common opinion of scientists was considered to be true. Russian physicist A. A. Logunov tried to make adjustments to these views of scientists in the mid-twentieth century. The particular interest is to reconstruct A. A. Logunov's arguments made against the theory of general relativity. In general, all of these arguments were designed to appeal to the scientific community of physicists to review the scientific consensus on the fruitfulness of the TGR for the development of scientific knowledge.

Keywords: consensus, reasoning, reconstruction of history, the scientific community.

В 70-80-ые годы XX в. вокруг общей теории относительности (далее по тексту ОТО) в отечественном физическом сообществе сложилась необычная ситуация, связанная с появлением альтернативной ей теорий гравитации. Критические замечания в адрес теории А. Эйнштейна высказал известный физик-теоретик, вице-президент АН СССР академик Анатолий Алексеевич Логунов¹⁰, ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова [Логунов, 1987: 38–44]. Но Логунов не ограничился только критикой ОТО, он и его команда (Лоскутов Ю.М., Мествиришвили М.А., Чугреев Ю.В. и др.) предложили альтернативу общей теории относительности релятивистскую теорию гравитации. Таким образом, Логунов и его команда заявили о необходимости пересмотра научным сообществом консенсуса в отношении истинности ОТО.

⁹ Работа написана при поддержке гранта РГНФ № 15-33-01249 «Ценности естественных наук сквозь призму конвенции».

¹⁰ Академик А.А. Логунов известен всему мировому научному сообществу как крупный физик-исследователь в области физики элементарных частиц и физике высоких энергий, его деятельность также связана с развитием новых представлений о пространстве-времени и гравитации. В 1974-1991 гг. А.А. Логунов вел большую государственную научно-организационную работу на посту вице-президента АН СССР. Являлся главным редактором журнала Теоретическая и математическая физика. Им воспитана большая группа учеников в ОИЯИ, ИФВЭ и МГУ, которая широко известна своими исследованиями по физике высоких энергий, теории поля и теории гравитации. Он является членом ряда иностранных академий, почетным доктором многих университетов.

Это заявление Логунова вызвало реакцию со стороны приверженцев ОТО. Между Логуновым (его группой) и сторонниками ОТО (Зельдович, Грищук, Гинзбург) [Логунов, 1987: 165] завязалась длительная полемика (растянувшаяся почти на десятилетие, отголоски которой присутствуют в XXI в.) на страницах научных, научно-популярных журналов, монографий, на отечественных и международных конференциях по физике.

В целом для физического сообщества этого периода была характерна тенденция к созданию новых интерпретаций ОТО. Но особенность взглядов Логунова и его учеников заключалась в том, что предлагавшаяся ими новая теория гравитации, была альтернативой ОТО, а не ее интерпретацией. Поэтому перед группой Логунова стояла задача не только продемонстрировать эвристический потенциал новой теории, но и убедить всех членов физического сообщества в истинности РТГ и ошибочности ОТО. И только в этом случае группа Логунова имела возможность осуществить пересмотр сложившегося консенсуса ученых в отношении ОТО.

С какими же аргументами Логунов обратился к физическому сообществу, чтобы убедить их в необходимости пересмотреть консенсус в отношении ОТО?

Во-первых, детальный анализ ОТО А.А. Логунов основал на работах А. Пуанкаре, Д. Гильберта [Логунов, 1987: 163], тем самым неявно заручившись поддержкой авторитетных ученых с мировым именем. Тем самым его позиция приобретала большую основательность для членов физического сообщества.

Во-вторых, в своих работах по теории гравитации он показал физикам, что в ОТО не соблюдаются ряд содержательных и формальных требований к теории. Логунов апеллировал к факту невыполнимости в ОТО такого важного требования ко всякой теории, как *согласованность с предшествующим знанием*. Критический анализ ОТО, по Логунову, «... показывает, что принятие ее концепции ведет к отказу от ряда фундаментальных физических представлений, лежащих в основе физики. Во-первых, это отказ от законов сохранения энергии-импульса и момента количества движения вещества и гравитационного поля вместе взятых. Во-вторых, это отказ от представлений о гравитационном поле как физическом поле типа Фарадея-Максвелла, обладающим плотностью энергии-импульса. Поскольку ни в макромире, ни в микромире нет ни одного экспериментального указания, прямо или косвенно ставящего под сомнение справедливость и фундаментальность законов сохранения материи, то для отказа от этих законов нет никаких физических оснований» [Александров, 1987: 548]. Законы сохранения импульса и энергии, по Логунову, «всегда были (и остаются) главными критериями правильности развиваемой теории. И все известные физические теории удовлетворяют данному критерию» [Логунов, 1987: 165]. Этот весомый аргумент, по Логунову, должен был привести научное сообщество, как и его, к отказу от концепции ОТО.

Аргументом против ОТО, по Логунову, являлось невыполнение *принципа соответствия* как фундаментального требования ко всякой новой теории. Согласно этому принципу, по Логунову, любая более общая теория, заменяющая старую, должна переходить в последнюю в области ее применимости [Логунов, 1987: 63]. Отсутствие классического ньютоновского предела в ОТО свидетельствует об этом.

Логунов также указывал на неоднозначность *предсказательной силы* ОТО. В одной из статей он писал: «...неоднозначность предсказаний органически присуща ОТО и распространяется на все гравитационные эффекты. Покажем это на примере эффекта гравитационной задержки радиосигнала в поле статического центрально-симметричного тела массы M . Приведем далее простой мысленный эксперимент, отчетливо демонстрирующий ту же неоднозначность предсказаний ОТО для времени гравитационной задержки» [Логунов, 1987: 169]. Правоту своей позиции Логунов доказывает через наглядную демонстрацию ошибочности ОТО, тем самым рассчитывая привлечь большее количество сторонников к своей точке зрения.

Логунов и его команда указывали на несоблюдение в ОТО логико-методологического требования *непротиворечивости*. Логунов писал: «... в общей теории относительности, которая построена на принципе эквивалентности, то есть фактически на совпадении гравитационной и инертной масс... равенство инертной и гравитационной масс в конце концов приводит к их «вопиющему» неравенству. Поэтому ОТО – с точки зрения физики – логически противоречиво» [Логунов, 1987: 62].

Аргументом Логунова к широкой аудитории можно считать указание им на противоречие ОТО философскому *принципу познаваемости мира*. Логунов показал, что следующий из ОТО вывод об эволюции пылевидной звезды за конечное собственное время в «черную дыру» с сингулярной плотностью, «... эквивалентен признанию таких форм существования материи, в которых она является непознаваемой в принципе (ибо никаких сведений о внутренних процессах «черной дыры» никакими способами получить нельзя). Такой вывод противоречит положению о познаваемости материального мира, и поэтому с ним согласиться нельзя» [Логунов, 1987: 180].

Еще один интересный аргумент выдвигался Логуновым при апелляции к процессуальному аспекту научного творчества. Исходя из тезиса, что в начальный период исследований ученые часто допускают ошибки, Логунов допускает и ошибочность ОТО. Он говорит, что это нормальное состояние. «*Истоки тех или иных неправильных формулировок находятся в высказываниях Эйнштейна в начальный период его исследований явлений гравитации. В процессе творчества такие вещи вполне обычны, поскольку исследователю приходится идти на ощупь и часто даже недостаточно правильные исходные посылки могут, благодаря интуиции исследователя, привести к важным открытиям*» [Логунов, 1994: 121].

Далее Логунов и его команда обратились к ученым-физикам и обывателям, указав на непрофессионализм отдельных сторонников ОТО. Например Гинзбургу вменили неправильность выполненных расчетов [Логунов, 1996: 81–88] в пользу ОТО. Кроме того подробная аргументация В.Л. Гинзбурга за ОТО также опровергалась расчетами противников ОТО [Логунов, 1996: 81–88].

Эти выводы о несоблюдении в ОТО ряда содержательных и формальных требований Логунов и его команда пытались донести до всего научного сообщества физиков, публикуя статьи с подробными расчетами в физических журналах и выступая на конференциях, научных семинарах. В своих статьях и речах они апеллировали к общезначимости и фундаментальности нарушаемых в ОТО законов, к экспериментальной базе. Вывод для всего научного сообщества Логунов и его группа сделали такой, что ОТО и ее модификации в той форме, в которой они до сих пор принимались, не могут претендовать на полноценную физическую теорию тяготения и поэтому должны быть пересмотрены [Логунов, 1987: 185]. Этими действиями Логунов призвал профессиональное сообщество физиков к пересмотру существующего консенсуса в отношении истинности ОТО.

Еще одним важным аргументом Логунова стало то, что он пытался в сознании ученых-коллег воссоздать и укрепить иную реконструкцию истории ОТО. В этой реконструкции Логунов показал влияние теоретических, социокогнитивных и психологических факторов на принятие ОТО учеными, отведя большую роль в факте её признания двум последним факторам. *К примеру, Логунов писал: «Далеко не все ученые того времени немедленно поверили в ОТО. Но тут сделанное Эйнштейном предсказание об отклонении луча света в поле Солнца, затем экспериментальное подтверждение этого эффекта, а также объяснение того, казавшегося странным с точки зрения ньютоновской теории факта, что орбита Меркурия почему-то смещается, принесли общей теории относительности Эйнштейна подлинный триумф. Несмотря на все успехи, ОТО почти с самого рождения столкнулась с трудностями, однако исключительная решительность, с которой Эйнштейн отстаивал свою теорию, и вера в его авторитет привели к тому, что многие выдающиеся физики – современники Эйнштейна как бы закрывали глаза на эти трудности»* [Логунов, 1987: 60]. Работы Эйнштейна и Кляйна, по Логунову, «создали у физиков иллюзорную уверенность в том, что в ОТО с законами сохранения «все в порядке», и эта уверенность сохранилась до наших дней» [Логунов, 1987: 61]. Все это, по Логунову, привело к тому, что сообщество физиков разделилось на тех, кто «до сих пор не понимают, что в ОТО в принципе не могут существовать самые фундаментальные законы сохранения, воспринимают это как слабость теории Эйнштейна и пытаются повсякому ввести в нее сохраняющиеся величины», и тех, кто расценивают «утрату законов сохранения как выдающееся достижение этой теории, поскольку она, с точки зрения таких энтузиастов ОТО, «неотягощена излишними ограничениями» [Логунов, 1987: 61]. Таким образом, с точки зрения Логунова и его команды, произошла фактическая канонизация общей теории относительности, что задержало ее критический анализ и, как следствие, затормозило творческое развитие представлений о гравитации [Логунов, 1987: 61]. Фактическая канонизация ОТО, по Логунову, сформировала не критичный консенсус ученых, основанный на вере» [Логунов, 1987: 60–70].

Таким образом, Логунов и его группа, пытаясь привлечь на свою сторону ученых, обосновывали свою точку зрения не только логико-теоретической критикой ОТО, но и внедряя в сознание ученых иную реконструкцию истории ОТО, гравитации.

Литература

1. Александров А.П., Амарцумян В.А., Боголюбов Н.Н., Марков М.А., Марчук Г.И. Анатолий Алексеевич Логунов (К 60-летию со дня рождения) // Успехи физических наук. 1987. Т. 151. Вып. 3.
2. Логунов А. Новая теория гравитации // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 38–44.
3. Логунов А. Новая теория гравитации // Наука и жизнь. 1987. № 3. С. 60–70.
4. Логунов А.А., Лоскутов Ю.М., Мествиришвили М.А. Релятивистская теория гравитации и критика ОТО // Теоретическая и математическая физика. Т. 73, № 2. 1987. С. 163–186.
5. Логунов А.А., Мествиришвили М.А., Чугреев Ю.В. О неправильных формулировках принципа эквивалентности // Успехи физических наук. 1996. Т. 166, № 1. С. 81–88.
6. Логунов А.А., Мествиришвили М.А., Чугреев Ю.В. Принцип эквивалентности // Теоретическая и математическая физика. 1994. Т. 99. № 1. С. 121–140.

РИТОРИКА НАУКИ: ОБРАЗНОСТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹¹

Наталья Юрьевна Козлова

*Кандидат философских наук, ассистент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования
Московский педагогический государственный университет*

Доклад посвящен осмыслению роли образности в научном дискурсе; показано, что образность не только является эффективным механизмом передачи знания, но может трактоваться как необходимая для развития научной онтологии форма его «артикуляции».

Ключевые слова: риторика науки; образность; коммуникация; передача знания; «артикуляция» научного знания.

RHETORIC OF SCIENCE: THE FIGURATIVENESS IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Natalia Yu. Kozlova

*PhD in Philosophy, assistant lecturer of department of philosophy
Moscow State Pedagogical University*

The report considers the interpretation of the role of the figurativeness in scientific discourse; it's shown the figurativeness is an efficient mechanism of knowledge transfer and can be researched as a necessary form of the knowledge "articulation".

Keywords: rhetoric of science; figurativeness; communication; knowledge transfer; knowledge "articulation".

В контексте осмысления «риторичности» научной коммуникации особое внимание привлекает вопрос о месте образности в научном дискурсе. Несмотря на современные тенденции в исследованиях роли языка в конструировании смыслового и логико-методологического пространства науки, подчеркивающие не только значимость, но и необходимость риторических механизмов в научной коммуникации, продолжает ощущаться негласное стремление противопоставлять образность и научную абстракцию как явления, по меньшей мере возникающие из различных способностей человеческого разума. Укоренявшаяся веками исследовательской практики установка на образ «формальной» науки – ориентированной на объективную истину и «действительное познание» и потому

¹¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект №17-33-00066.

абстрагирующей от языкового проявления личностного и субъективного – оказывается удобной, а главное, практичной позицией. Во-первых, подобная антитеза, во многом искусственно установленная еще античной философской мыслью, заметно упрощает осмысление научной специфики и преследуемых наукой задач, а во-вторых, определяя то, что наука должна избегать, и побуждая отыскивать необходимые для этого теоретические основания, данная антитеза обогащает проблематику научного знания.

Анализ научной коммуникации с позиций риторики подразумевает исследование проблемы коммуникации в контексте обращенности Я к Другому. Значение образности по традиции, исходящей из специфики красноречия как метода, сводится к оптимизации передачи знания: средства языковой выразительности призваны сделать передаваемое знание более доступным для Другого, в идеале – позволить «пересадить знание в голову слушателя в таком виде, в каком оно выросло в его (исследователя –*прим. мое Н.К.*) собственной голове» [Бэкон]. Действительно, обширный теоретический материал, посвященный суггестивной функции языка, рассматривает, например, метафору – один из самых частотных в научном дискурсе риторических элементов – как незаменимый механизм коммуникативной интенции. Метафора позволяет сформировать определенное представление об объекте, то есть генерирует некий «способ мысли» о нем. Сообщаемое знание, облачаемое в метафорическую форму, разворачивается в лоне устоявшихся и привычных для интерпретатора смыслоположений и потому не отторгается, а, наоборот, легко вписывается в уже имеющуюся систему представлений. Использование элементов образности в научном языке оборачивается не только коммуникативной оптимизацией, но и, в силу уникальности процесса интерпретации, открытием новых путей в осмыслении объекта.

Однако значение образности для научного дискурса не ограничивается ролью в передаче знания. Возможно ли продуцирование качественно иных смыслов, преобразующих концептуальное пространство науки, вне образности? Ответ на данный вопрос – само собой разумеющееся «да», столь удобное для утверждения образа науки как сферы истинного и «чистого» познания, оказывается слишком упрощенным взглядом на его специфику. Несмотря на значимость для развития научной онтологии коммуникации – то есть непосредственной или подразумеваемой включенности в творческий процесс Я Другого – главным источником интенции все же остается конкретный познающий субъект. В связи с этим рассмотрение роли образности в научном дискурсе может быть смещено с понятия «коммуникация» на понятие «артикуляция», иными словами – с Другого на Я.

Функция образности как инструмента «артикуляции» знания определяется прежде всего особенностями самой научной «артикуляции». Дополняя вышеозвученный вопрос, можно задать следующий: возможно ли «ухватить», зафиксировать смыслополагающий синтез ускользающих «актуальностей сознания» [Гуссерль, 2010: 64] вне образности? В данном случае речь, конечно, идет о том «акте мысли», который размыкает границы смыслового обыкновения, тем самым преобразуя научную онтологию. Можно предположить, что ответ на данный вопрос – «нет». Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, феноменом гипостазирования – когда все «схватываемые» в интенциональности сущности начинают онтологически «существовать» для носителя языка, объективируясь в языковой сфере. Вне механизмов образности подобное вписывание в онтологическую реальность – самым явным примером может служить метафорическая природа многих научных представлений и понятий – оказывается проблематичным. Во-вторых, образность становится тем необходимым способом интенсификации «акта мысли», без которой возведение концептуального каркаса теоретической модели представляется невозможным. Идея, согласно которой авторский стиль представляет собой субъективный нарратив, характеризующийся определенным внутренним неосознаваемым «синтаксисом», – всей совокупностью процедур аргументации, доказательства, принципов верификации, особенностями практикуемой методологии – всем, обеспечивающим единство и неразрывность смысла, делая даже самый незначительный смысловой акцент элементом общей теоретической модели, давно известна. Однако то, за счет чего Я удается *продолжать* складывать свой субъективный нарратив, являющийся *самим* актом научного творчества, упускается из виду как само собой разумеющееся.

Для построения и развития теоретической модели недостаточно одного лишь абстрагирования объекта. Необходим постоянный «живой» интерес к нему, т.е. настойчивое наделяние значимостью и вместе с тем вычленение его из существующей онтологии. Возможно, именно механизмы образности

неосознаваемо для самого автора¹² берут на себя данную функцию, позволяя обособить и «остранить» объект, придать ему статус «до-осмысленного», а значит, сделать его «неудобным». Образность – всегда за границей удобства – уже своей сутью не вписывается в существующий концептуальный рельеф. Она периодически опровергает всякое объективное, прошедшее рационализацию, удобство, и, даже можно сказать, изначально направлена против него. Это всплеск субъективности, в лучшем из случаев разваливающий «здравый» смысл вещей, фиксирующийся в формах коммуникативной рациональности. С этой точки зрения образность оказывается необходимой чертой «артикуляции» научного знания.

Литература

1. Бэкон, Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон. [Электронный ресурс] / Ф. Бэкон. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt> (Дата обращения: 06.01.2018).
2. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2010. 229 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОЙ ФОРМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ольга Александровна Останина
Вятский государственный университет

Вопрос о понятийной форме исторического познания связан с решением двух проблем: как возможны понятия в исторической науке, и существуют ли собственно исторические понятия. Существуют два подхода к решению первой проблемы. Один из них обосновывает специфику образования понятий в истории. Другой подход подчеркивает принципиальное единство способа образования понятий в различных науках. Проблема собственно исторических понятий не решена. С одной стороны, содержание понятий определяется контекстом, с другой стороны, в истории применяются междисциплинарные понятия.

Ключевые слова: понятие, отнесение к ценности, идеальный тип, онтологический подход, индукция.

TO THE QUESTION OF THE CONCEPTUAL FORM OF HISTORICAL COGNITION

Olga A. Ostanina
The Vyatka State University

The question on conceptual form of the historical cognition is connected with the solving of two problems: how are the concepts in the historical science possible, and do proper historical concepts exist. There are two approaches to the solving of the first problem. One of them justifies the specificity of the formation of concepts in history. The other emphasizes the principal unity of the way of the formation of concepts in different sciences. The problem of the proper historical concepts is not solved. The content of the concepts is determined by a context, and interdisciplinary concepts are used in history.

Keywords: concept, relating to value, ideal type, ontological approach, induction.

Каждая конкретная наука предполагает наличие своего понятийного аппарата. Статус истории как науки означает, что у нее такой аппарат есть. Но данное утверждение неоднозначно, и вопрос о понятийной форме исторического познания и знания является дискуссионным [Хвостова, 2011: 56–68; Хвостова, 2014: 23–36]. Данная дискуссия, продолжающаяся с рубежа XIX–XX столетий, включает в себя две взаимосвязанные проблемы: во-первых, как возможны, как образуются понятия в исторической науке, во-вторых, существуют ли собственно исторические понятия. Вопрос о понятиях в исторической науке (науках) разрабатывался М. Вебером, В. Виндельбандом, В. Дильтеем, Э. Гуссерлем, Дж.С.

¹² Возможно, поэтому некоторые представители аналитических тенденций в философии, особо остро выступавшие против всего образного и обусловленного «природой, наклонностями и интересами говорящего» в научном языке, так и не смогли избежать самого главного его проявления – метафор).

Миллем, П. Рикером, Г. Риккертом, Г. Шпетом, в современной отечественной философии и истории – М.А. Баргом, Б.Г. Могильницким, Н.П. Французовой, К.В. Хвостовой и др.

Так, представители неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт обосновывали научность и объективность истории именно наличием в ней понятий, категориального аппарата и развивали учение о своеобразии способа образования исторических понятий. Ведущую роль, как полагал Г. Риккерт, играл метод отнесения к ценности, потому что «гарантировал» объективность содержания понятия и, следовательно, исторического знания. Ценность, воплощающаяся в культурных благах через деятельность людей, и есть «общее» истории. Ценности объективны, абсолютны, трансцендентны, поэтому отнесение к ним в понятиях дает и обобщение, и объективность [Риккерт, 1908: 141].

М. Вебер предполагал синтез теоретического и исторического. Теоретическое познание было у него связано с «идеальным типом», особым понятием, которое получается посредством мысленного доведения определенных моментов действительности до их полного выражения [Вебер, 1994: 580] с целью познания культурного значения конкретных исторических связей и нахождения «золотой середины» между фактами и смыслом [Вебер, 1994: 597–602]. Идеальный тип – это мысленный образ, и задача исторического исследования состоит в выяснении, насколько «действительность близка этому мысленному образу или далека от него» [Вебер, 1994: 580–581]. Это эвристическая роль идеального типа. Кроме того, он исполняет роль средства познания: для того, чтобы не только констатировать, но и характеризовать событие, исследовать его значение и смысл, историк оперирует понятиями, которые могут быть определены только в идеальных типах [Вебер, 1994: 582–583]. Поскольку идеальный тип – логическая конструкция, он отвечает требованию объективности знания и избегания оценочных суждений.

Понятия упорядочивают действительность, и они, как настаивал М. Вебер, должны быть четко сформулированы, так как их содержание может меняться. Следовательно, имеет место ситуативность применения исторических понятий.

В. Дильтей указывал на роль умозаключения по аналогии при изучении и понимании исторической жизни, также он подчеркивал описательный характер исторического знания и необходимость дескриптивного способа образования понятий и интерпретации. Герменевтический метод и дескрипция выявляют типические черты в явлении исторической жизни, которые репрезентируются в понятии.

Э. Гуссерль полагал, что благодаря применению феноменологического метода можно разработать систему научных понятий, в том числе и для истории, через «усмотрение сущностей». Говоря об образовании и роли понятий в науке, Э. Гуссерль верно утверждал, что в потоке развития есть устойчивость, которая делает возможным познание: то есть в понятии мы не останавливаем «искусственно» развитие, прерываем текучесть, а выражаем устойчивость, присущую различным явлениям и составляющую, в конечном счете, их сущность [Гуссерль, 1994: 158–159].

Г. Шпет осуществил синтез феноменологического и герменевтического методов, что позволило ему, на наш взгляд, решить проблему образования понятий в исторических науках [Шпет, 2002: 1016–1027]. Он верно говорил о нужности онтологического подхода к исследованию понятия, который позволяет раскрыть отношение между интуицией и понятием и адекватно определить содержание понятия.

Аналитическая философия обратила внимание на анализ структуры понятия, роль дескрипций (Б. Рассел), анализ языка (Л. Вингенштейн, Д. Серль). В признании роли лингвистического анализа понятия сходятся аналитическая философия, семиотика, феноменология и герменевтика.

В ряде современных исследований поднимается вопрос о роли индукции в образовании исторических понятий [Финн, 2013: 94–106].

В попытках решения проблемы собственно исторических понятий сохраняется неопределенность. В учебной литературе к историческим категориям относят, например, такие, как «формация», «цивилизация», «феодализм», «капитализм» и т.п. Но данные категории используют и иные отрасли знания: философия, социология, экономика. Есть специфические понятия (например, «реконкиста», «опричнина»), они относятся к вполне конкретным историческим событиям и явлениям, соотносятся с конкретным периодом истории, но не могут войти в систему понятий науки (истории). Получается, что понятия, применяемые в

исторических науках, являются трансдисциплинарными и междисциплинарными, что отражает процесс эволюции исторического познания, предмет и характер исторического знания.

Основные выводы могут быть сформулированы следующим образом: 1) в исторических понятиях взаимосвязаны интуитивные и дискурсивные элементы; 2) в понятиях репрезентируются типические черты изучаемых явлений; 3) в образовании исторических понятий применяется индуктивный метод, наряду с явной и неявной дедукцией; 4) образование исторических понятий связано с лингвистическим анализом; 5) исторические понятия обладают комплексным, междисциплинарным характером; 6) понятие делает собственно историческим контекст, с которым оно соотносится.

Литература

1. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век. Антология. – М.: Юристъ, 1994. С. 557–602.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. – 357 с.
3. Риккерт Г. Философия истории. СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1908. – 182 с.
4. Финн В.К. Д.С. Милль и его идеи об индукции и «логике нравственных наук» // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ, 2013. – С. 94–106.
5. Хвостова К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 25–36.
6. Хвостова К.В. Истина и объективность в истории// Новая и новейшая история. 2011. № 11. С. 58–68.
7. Шпет Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. В 2 частях / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 1168 с.

ЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТИНЫ У ПИРСА

Сергей Мирославович Антаков

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

В известной словарной статье «Истина» основатель прагматизма Ч.С. Пирс дал определение истины, пояснив его примерами, из которых мы берём два, математический, относящийся к вычислимости иррационального числа, и бытовой, описывающий спор продавца с покупателем относительно качества товара (лошади). Определение истины, данное Пирсом и прагматизмом вообще, нуждается в уточнении. С этой целью автором был предложен метод формализации концепции прагматической истины, основанный на аппарате логических критериев, или презумпций, сильной (конъюнктивной) и слабой (дизъюнктивной). Успех формализации демонстрируется анализом данных примеров Пирса. Показано их структурное сходство при кажущемся значительном различии. Используемый метод позволяет дать строгий смысл интуиции У. Джеймса о подчинении классической истины истине прагматической.

Ключевые слова: классическая истина; прагматическая истина; Ч.С. Пирс; конъюнктивный и дизъюнктивный критерии истины; логические презумпции; точное равенство; приближённое равенство; отношение толерантности.

THE LOGICAL RECONSTRUCTION OF PEIRCE'S DEFINITION OF TRUTH

Sergey Miroslavovitch Antakov

Lobatchevsky Nizhny Novgorod State University

In the article "Truth" Ch. S. Pierce gave a definition of truth, explaining it with examples. We consider two of them: the mathematical and the household. The definition of truth given by Pierce and by pragmatism in general requires refinement, for which we

propose a method for formalizing the concept of pragmatic truth, based on the gears of logical criteria, or presumptions: the conjunctive and the disjunctive. In spite of their different appearance, their structural similarity is shown. Our method makes it possible to give a strict meaning to W. James's intuition about subordinating the classical truth to pragmatic truth.

Keywords: classical truth; pragmatic truth; Ch. S. Peirce; conjunctive and disjunctive criteria of truth; logical presumptions; exact equality; approximate equality; tolerance relation.

Основатель прагматизма Ч.С. Пирс включил в определение истины математическую метафору: «Истина – придаваемое абстрактному предложению качество, которое может быть высказано человеком. Она существенно зависит от того, претендует ли такое высказывание на точную истинность. Но мы надеемся, что при развитии науки ошибка будет неограниченно уменьшаться. Так ошибка оценки $3,14159$, данной числу π , будет неограниченно уменьшаться по мере вычисления её новых десятичных разрядов. То, что мы называем числом π , есть идеальный предел, которому ни одно рациональное числовое выражение не может быть в точности равно» [Peirce, 1902: 718]. Развивая это определение, Пирс говорит об истине как соответствии, согласии (*concordance*) и использует ту же метафору идеального предела: «Истина есть согласие некоего абстрактного высказывания с идеальным пределом, к которому исследование стремится, никогда не достигая его... Таким согласием абстрактное предложение может обладать благодаря признанию его неточности и односторонности, причём такое признание является существенной составной частью истины» [Peirce, 1902: 718].

Далее, поясняя свою мысль, Пирс приводит бытовой пример. Продавец сообщил покупателю «гнедой» лошади, что она не имеет пороков. Позднее покупатель обнаружил, что лошадь крашенная, и её натуральный цвет ему не понравился. Он пожаловался на обман. Продавец ответил, что не мог сказать о лошади всё, а то, что сказал, было правдой.

Кажется, что эти примеры Пирса принципиально различны: первый относится к идеальному предмету, второй – к эмпирическому. Однако здесь такое различие не существенно. Общепринято, что эмпирический предмет имеет потенциально бесконечное число свойств; но и такой идеальный предмет, как произвольное натуральное число, имеет бесконечно много свойств, определяемых отношениями с другими числами. Эти примеры можно рассмотреть единообразным способом, используя *логические презумпции* [Антаков, 2017: 61–63]. Наш метод позволяет дать одну из возможных реконструкций прагматической истины. Его идея понятна из рассмотрения примеров Пирса.

Для них классическая концепция истины перестаёт действовать. В примере с лошадью истинностной оценке подлежит предложение «лошадь пригодна», которое кажется продавцу истинным, а покупателю – ложным. С каким образцом сравнивать эту лошадь, если образцы разные у покупателя и продавца? Формализуем ситуацию, используя презумпции. Утверждая пригодность лошади, продавец имел в виду *аспект* лошади «здоровый». То, что лошадь была здорова, классически истинно. Отрицая то же предложение, покупатель имел в виду *аспект* «натурального цвета». Классически ложно то, что лошадь не крашена. Конъюнкция ««лошадь здорова» и «лошадь натурального цвета»», представляющая исходное предложение, ложна, поэтому последнее ложно и покупатель прав, *как если бы* он выбрал сильную презумпцию. Дизъюнкция тех же предложений истинна, значит, исходное предложение истинно. Поэтому неявно выбравший слабую презумпцию продавец прав. Он утаил *аспект* предмета, важный покупателю, в чём покупатель усмотрел ложь.

Обратимся к примеру Пирса с числом π . Здесь классическая концепция истины применима с оговорками, так что истинность предложения « π равно $3,14$ » устанавливается сравнением иррационального числа π с рациональным числом $(3,14)$. Что означает такое сравнение, можно оговорить особо. Оно приводит к выводу о ложности предложения. Однако его можно считать истинным и ложным в разных ситуациях, где субъект имеет разные цели. Для этого наряду с точным равенством надо принять приближённое, «ослабленное» равенство. Этого требует ситуация, которую можно назвать прагматической. В одних практических приложениях приближение $3,14$ будет достаточным, в иных – недостаточно точным, приводящим к вредным последствиям. Поэтому предложение « π равно $3,14$ » может быть истинным или ложным с прагматической точки зрения, хотя оно безусловно ложно классически. Так классическая истинность расходится с прагматической.

Покажем формальную близость примеров Пирса, избрав в роли аспектов иррационального числа π некоторые рациональные числа, а в качестве атрибута – «годное рациональное приближение к π ». Тогда мы получим совокупность предложений вида «рациональное число x есть годное приближение к числу π ». Оцениваемое предложение – «число π вычислимо» (пригодно для использования) – аналог предложения «лошадь пригодна». Оно равнозначно предложению «существует такое рациональное x , что $\pi = x$ ». Если какое-то x уже заявлено на роль такого числа, то последнее предложение сводится к предложению « $\pi = x$ », истинность которого требуется оценить. Например, истинно ли, что $\pi = 3,14$? Для ответа обратимся к презумпциям. Предложения « $\pi = x$ » для разных рациональных x из некоторой совокупности объединим в конъюнкцию или дизъюнкцию и оценим истинность полученного конъюнктивного или дизъюнктивного единства. С классической точки зрения, предложение « $\pi = x$ » с любым рациональным x ложно.

Предложение «рациональное x равно π » ложно, если равенство понимается платонически, как точное равенство, но оно возможно истинно (истинно или ложно в зависимости от значения x и цели нашей деятельности), если равенство понимается прагматически. Руководствуясь слабой презумпцией, мы удостоверяемся в истинности дизъюнкции предложений « $\pi = x$ » для рациональных x , реализовав возможность выбора целесообразных приближений числа π , для которых π равно x . Выбрав сильную презумпцию, получим ложную конъюнкцию предложений вида « $\pi = x$ » для всех рациональных x , что означает невычислимость нашего числа. К такому выводу приводит и классическая концепция истины, однако мы уже не смешаем её с прагматической.

Формализацию такого решения можно продолжить, применив метод презумпций к определению отношения равенства. Это фундаментальное логическое отношение привлекается, чтобы задать условия истинности логических предложений. Итак, от предложений вида «рациональное x есть удовлетворительное приближение к π » перейдём к предложениям « π прагматически равно x ». Примем определение: π прагматически равно x если и только если рациональное x есть удовлетворительное приближение π . Отношение прагматического равенства – синоним *приблизительного* равенства и представляет собой известное в математике отношение *толерантности*, удовлетворяющее условиям (аксиомам) рефлексивности и симметричности, как и отношение равенства, но, в отличие от последнего, не удовлетворяющее условию транзитивности. Последнее можно рассматривать как ослабленное отношение равенства. И если с равенством связывается классическая истинность, то с толерантностью – ослабленная классическая, т.е. неклассическая (в нашей интерпретации толерантности – прагматическая) истинность.

Поэтому отношение между классической и прагматической истинами в рассматриваемом случае подобно отношению между определениями классического и прагматического равенств: содержание (совокупность «условий», задающих отношение) первой больше, чем содержание второй, поэтому область действия второй шире, чем область действия первой. Таково формальное обоснование мысли У. Джеймса о том, что прагматическая истина подчиняет классическую. Последняя оказывается в строгом смысле видом прагматической истины.

Литература

1. Антаков С.М. Логические презумпции в основаниях классической логики // Десятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2017 г. М.: Современные тетради, 2017.
2. Peirce, C.S. Truth and Falsity and Error. In J.M. Baldwin (Ed.), Dictionary of Philosophy and Psychology, Vol. II. London: Macmillan and Co, 1902.

ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ: ФЕНОМЕН ЛЕДИ УЭЛБИ

Константин Дмитриевич Скрипник
Южный федеральный университет

В центре внимания находится феномен переписки между учеными, в частности, тот, который может быть назван «феноменом леди Уэлби». Личность

леди Уэлби, ее учение о сигнифике и иные ее идеи не вполне известны в отечественной философии и истории науки. Цель доклада – привлечь внимание к влиянию, которое оказала переписка леди Уэлби на ее собственное научное развитие и на исследования ее корреспондентов. Основанием данного анализа является длительная историческая традиция научной переписки и научного письма как определенного жанра коммуникации ученых.

Ключевые слова: леди Уэлби, научная коммуникация, переписка, сигнифика.

PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC CORRESPONDENCE: THE PHENOMENON OF LADY WELBY

Konstantin D. Skripnik
Southern Federal University

The phenomenon of the correspondence between scholars is in the focus of the paper, in particular what can be named "the phenomenon of Victoria Lady Welby". The Lady Welby's signifiсs, her life and her ideas are unknown in Russian philosophy and history of science. The paper's aim is to pay attention to the influence of Lady Welby's correspondence on her scientific development and on researches of her correspondents. The long historical tradition of letter-writing and the use the form of letter as the specific genre of the communication be-tween scholars is a definite ground of this entertainment.

Keywords: Lady Welby, scientific communication, letter-writing, signifiсs.

Переписка ученых представляет собой явление столь же широко распространенное, сколько и невостребованное и «периферийное». Вместе с тем заведомо понятно, что письма философа или ученого как способ общения с коллегами и непрофессиональными адресатами равно и как форма научного произведения или как дискурсивный жанр должны непременно находиться в фокусе исследовательского интереса историков науки, историков философии, историков идей.

То, что может быть названо «философским эпистолярием», включает в себя по меньшей мере следующие направления исследовательской работы: изучение писем как определенной формы научного произведения; рассмотрение писем как своеобразного дискурсивного жанра, основанного на эксплицитных и/или неявных принципах; письма как способа общения с коллегами или способа обнародования результатов своих размышлений и исследований. Эпистолярное наследие может быть рассмотрено и с точки зрения роли адресатов и адресантов как в «продвижении» переписки и обмена идеями, так и с точки зрения реализации адресатом некоей посреднической миссии. Так, например, в определенный исторический период адресант нескольких мыслителей служил в качестве медиатора и координатора их деятельности, а иногда исполнял ту роль, которую ныне призваны осуществлять научные журналы. С подобной точки зрения роль подобного медиатора может варьироваться в зависимости от его собственного статуса, например, в зависимости от того, является ли он сам членом профессионального научного сообщества (то есть ученым, философом, мыслителем) или выполняет лишь роль носителя информации, распространяющего ее или популяризирующего результаты исследований профессионалов.

Эмпирическая база философского эпистолярия столь значительна и объемна, что здесь возможно обратить внимание лишь на самые, быть может, известные примеры. Важно, что подобные примеры могут быть обнаружены практически на каждом этапе исторического развития философии и науки, хотя, конечно, их количество, значимость и роль диахронически варьируются. Достаточно назвать «Философические письма» П. Чаадаева и «Философские письма» Вольтера, «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле персидскому принцу Джелал-уд-Довле» М.Ахундова, переписку мыслителей эпохи Возрождения, содержательно наполненную переписку Лейбница и Кларка или переписку первого с Ремоном. Одним из самых интересных фактов является тот, что весьма значительную часть своих идей, размышлений и их результатов Декарт изложил в письмах – переписка Декарта сохранилась и опубликована в 8-томном издании.

Вероятно, не будет ошибкой, если в качестве одного из наиболее и известных адресантов и медиаторов научной переписки назовем Марена Мерсенна. В число его регулярных

«контактеров» – личных или эпистолярных – входили такие известные мыслители как Гассенди, Декарт, Роберваль, Ферма, Гоббс, отец и сын Паскаль, Гюйгенс, Галилей и Торичелли. Именно благодаря его деятельности – в немалой степени деятельности эпистолярной – появилось то, что известно как *Académie Parisiensis*, которая иногда среди друзей именовалась *Académie Mersenne*, а в дальнейшем, благодаря усилиям его продолжателей, и *Académie Royale des Sciences*.

Именно в этом контексте представляется интересным обратиться к фигуре Виктории леди Уэлби и ее эпистолярному и научному наследию. Вряд ли можно говорить о достаточной степени ее известности отечественным исследователям в области истории и философии науки и гуманитаристики в целом. В 2017 году исполнилось 180 лет со дня ее рождения, что дает дополнительные резоны обращения к ее жизни, деятельности и творчеству.

К сожалению, в настоящее время можно констатировать, что ее важнейшие и главнейшие работы "*What is Meaning?*" (1903) и "*Significs and Language*" (1911) неизвестны нашему читателю, а если и он слышит о них, то в гораздо меньшей степени, чем о ее переписке – в первую очередь, переписке с Ч. С. Пирсом. В своих работах леди Виктория сформулировала и обосновала новую науку о значении и коммуникации, которую она назвала сигнификой, «изучением природы сигнификации во всех ее формах и отношениях». Влияние ее идей сказалось, несомненно, на исследованиях Огдена и Ричардса, на работах философа и социолога Фердинанда Тённиса и, самое главное, на формировании и деятельности так называемого «сигнификативного движения» в Нидерландах, существовавшего вплоть до середины прошлого века. Совсем недавно А. Пиетаринен [Pietarinen, 2008] обратил внимание на возможную роль сигнифики и ее подхода к языку в формировании аналитической философии.

Немаловажную роль в формировании ранней аналитической философии сыграла переписка леди Уэлби одновременно с Ч. Пирсом и некоторыми другими американскими приверженцами прагматизма, представителями европейского «сигнификативного движения» и кембриджскими философами, включая Б. Рассела, Л. Витгенштейна и Ч. Огдена. Среди тех, с кем Виктория Уэлби находилась в переписке, следует, помимо уже названных, указать на такие известные фамилии как А. Эйнштейн, Ф. Брэдли, Ф. Рамсей, М. Бреал, К. Вильсон, У. Джеймс и многие другие.

Интересным представляется тот факт, что в 1903 году в *The Nations* появляется рецензия, объединившая две книги: "*The Principles of Mathematics*" Б. Рассела и "*What is Meaning?*" Виктории Уэлби. Написана рецензия была Ч. Пирсом. Несмотря на то, что Ч. Пирс достаточно критично отзывался о работе леди Уэлби, переписка между ними [Hardwick, 1977] представляется одним из самых интересных феноменов в истории гуманитарной мысли и, в частности, в истории семиотики. В данной переписке в явном виде проявляется ряд важнейших характеристик феномена эпистолярия: прозрачность и простота, «разговорность» объяснений, повторяемость тем и проблем, возврат и уточнение определений, абрис направлений исследований. Так, в частности, П. Кобли [Cobley, 2009: ix] пишет, что если бы он не познакомился с перепиской между леди Уэлби и Ч. Пирсом, он так никогда не понял бы Ч. Пирса и его семиотики.

В предлагаемом докладе предполагается более подробно раскрыть роль переписки в развитии научных исследований на примере переписки леди Виктории Уэлби со своими современниками, в частности, продемонстрировать влияние высказанных в переписке идей на ход формирования научных исследований как самой Виктории Уэлби, так и ее корреспондентов.

Литература

1. Cobley, P. Foreword // Petrilli, S. *Signifying and Understanding*. – Berlin, De Gruyter Morton, 2009. – 1048 p.
2. Hardwick Ch.S. (ed.) *Semiotics and Significs. The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington and London, Indiana University Press, 1977. – 201 p.
3. Pietarinen, A.-V. *Welby, Peirce and Russell: The Role of Language in Early Analytic Philosophy*. – Riga, 2008. – 39 p.

**ЛЕЧИТЬ ИЛИ НЕ ЛЕЧИТЬ БЕЗНАДЕЖНОГО ПАЦИЕНТА?
АРГУМЕНТ К ДОБРОДЕТЕЛИ ПЛАТОНА VS АРГУМЕНТ К ПАЦИЕНТУ
АРИСТОТЕЛЯ.**

Елена Николаевна Лисанюк

*Доктор философских наук, доцент кафедры логики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.lisanuk@spbu.ru*

Николай Михайлович Воеводин

*Соискатель
Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск
E-mail: nmvoevodin@mail.ru*

Должен ли врач браться за лечение безнадежно больного? Платон и Аристотель ответили бы двояко в зависимости от того, со стороны пациента или со стороны врача рассматривается суть искусства врачевания. Их полярные взгляды представлены в рассуждениях, названных аргументом к добродетели и аргументом к пациенту. Основу аргумента к добродетели составляют нравственные качества врача, а аргумента к пациенту – профессиональная компетентность и добродетель рассудительности. Позиции Платона и Аристотеля обсуждаются в контексте философии здоровья.

Ключевые слова: философия здоровья, аргументация практический силлогизм, Гиппократ, Платон, Аристотель.

**TO TREATOR TO NOT TREAT AN INCURABLE PATIENT:
ARISTOTLE'S ARGUMENT TO PATIENT VS PLATO'S ARGUMENT TO VIRTUE.**

Elena N. Lisanyuk

*Dr. Hab. (doctor filosofskih nauk), docent, department of logic
St. Petersburg State University*

Nikolai M. Voevodin

*Soiskatel'
Novosibirsk State Medical University*

Should physician engage into treatment of those incurably sick? Plato and Aristotle each given two opposite replies to this question, depending on either an argument to virtue which stems from physician's moral properties, or an depending on an argument to patient which relies on physician's professional skills, phronesis and practical syllogism. I discuss those replies in the framework of the public health philosophy.

Keywords: philosophy of health, well-being, argumentation, Hippocrates, Plato, Aristotle, practical syllogism.

«К тем, кто уже побеждены болезнью, медицина не протягивает своей руки, когда достаточно известно, что в данном случае медицина не может помочь», считал [Гиппократ, 1936: 30]. Современная медицина различает два вида пассивной эвтаназии безнадежных пациентов: сильный, когда лечения не назначают, и слабый, когда лечение отменяют. В широком подходе к философии здоровья пассивная эвтаназия входит в предмет ее изучения и исключена в него в узком подходе в силу особенностей определения здоровья человека – главной категории медицинского знания и главной цели деятельности врача.

В узком подходе здоровье – это отсутствие болезни, трактуемой в онтологическом смысле. Здоровье означает отсутствие клинических симптомов деятельности организма за пределами нормы, устанавливаемой относительно болезни как дисбаланса организма и внешней среды. Цель врача в узком подходе сводится к возвращению здоровья, излечению от болезни и возвращению организма к нормальной жизнедеятельности. Узкий подход был распространен в древней медицине, и на современном этапе используется как функциональный

подход в специальных разделах медицины. В широком подходе онтологической категорией выступает здоровье, а за понятием болезни закрепляется функциональная роль. В этом случае центральное место занимает понятие нормы как коррелята здоровья, устанавливаемого на основе совокупности субъективных и объективных особенностей организма человека, а цель деятельности врача – не только возвращение здоровья, но и поддержание жизнедеятельности организма в целом [Анохин, 2006].

В отношении безнадежных пациентов вопрос «лечить или не лечить» имеет два аспекта, связанных с узким и широким подходами в философии медицины. Один из них заключается в том, чтобы относить этот вопрос исключительно к безнадежно больным, но не к людям с пожизненно ограниченными возможностями здоровья, например, слепым или с отклонениями умственного развития. Другой аспект состоит в том, чтобы учитывать моральные качества врача и общественные интересы. Узкий подход подразумевает ответ «не лечить» и решение в пользу сильной пассивной эвтаназии, потому что никакое врачевание не вернет здоровья безнадежному больному. Широкий подход означает «лечить» и решение в пользу слабой пассивной эвтаназии, т.к. возвращение здоровья здесь выступает одной из целей лечения, но не единственной.

Корни узкого подхода к философии медицины и здоровья находим в сочинениях античных ученых, где «цель врачевания – здоровье», по Аристотелю [Никомахова этика II 1094a7]. Для Аристотеля взяться за лечение пациента, о безнадежности которого врачу известно – означает действовать вопреки добродетели рассудительности, коренящейся в верном суждении, основанном на знании, и правильном стремлении к назначенной цели возвращения здоровья, ведь «поступать согласно верному суждению – это общее правило» [Никомахова этика II 1103b35]. Узкий подход символизирует практическое отношение к пониманию здоровья и искусства врачевания, связанное с идеей рационального поступка и практическим рассуждением Аристотеля.

Широкий подход подразумевает решение в пользу слабой пассивной эвтаназии и зиждется на платоновской идее общего блага. В отличие от практического понимания деятельности врача в узком подходе, широкий подход претендует на социальную и моральную объективность в русле целей и ценностей достойных быть основаниями для любой деятельности, включая врачевание. Это касается и профессиональных знаний врача, и его добродетельных качеств, по Платону [Протагор 345 a].

В пользу противоположной позиции – «лечить» говорит рассуждение Аристотеля о том, что «возможно хорошо лечить и таких людей, которые уже не могут выздороветь, ведь дело врачебного искусства заключается не в том, чтобы делать всякого человека здоровым, но в том, чтобы, насколько возможно, приблизиться к этой цели» [Риторика I 1, 1355a.]

В «Никомаховой этике» позиция Аристотеля представляет собой аргумент к пациенту и опирается на тесную связь искусства врачевания в смысле возвращения здоровья и искусства практической аргументации, выражающего рассудительность. Если в практическом рассуждении невозможно установить устойчивую каузальную связь между выздоровлением пациента как целью действий врача и его профессиональными знаниями и умениями, то для врача это означает и невозможность сформулировать верное суждение и правильное стремление в соответствующей линии поведения, что влечет отказ от действия. Иными словами, если врач с учетом состояния пациента не может выстроить линии поведения, достигающей главной цели – его выздоровления, значит, лечение будет unsuccessful, и, зная об этом, браться за заведомо безнадежное дело будет равнозначно тому, чтобы действовать вопреки рассудительности. Так, узкий подход в философии медицины и здоровья ведет к решению в пользу сильной пассивной эвтаназии.

Платонаобычно считают сторонником сильной пассивной эвтаназии и относят к тем, кто отказался бы лечить неизлечимо больного, исходя из идеи общего блага. Главным мотивом отказа Платона является неправильный образ жизни таких пациентов, губительный для них самих. «Жить больному по природе и невоздержному не почиталось полезным ни у них, ни у других; для таких людей не должно быть искусства, таких не надобно лечить, хотя бы они были богаче Мидаса» [Государство 408 В]. По Платону, подобный отказ врача отвечает соображениям общественного блага. «Асклепий, когда людям, по природе и образу жизни, телесно здоровым, и только носящим в себе какую-нибудь болезнь местную, указывал такое врачебное искусство, которое изгоняет недуги лекарствами, либо надсечениями, предписывая вместе с тем обыкновенную диету, чтобы не повредить делам общества, а тела, внутренне и

interpretation of physical knowledge (quantum mechanics) based on the thesis "the world in God." Panentheism should take into account the theological objections (the relation God and the world), philosophical (the possibility of the teleological proof is based on duality) and science (no math models) character.

Keywords: panentheism, theology, dualism, Reality, philosophy of science.

Физики обычно не задаются кантовским вопросом о границах применения разума. Если граница для них существует, то только в той связи, что они изучают мир, который дан в экспериментальной деятельности. Однако у самых пытливых (например, у Ньютона или Эйнштейна) возникал метафизический вопрос о сущности ноуменального мира, т.е. о причине именно таких, а не других экспериментальных данных, и они давали более или менее осознанный ответ по поводу абсолютной Реальности. Ученые-позитивисты XIX – XXI вв. высмеивали эти ответы или, в большинстве, не обращали на них внимания. Но сама потребность хотя бы в вопросе существовала как «фон» исследовательского интереса.

«Виднеющимся на горизонте» Абсолютом и психологическим стремлением к Истине, т.е. всем тем, что было передано еще платоновским «мифом о пещере», можно объяснить саму возможность возвращения теологической проблематики в физическое знание. Сам кантовский (просветительский) идеал Разума, восстанавливающего свою целостность, даёт для этого основание в виде стремления к воссоединению наук, распавшихся во время дисциплинарной революции XIX – XX вв. Богословие хотело бы «перехватить» у естествознания нереализованную тенденцию к реализму, аподактичности и тотальности знания, поскольку пока её реализация самими естествоиспытателями привела только к феноменализму, скептицизму и раздробленности. Как мы показали в своей работе [Мартинкус, 2014: 7–25], философия науки также не может удовлетворить естественнонаучный «голод», поскольку реализует по большей части релятивистские тенденции, полностью непонятные современному физику на фоне его научных успехов. Оставляя в стороне вопрос о возможных последствиях «союза» теологов и ученых обратимся к эпистемологическому аспекту проблемы: может ли теология *действительно* дать что-то принципиально новое для решения естественнонаучных вопросов вообще, и можно ли *рационально* считать панентеистический аргумент о мире как $\psi\omega\chi\acute{\iota}$ Бога значимым для современной физики.

Надо признать верность утверждений тех, кто показывает, что само появление классического естествознания было инспирировано в XVI – XVIII вв. интеллектуальным запросом на «волюнтаристскую» теологию, «служившей оправданием экспериментальных методов» [Брук, 2004: 122]. Но можно ли из *факта* связи естествознания и теологии в период Нового времени сделать вывод о *необходимости* связи? Предлагаем задуматься над *другим* фактом: противоборствующие стороны (критика Ньютоном картезианства, переписка Лейбница и Кларка, критика Беркли ньютонианства) по-разному понимающие соотношенность мира и Бога, взаимно упрекали друг друга в атеизме, материализме, принципиальном непонимании замыслов Творца и т.д. В ходе полемики оказалось, что сформировать однозначное понятие «Бог» невозможно, а потому именно *устранение* этого понятия стало необходимым условием действительного функционирования естествознания в качестве основанных на математике дисциплин. Естествоиспытатели к концу XVIII в. поняли, что нельзя задавать все вопросы. Именно это своеобразное самоограничение зафиксировал Кант. В XIX–XX вв. это самоограничение было продолжено во всех *значимых* для естествознания философских системах, кроме, пожалуй, марксизма. Внешне это выразилось в отказе от вопроса о сущности Реальности.

Здесь надо согласиться с другим фактом: только осознанная постановка метафизического вопроса о Реальности может позволить естествознанию двигаться в обнаружении её *новых* уровней. Особенно ясно это продемонстрировал Д. Холтон в связи с антипозитивистской позицией Эйнштейна [Холтон, 1981: 99сл.]. Но остается вопрос о *возможности* отождествления Бога и Реальности. Некоторые современные теологи склонны к такому отождествлению, развивая теорию панентеизма, которая решает теологическую проблему одновременной трансцендентности и имманентности Бога. Мир как «психика Бога» кажется богословам рациональным объяснением библейского текста: например, одного места из «Деяний апостолов» (17:24–28), при интерпретации которого панентеисты исходят из более или менее буквального понимания [Копейкин, 2014: 90–91].

Не вдаваясь в герменевтические подробности, заметим, что такая трактовка именно этого отрывка (как, впрочем, и многих других), пожалуй, невозможна, поскольку в данном тексте предполагается необнаружимость Бога в мире. Мы же уже обнаружили квантовые эффекты, которые панентеисты трактуют (на предположительной основе, которая, впрочем, граничит с абсолютной достоверностью) как ментальные феномены Творца. Это, во-первых.

Во-вторых, Лейбниц в переписке с Кларком как раз поднимает аналогичную проблему в виде вопроса о ньютоновском понимании мира, как «чувствилища Бога». Как известно, стороны не пришли к взаимопониманию за отсутствием рационального объяснения при таком подходе трансцендентности Бога. В результате Кларку пришлось утверждать метафорическое понимание присутствия у Бога неких органов восприятия и отношение «находиться в». Конечно, панентеисты могут утверждать, что проблема снимается возможностью непосредственного доступа Бога к миру по аналогии с доступом сознания к собственной психике [Копейкин, 2014: 92], но тогда проблема трансцендентности еще более обостряется.

В-третьих, рациональные попытки разгадать тайну мироздания как отношения Бога и мира обычно являются не слишком удачными с точки зрения христианства, поскольку предполагается принципиальная антиномичность (а потому загадочность соединения несоединимого): любая рациональная реконструкция *должна* быть ограничена апофатикой Бога. Даже если все мы живем в божественной психике, всё же цель христианина не в том, чтобы узнать это окончательно, а в том, чтобы организовать свою жизнь на основе идеала христовой смиренной святости в ожидании Грядущего Града.

В-четвертых, рассуждения панентеистов исходят из психофизического дуализма, т.к. психичность Реальности (квантового мира) выводится из факта её нетождественности поведению материальных тел. Поскольку эта дуалистическая предпосылка не совместима с идеалистическим монизмом, постольку лишь очень осторожно им приходится утверждать, что любая материя на низшем уровне является ментальной, предполагая тем самым дуализм свойств. Но без доказательства существования Бога (который должен осуществлять единство психических состояний) такой дуализм вполне совместим с некоторыми формами материализма. И если материализм сталкивается с проблемой объяснения сознания (как свойства материального), то точно такие же трудности (подобные трудностям Лейбница) возникают у панентеистов.

В-пятых, являясь, по сути, современным вариантом физико-телеологического доказательства, панентеизм не обладает какими-то усовершенствованиями по сравнению с аргументом, который рассмотрел Кант. Критика последнего исходила из дуалистической предпосылки, которой придерживаются и панентеисты, а потому все его неутешительные выводы остаются в силе. Занять же недуалистическую позицию (как, например, Гегель или Спиноза) панентеисты не могут, т.к. это выльется в панлогизм или пантеизм, лишённые догматических оснований.

И, наконец, в-шестых. Панентеистам стоит дать последовательный ответ на вопрос: «Каким образом наше знание о Реальности как «психике» Бога можно выразить в математической модели, которая должна предсказывать (хотя бы вероятностным образом) поведение физических, биологических и психологических систем?» Основой математического естествознания является построение моделей, которые либо *проверяемы* опытом, либо имеют *возможность* верификации и фальсификации, либо, на крайний случай, имеют свойство *непротиворечивости*. Именно из моделей последнего типа *иногда* вырастают новые естественнонаучные парадигмы. Но чтобы вырасти, нужно сформулировать *математическую* модель, всё остальное естествознание как науку, насколько нам известно, почти не интересует. И пока такой модели нет, связь теологии и естествознания невозможна, а панентеистический аргумент для физики бесполезен. С другой стороны, как только подобная модель будет сформулирована она придет в противоречие с богословскими догматами, поскольку уже не мир, но Бог будет соотнесен с «мерой, числом и весом». Насколько теология хотела бы *такого* прорыва к божественной Реальности, решать, пожалуй, нужно самим теологам.

Литература

1. Брук Д.Х. Наука и религия: Историческая перспектива. М.: ББИ, 2004. – 352с.
2. Копейкин К., прот. Что есть реальность. Размышляя над произведениями Эрвина Шрёдингера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – 138 с.

3. Мартинкус П.П. Антитетика в естествознании // Преподаватель XXI век. 2014. Т. 1. № 2. С. 7–25.
4. Холтон Д. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. – 383 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ольга Александровна Шапиро

*Доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля
Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского*

С переходом к электронной текстовой культуре научно-популярный текст изменяет свои существенные свойства, все сильнее отдаляясь от текста научного. Эта трансформация связана с изменениями в когнитивной сфере человека в результате формирования клипового сознания. Если эволюция научного текста связана с переходом от аналогии к строгим дедуктивным рассуждениям, то современный научно-популярный текст, напротив, возвращается к аналогиям и метафорам, сближаясь таким образом с текстами античности и одновременно с так называемыми «продающими текстами», сформировавшимися в современной текстовой культуре.

Ключевые слова: научно-популярный текст, текстовая культура, аргументация, рациональность.

TRANSFORMATION OF THE POPULAR SCIENTIFIC TEXT IN THE EPOCH OF ELECTRONIC TEXT CULTURE

Olga A. Shapiro

*Associate Professor of the Philosophy of the Social and Humanitarian Profile Department
Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

With the transition to an electronic text culture, the popular science text changes its essential characteristics, increasingly moving away from the scientific text. This transformation is associated with the transformation of the human cognitive sphere as a result of the clip consciousness formation. If the scientific text developed in the transition from the use of analogy to strict deductive reasoning, then modern popular science text returns to the sphere of analogies and metaphors, thus converging with scientific ancient texts, and with so-called "selling texts", which arose recently in the electronic text culture.

Keywords: popular science text, textual culture, argumentation, rationality.

Современность постулирует в качестве своего ориентира массовую доступность знания. Всеобщее обязательное среднее образование заявляет одной из своих целей формирование научной картины мира. Однако в условиях возникновения так называемого «клипового сознания» этот процесс имеет свои особенности: трансформация когнитивной сферы влечет за собой необходимость смены технологии популяризации научного знания, которая заключается в изменении аргументативных процедур, используемых в научно-популярных текстах.

Нашей целью будет анализ этих изменений. Каким образом в последнее время меняется научно-популярная риторика? Каков прагматический эффект этих изменений? Как это связано с изменением когнитивной сферы человека? Ответы на эти вопросы имеют не только теоретическое значение; они должны стать основанием для формулирования принципов написания современного научно-популярного текста.

Научный текст изначально публичен. При этом публика выступает здесь в качестве подготовленной аудитории – если не экспертов, то, как минимум, широкого образованного сообщества. В этом смысле первыми научными текстами мы, пожалуй, можем считать тексты Анаксагора, дошедшие до нас только в отрывках. Тексты Средних веков и Нового времени

также предполагают определенную подготовку читателя, обращаясь скорее к содружеству соратников.

Эпоха Просвещения принципиально меняет это положение дел. Создавая свою «Энциклопедию, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» Дидро и д'Аламбер обращаются к народу – не к *publica*, но к *populus*. Происходит резкий сдвиг прагматического измерения текста: он должен стать доступным для неподготовленного читателя. В этом смысле мы можем считать «Энциклопедию» первым научно-популярным текстом в современном понимании этого термина. Провозглашаемые французской революцией "Liberté, Égalité, Fraternité" находят здесь свое отражение в равном для всех доступе к знанию. Это же равенство отражается и в идее всеобщего образования, на реализацию которой ушло практически два столетия. XX в., доведший до логического завершения введение всеобщего обучения, поднял на пьедестал научно-популярный текст. В этот период выходит огромное количество научно-популярных журналов, теле- и радиопередач, все они пользуются у своего адресата невероятным успехом, т.е. являются действительно популярными в повседневном смысле этого слова. При этом аргументативная структура научно-популярного текста приближена к научному, тогда как стилистически эти тексты являются более «легкими» – не перегружены терминологией, снабжены простыми пояснениями и примерами и пр.

Таким образом, развитие научно-популярной литературы отвечает общим тенденциям развития научного текста. С. Тулмин в своей работе "Return to reason" пишет, что динамика развития процедур обоснования представляет собой переход от независимой аргументации (характерной для античных текстов) к формальному доказательству, занявшему господствующие позиции в Новое время; причина такого перехода – смена типа рациональности. Эту мысль еще более подробно раскрывает отечественный исследователь С.С. Гусев, который разбивает использование независимой аргументации на два периода – период господства аналогии и метафоры. «Контекст аналогии сменяется контекстом метафоры» и далее движется к силлогизму: рациональность постепенно становится «главной характеристикой научного мышления» [Гусев, 2015: 48]. Возникая позже научного, научно-популярный текст сразу оперирует силлогистическими структурами.

Однако дальнейшая судьба трансформации аргументативных процедур жестко разводит научный и научно-популярный тексты. Научный текст остается строго силлогистическим, и при этом становится все более эзотерическим (в смысле его адресованности узкому кругу квалифицированных специалистов и обращения к ним на языке сложной терминологии) и формализованным (в смысле формулирования жестких требований научных изданий к структуре, объему, стилю изложения и пр.); научно-популярный текст с необходимостью должен отвечать своей задаче доступности широкому кругу читателей, а, следовательно, используемые в нем процедуры должны быть прагматически эффективны для достижения этой цели.

Прагматическая эффективность связана с формированием «клипового сознания», которому способствует современная электронная текстовая культура и виртуальная коммуникация. Тексты, размещенные в Сети, не только имеют больше функциональных возможностей (напр., использование гиперссылок): для них разрабатываются совершенно иные принципы написания, которые объединяются в понятие «продающий текст». Предполагается, что независимо от цели текста (продажи, информирование или др.) все виртуальные тексты должны соответствовать этим принципам, т.к. тексты другого типа среднестатистический пользователь просто не читает. Среди таких принципов – использование коротких абзацев и коротких предложений, маркированных списков, различных шрифтов и иллюстраций; выделение ключевых фраз в тексте, формулирование заголовка как «интригующего вопроса» и/или предложения конечного перечня способов разрешения актуальной проблемы и пр. Если же об аргументативных процедурах, то для таких текстов естественными являются не силлогистические структуры, а аналогии и метафоры – т.е. те типы аргументации, которые С. Тулмин видит как «прошлое» современной науки.

Пока речь идет об эффективных продажах, такое положение дел не вызывает принципиальных опасений или возражений. Однако когда речь заходит о научно-популярных текстах, то здесь все становится намного сложнее.

Сегодня в Интернете функционирует целый ряд ресурсов, позиционирующих себя как научно-популярные (например, PopSci, Sigma, ПостНаука и др.). Тексты, публикующиеся на этих и подобных им ресурсах, в целом соответствуют принципам «продающих текстов». Я

полагаю, что здесь происходит формальная и риторическая «подстройка» под трансформировавшуюся когнитивную сферу человека. Почему клиповость сознания предполагает использование принципов продающих текстов?

Клиповость связана с необходимостью постоянного переключения внимания. Эта потребность формируется еще в детстве ребенка, когда вместо развития произвольного внимания в соответствующем сензитивном периоде современные методики раннего развития сосредоточены на других вопросах – в частности, развитии речи, работе с творческим мышлением и пр. Одновременно этот тип мышления поддерживает использование современных технологий: социальные сети, в которых «российские интернет-пользователи в среднем проводят 6,6 часов в день» [Дружинникова, 2010: 241], представляют собой смену коротких текстов, картинок и видеороликов, которые непрерывно «пролистываются» в течение продолжительного времени. При этом длинные однородные тексты не читаются – отсюда возникают такие Интернет-мемы как «картинка для привлечения внимания». Мозаичность текста ленты социальной сети формирует (или укрепляет) привычку постоянному переключению внимания на разнородные объекты (текст/картинка/видео/опрос и пр.). Продающие тексты учитывают эту необходимость в рекомендациях к оформлению текста (короткие абзацы, использование иллюстраций и т.д.). Но из этой же особенности внимания следует и переход к недедуктивным структурам обоснования! Развитое произвольное внимание является необходимым для того, чтобы адресат смог уследить за ходом дедуктивного рассуждения (особенно полисиллогизма или сорита). Аналогия же и метафора не требуют такой концентрации внимания; более того, поскольку они оперируют более яркими, «осязаемыми» образами они могут выполнять функцию «картинки для привлечения внимания».

Таким образом, формирование клипового сознания в условиях электронной текстовой культуры предполагает трансформацию научно-популярного текста, все большее его отдаление от текста научного и апелляцию к типу рациональности, который традиционно принято считать характерным для Античности и Средневековья.

Литература

1. Гусев С.С. Рациональность: истоки и эволюция // Философские науки. 2015. № 5 С. 42—50.
2. Дружинникова А.С. Социальные сети: современные тенденции и типы пользования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 238–251.

ОБРАЗ НАУКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ

Наталья Ивановна Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения

В статье рассматривается образ науки как гносеологический и социальный феномен, требующий философского осмысления, в том числе в рамках философии науки. Образ науки – это совокупность представлений определенного сообщества о природе и сущности науки, ее месте в социальном развитии. Образ науки, складывающийся в определенной культуре, всегда отличается от реального состояния науки, от философского определения науки и от понимания науки профессиональным сообществом, представляя собой самостоятельный когнитивный конструкт; он включает мифологические, идеологические, религиозные и другие компоненты. В статье выявлен художественный компонент образа науки в российской культуре, сформированный утопической и антиутопической литературной традицией.

Ключевые слова: образ науки, утопия, антиутопия.

THE IMAGE OF SCIENCE IN THE ART DISCOURSE OF RUSSIAN UTOPIA AND DISTOPIA

Natalya I. Martishina
Siberian Transport University

The article identifies an image of science as a special object of philosophical studies. The image of science is the totality of ideas about the science in the consciousness of society. The image of science is always different from the actual status of science, from the philosophical definition of science and from the understanding of science by professional scientists; it includes mythological, religious, ideological and other components. The article examines the artistic component of the image of science and identifies some characteristic features of the representation of science in Russian utopian and dystopian literature.

Keywords: image of science, utopia, dystopia.

Образ науки, формирующийся в культуре определенного сообщества, представляет собой совокупность сложившихся представлений о сущности и специфике науки, направленности научного познания, средствах и методах научных исследований, достижениях и последствиях развития науки, месте науки в социальных процессах и в человеческом бытии. Этот образ отличен от актуального статуса и состояния науки – например, классические стереотипы типа «Наука проверяет все на опыте» сохраняются в массовом сознании и при отказе науки от чисто эмпирических исследовательских программ. Не сводится этот образ и к концепту науки, вырабатываемому в пределах философской рефлексии; более того, он далеко не совпадает и с суждениями о науке самих ученых. Образ науки, характерный для той или иной культуры, включает в себя сложное переплетение представлений, вырабатываемых не только под воздействием трех перечисленных факторов (реальное состояние науки, философский образ науки, «наука ученых»), но и в рамках обыденного, идеологического, религиозного, мифологического, художественного дискурсов. Продвижение государственных проектов и кинематографические картины техногенного апокалипсиса, притязания астрологии или сайентологии, тональность репортажей СМИ и религиозные интерпретации научных идей вносят свой вклад в его формирование. В конечном счете образ науки представляет собой дисперсное, распределенное знание, носителем которого не является ни один из конкретных представителей культуры, но которое тем не менее фиксируется достаточно определенно и заметно отличается в различных культурах. Логика его построения – это «неформальная логика» [Грифцова, 2016], с получением вывода из наложения различных вариантов рассуждения, а не в результате однозначного следования из исходных данных.

Внимание философии науки к складывающемуся в культуре образу науки является целесообразным как минимум по следующим двум соображениям. Во-первых, философский образ науки находится с ним в довольно сложном взаимодействии, с одной стороны, в преобразованном виде, но отражая его характер, с другой – критикуя, уточняя и переопределяя его содержание и таким образом оказывая влияние на социальную позицию науки в культуре. Как отмечают И. Т. Касавин и В. Н. Порус, отношения философии с наукой «входят в социально-культурный контекст современности, пронизываются его содержанием и в свою очередь вызывают изменения в этом контексте» [Касавин, Порус, 2016]; образ науки в культуре и есть то концентрированное выражение социокультурного контекста, которое находится на острие этого взаимодействия. Во-вторых, именно складывающийся в культуре образ науки значительно чаще выступает реальным основанием управленческих решений в сфере научной политики и экономического обеспечения научной деятельности, чем рафинированные философские модели науки, и для их анализа – а тем более попыток коррекции – необходимо адекватное понимание текущего состояния общественных представлений о науке.

В этом плане одним из возможных объектов философского осмысления является воплощение образа науки в художественном дискурсе, который, как правило, выражает складывающиеся в культуре тенденции осмысления социальных реалий в ярком, концентрированном виде. Относительно науки особенно показательны в этом плане утопические и антиутопические произведения, поскольку эти жанры непосредственно направлены на осмысление факторов и тенденций социального развития.

Не ставя перед собой задачу в пределах данного сообщения дать сколько-нибудь полный анализ изображения науки в различных вариантах утопии и антиутопии, обратим внимание на показательную, на наш взгляд, тенденцию в российском художественном дискурсе. Российская утопическая литература XX в. ожидаемо и стандартно сциентична. Периоды подъема утопических ожиданий в обществе исторически координированы с технологическими революциями рубежа XIX–XX вв. и середины XX в, а в российском варианте поддержаны также социальными событиями, формировавшими всеобщую убежденность в близости светлого будущего. Образ идеального общества, основанного прежде всего на высоком развитии науки и техники – это мировая тенденция; но в российском варианте к ней присоединяется относительно самостоятельный мотив, связанный, по-видимому, со статусом науки в российской культуре: периферийным, но устойчивым является в ней отношение к науке как к западному, рационалистическому типу мышления, который не вполне совместим с российским менталитетом и национальным характером и даже опасен для последнего в силу подавления этим типом спонтанности, эмоциональности, чувствительности к ценностям и в конечном счете – духовности. В российских утопиях, от А. А. Богданова до ранних произведений А. Н. и Б. Н. Стругацких, противоречие между магистральной линией научно-технического рационализма и отнесением духовности к сфере иррационального так или иначе разрешено, причем за счет достижения достаточно высокого уровня рационализации социальной жизни в целом и самоконтроля индивидуальных представителей общества: при всем различии идеологии и стилистики указанных произведений, в обоих случаях в них включены эпизоды с подчеркнутым разрешением эмоционально нагруженных ситуаций путем разумных плановых действий.

Не менее примечательно, что современная российская антиутопия в очень значительной (и наиболее интересной, на мой взгляд) части сциентична тоже. Экспансия внеучного знания последних десятилетий, отобразенная в них в качестве формирующей антиутопию тенденции, приводит к полной утрате наукой ее социальной роли, вытеснению ее с необходимых для развития техногенной цивилизации позиций. В романе В. М. Рыбакова [Рыбаков, 2003] место науки заняла паранаука, причем во многом в результате ошибочных властных решений. В романе М. Г. Успенского [Успенский, 2009] наука уступила место собственной превращенной форме, определенной Дж. Раветцом как «научное антрепренерство», характерными чертами которого являются готовность браться, при наличии материально подкрепленных предложений, за любые задачи, проводить исследования быстро и без излишнего педантизма в отношении их качества и подвергать полученные результаты корректировке в соответствии с пожеланиями заказчика. В результате ученые играют немалую роль в описанном в романе активном внедрении в общественное сознание идеи, приведшей к апокалипсису. Иными словами, в обоих случаях потеря наукой своей сущности и статуса приводит к фатальным последствиям. Представляется, что данные опасения достаточно точно отражают текущее состояние современного российского общества, пережившего период активного внедрения пара- и псевдонаучного знания в массовое сознание, в том числе с использованием инструментов коммерческого продвижения.

Философская рефлексия над такими умонастроениями, составляющими базис конструирования образа науки в культуре, позволяет, помимо прочего, точнее расставить акценты в учебном курсе истории и философии науки. Образ науки как «выхолащивающего чувства» знания может быть проблемой для самоидентификации начинающего ученого и требует соответствующего обсуждения. А общественная потребность в поддержке и защите подлинной науки, так отчетливо отразившаяся в художественном дискурсе последнего десятилетия, делает необходимой постановку вопроса о специфике научного знания, методологических и логических параметрах научности в ракурсе достаточно строгой нормативности. Профессиональное обсуждение этих вопросов двигалось в последнее время скорее в направлении утверждения относительности всяческих границ; но формирование позиции начинающего ученого требует, чтобы изначально эти границы все-таки были определены. Иными словами, вклад философии науки в создание образа науки в культуре должен включать, помимо прочего, установление эталонов научности.

Литература

1. Грифцова И. Н. Мысленный эксперимент и логика // Эпистемология и философия науки.

2016. № 3. С. 48–52.

2. Касавин И. Т., Порус В. Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 6–17.

3. Рыбаков В. М. На будущий год в Москве. М.: АСТ, 2003. 349 с.

4. Успенский М. Г. Райская машина. М.: ЭКСМО, 2009. 320 с.

5. Чаликова В. В. Предисловие // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 3–20.

ЯЗЫКОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ И МЫШЛЕНИЯ

Екатерина Васильевна Вострикова

*Научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
Институт философии РАН*

В докладе приводится обсуждение эмпирических свидетельств о том, что языковая вариация является детерминированной конкретными принципами, которым могут быть дедуцированы при соответствующем анализе эмпирических языковых данных. Проводится аргумент о том, что данная структурная детерминированность языковых различий является доводом против релятивистской концепции несводимости языков, как концептуальных схем картины мира, и, тем самым, подрывает релятивистскую аргументацию о зависимости между языком и мышлением.

Ключевые слова: Язык, мышление, познание, языковая вариация, релятивизм, универсализм.

LINGUISTIC VARIATION AND THE UNIVERSALITY OF COGNITION

Ekaterina V. Vostrikova

*Researcher at the sector of social epistemology
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences*

This talk presents a discussion of empirical evidence suggesting that linguistic variation is governed by abstract principles that can be deduced in the course of an analysis of cross-linguistic empirical data. It is argued that this structural determination of linguistic variation constitutes an argument against a relativist conception of incommensurability of languages as conceptual pictures of the world. This argument undermines a relativist argumentation that supports the idea of a dependency between language and cognition.

Keywords: Gognition, language, variation, relativism, universalism.

Современная эпистемология и философия науки, в том числе и в нашей стране, в немалой степени базировалась и продолжает базироваться на идеях релятивизма относительно познавательных практик, сосуществующих внутри современного мультикультурного общественного пространства и выражающихся, главным образом, в языковых различиях между теми, кто эти практики реализует. Данный взгляд на эпистемологию уходит корнями в философию науки второй половины XX века (У.Куайн, Д.Дэвидсон, Т.Кун, П.Фейерабенд и др.), а также в предшествующие ей релятивистские теории в области языкознания, наиболее известной из которых является так называемая гипотеза Сепира-Уорфа, согласно которой различие в языках обуславливает различия в мышлении.

В данном докладе я постараюсь убедить коллег в том, что различия не имеют каких-либо фундаментальных следствий для мышления и, тем самым, представлю абрис аргументации, ориентированной против релятивистской эпистемологии. Центральная часть доклада будет состоять из обсуждения известных фундаментальных структурных сходств между совершенно не связанными друг с другом языками. Целью этого обсуждения будет наглядная демонстрация того, что из факта наличия структурных расхождений между языками не только не следует каких-либо следствий относительно принципов, по которым осуществляется мышление и

познание их носителей, но и то, что эти структурные различия имеют систематические характеристики и общие системные свойства, что говорит о том, даже различия между естественными языками возможны лишь в определенных рамках, которые могут быть строго описаны в терминах ограничений на структурную вариацию.

Таким образом, будут представлены эмпирические свидетельства, получившие в последние десятилетия распространение в лингвистических кругах и, возможно, все еще не известные многим коллегам-философам, указывающие на то, что языковая компетентность людей предполагает возможность структурного описания естественных языков и проведение различия между возможными и невозможными естественными языками. Это, в свою очередь, становится аргументом не только в пользу универалистского понимания языковой природы человека, но и в значительной мере способствует опровержению до сих пор часто делаемых утверждений о взаимозависимости языка и мышления.

В качестве примера того материала, который будет обсуждаться в докладе, упомяну здесь исследование Дж.Гринберга, изучавшего базовые порядки слов различных несвязанных между собой языков и обнаружившего, что, несмотря на варьируемость порядка субъекта, глагола и объекта в разных языках, практически ни в одном естественном языке предложения не начинаются с объекта. (К примеру, в русском языке, базовым порядком является порядок субъект-глагол-объект, тогда как в японском – субъект-объект-глагол, а в ирландском – глагол-субъект-объект). Более того, языки делятся относительно порядка, в котором следуют предлоги и существительные. В таких языках, как английский или русский, предлог предшествует существительному («из лесу»), а в таких языках, как японский, существительное предшествует предлогу (который поэтому называется «послелогом»). Так, Гринберг обнаружил, что в практически подавляющем большинстве языков, если объект следует за глаголом в базовом порядке слов, то предлог предшествует существительному (подобно русскому), а если объект предшествует глаголу, то предлог (точнее послелог) следует за существительным. И срединных вариантов нет или практически нет. Удивительно, но данные закономерности соблюдаются в таких совершенно не связанных друг с другом языках как японский и язык североамериканских индейцев Навахо или английском и эдо (одном из языков Нигерии). Как объяснить присутствие подобных строгих структурных закономерностей в языках, столь далеко разнесенных друг от друга и являющихся языками столь разных по культуре и истории обществ? А подобных универсалий Гринберг насчитал сорок пять.

Я обсужу также и другие эмпирические данные, установленные на межъязыковом материале, а также исследования того, как дети осваивают язык на крайне раннем этапе своей жизни, привели к формулировке Н.Хомским гипотезы об универсальной грамматике, заложенной в сознании всех людей. Универсальная грамматика является общей способностью людей к освоению естественных языков (тех или иных) в силу того, что в ней изначально заложены ограничения на то, какого рода формальные знаковые системы (языки) могут быть освоены ребенком, а какие нет. Примером такого ограничения, например, будет ограничение на возможность начинать предложение с объекта. Такое ограничение относится к синтаксису, но есть и другие семантические, фонологические, морфологические и фонетические ограничения на то, какими могут, а какими не могут быть естественные языки. Более того, помимо общих универсальных ограничений, можно говорить о конкретных параметрах, выделяемых в рамках подобных ограничений. Попросту говоря: если в языке, на котором говорит окружение ребенка, объект следует за глаголом, то в этом же языке послелогов невозможно.

Исследования языковых универсалий многочисленны, равно как и другие основания в пользу универсальной грамматики, и о них можно прочитать в соответствующей литературе. Важно же здесь то, каким образом в современной генеративной лингвистике осуществляется совмещение методологической идеи универсализма (подтверждаемой, как было упомянуто выше, конкретными эмпирическими фактами) и многогранности языковой вариации. Иными словами, приводится аргумент о том, что наблюдаемая вариация в грамматических структурах естественных языков говорит о том, что у все грамматики могут иметь одно общее основание, что является прямым антирелятивистским аргументом.

Лингвисты генеративного направления усматривают те общие структурные составляющие, о существовании которых они знают на основании уже более или менее изученных языков, в языковых данных менее изученных языков. Менее изученные языки, таким образом обогащают представление исследователей о том, каким образом может реализовываться универсальная грамматика, являющаяся, согласно теории, инстинктивной

способностью всех людей. Языковые вариации, тем самым, не размывают общую концептуальную универсалистскую основу, а, наоборот, способствуют ее лучшему изучению. Исследуя различные аспекты универсальной грамматики различных языков, мы составляем лучшее представление о природе языковой способности людей, ее фундаментальных, структурных особенностях.

В докладе будет высказана позиция о том, что погруженность человеческой рациональности в различные конкретные социальные, культурные и исторические обстоятельства, сходным образом, не наносит удар по чистому субъекту познания, а скорее демонстрирует то, какие различные конкретные материальные реализации может обретать этот чистый субъект познания. Разнообразие традиций мышления, различных атрибутов познания и способов генерации и сохранения знания, не размывает рациональность и не является угрозой для общей идеи человеческой рациональности, а наоборот является де факто подтверждением ее способности реализовываться в разных средах и контекстах.

Таким образом, идея плюрализма познавательных практик вовсе не обязательно должна быть тождественна идее релятивизма относительно познания вообще. Познание не обязательно должно редуцироваться к тем конкретным практикам, по которым оно осуществляется в конкретном месте и времени.

РЕАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ РАЗЛИЧИЙ

Петр Сергеевич Куслий

*Научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
Институт философии РАН*

В данном докладе будет показано, что те различия, которые реально сопутствуют языковым различиям между субъектами, оказываются не связанными с их мыслительными способностями. Будет показано, что языковая идентичность изначально является фундаментальной проблемой, а языковые нормы имеют социальное происхождение. Данное обсуждение будет основано на материале современных работ по генеративной лингвистике, а также на ряде социолингвистических исследований.

Ключевые слова: Языковые различия, социальные нормы, язык и познание, когнитивные способности, языковая компетентность.

REALITY AND SIGNIFICANCE OF LANGUAGE DIFFERENCES

Petr S. Kusliy

*Researcher at the sector of social epistemology
Institute of Philosophy, Russian academy of sciences*

In this talk, it will be shown that linguistic variation that exists between speakers of different languages (or dialects of the same language) are not in any significant way connected with the cognitive abilities of the speakers. It will be shown that linguistic identity is a problem in itself and what is known as linguistics norms have a social origin. The discussion presented in the talk will be based on the materials and facts from contemporary generative linguistics as well as on a number of sociolinguistic studies.

Keywords: Social norms, norms of language, language and cognition, linguistics competence.

Современная генеративная лингвистика убедительно показывает, что языковая способность людей, т.е. способность говорить на естественном языке, является автономной и не связанной неразрывной необходимой связью со способностью познавать, мыслить или идентифицировать себя тем или иным способом. Более того, в рамках этой традиции приводятся аргументы о том, что существующая языковая вариация вовсе не означает расхождения в мышлении. Вместе с тем, языковые различия являются фактом, равно как и фактом являются различия в мышлении, поведении, оценках и т.д. В данном выступлении я планирую обсудить те области человеческой деятельности, в которой языковые различия

оказываются важными. Главная задача выступления заключается в том, чтобы показать, что различия в языках зачастую связываются с общественными нормами, которые, по своей природе, являются конвенциональными и ничего не говорят о когнитивных способностях и эпистемических компетенциях субъектов.

Проблема соотношения языковой и политической, ценностной, мировоззренческой идентичности изначально является непростой. В мире существуют достаточно стабильные общества людей, каждое из которых вполне корректно называется обществом, но при этом не в силу языкового признака. Эффективность критерия языковой идентификации для таких образований оказывается под вопросом. Еще совсем недавно существовало единое общество, называвшееся Советским народом, но говорившее при этом на многочисленных языках.

С другой стороны, известны совершенно разные общества, использующие один и тот же язык. Примерами здесь будут Сербия и Хорватия, Индия и Пакистан. Апелляция к общности языка как определяющему признаку общества зачастую оказывается чрезмерно ангажированной политическими, экономическими и культурными мотивами. Так, известно, что в 1995 году на фоне споров о том, является ли македонский язык диалектом болгарского, а сама Македония, соответственно, в той или иной степени частью «болгарского мира», президент Македонии Глигоров, встречаясь со своим болгарским коллегой Желевым, утверждал, что не понимает его и для общения использовал переводчика, тогда как Желев утверждал, что прекрасно понимает своего собеседника и обходился без переводчика. Наконец, сегодня в мире говорят о так называемых «китайских диалектах» и «европейских языках», однако различий между отдельными «диалектами» Китайского зачастую больше, чем между отдельными европейскими «языками».

Но даже если между собой собеседники не ангажированы и утверждают, что понимают друг друга, из этого все равно не следует, что они являются носителями одного языка. Путешествуя из Берлина в Амстердам и покрывая в день по 10-15 километров, мы столкнемся с ситуацией, когда на протяжении всего нашего пути люди, у которых мы будем покупать завтрак, будут прекрасно понимать людей, у которых мы будем покупать ужин, однако, достигнув пункта назначения, мы убедимся, что те, кто нас будет окружать в Амстердаме, будут разительно отличаться от тех, кого мы оставили в Берлине: это будет совершенно другое общество, говорящее на совершенно другом языке.

Таким образом, при более детальном рассмотрении, сложно идентифицировать даже языковую идентичность, не говоря уже о ее соотношении с какими-то более общими установками субъектов.

Вместе с тем, языковые различия часто используются в обществах для сегрегации различных социально-экономических слоев. Так, например, в Нигерии экономически неблагополучные представители нигерийского общества Нембе утверждают, что говорят на одном языке с экономически преуспевающими Калабари, тогда как последние это отрицают. Во многих обществах диалекты, на которых говорит большинство жителей столиц, имеющих университетское образование и власть, зачастую признаются языковой нормой. Диалекты, выходящие за пределы этой нормы по своим фонетическим, синтаксическим или даже лексическим характеристикам, признаются маркированными, а их носители могут подвергаться дискриминации при приеме на работу и прочих подобных ситуациях.

Иллюстративным примером здесь является случай креольского языка Гаити, который сегодня многими считается «ломанным французским» и отношение к которому зачастую является уничижительным не только на бытовательском уровне, но и на уровне государственных и межгосударственных инициатив. Между тем, креольский язык Гаити, действительно, сформировавшийся на основе французского языка, не является пиджином, а представляет собой полноценный язык, обладающий полным арсеналом функциональных терминов (считающимися составляющими универсальной грамматики), этот язык передается от родителей к детям и используется множеством людей в качестве их единственного языка.

В докладе будет показано, что несмотря на реальное существование языковых различий, их влияние на какие-либо фундаментальные различия познавательного характера являются минимальными. Данное обсуждение будет основано на материале эмпирических данных, предлагаемых современной генеративной лингвистикой. Целью этого обсуждения будет в очередной раз подтвердить то, что различия в языках не означают различия в мышлении. В данном случае это будет показано не на основании аргументации о структурной схожести не связанных друг с другом естественных языков, а, наоборот, на основании исследования тех

различий, которые реально сопутствуют языковым различиям и демонстрации их субъективного характера.

ФИЛОСОФИЯ НОРМАТИВНЫХ НАУК

Строение и функции теории в нормативных науках

Игорь Дмитриевич Невважай

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: igornevv@gmail.com

Цель доклада - показать структуру и функции нормативной теории. Для этой цели обсуждаются научные критерии нормативной теории. В нормативном знании критически оценена классическая модель знания. Она является основой конструирования математических и естественнонаучных теорий. Системная организация знания зависит от аристотелевской родо-видовой онтологии. Эта форма организации знания не соответствует человеческой действительности. Синтагма рассматривается как модель описания человеческой реальности.

Ключевые слова: классическая модель знания, нормативное знание, система, синтагма.

STRUCTURE AND FUNCTIONS OF THEORY IN NORMATIVE SCIENCES

Igor D. Nevvazhay

Doctor of science in philosophy, professor, head of philosophy department

Saratov State Law Academy

E-mail: igornevv@gmail.com

The aim of the report is a display a structure and functions of a normative theory. For this aim, the scientific criteria of a normative theory is discussed. In normative knowledge, a classical model of knowledge is critically estimated. It is a foundation of construction of mathematical and natural-science theories. The system organization of knowledge depends on Aristotle's kind-species ontology. This form of organization of knowledge is inadequate to human reality. Syntagma as a model of a description of human reality is discussed.

Keywords: classical model of knowledge, normative knowledge, system, syntagma.

Существует проблема построения теории в нормативных науках. В предлагаемом докладе предпринята попытка интерпретации критериев научности, учитывающая специфику функций научного знания и структурные элементы теории в нормативных науках. Гуманитарные науки в целом формировались позже естественных, и этот процесс протекал на основе заимствования и использования ресурсов естественных наук.

Под *предметностью* научного знания понимается его отнесенность к предмету, существующему независимо от факта знания. В гуманитарных дисциплинах предмет исследования есть результат интерпретации. Поэтому критерий предметности весьма ограничен в своей применимости, если научная теория сама определяет, что существует независимо от факта знания. Не существует так называемых юридических фактов независимо от юридической теории. Следуя дильтеевскому различению “наук о природе”, как наук объясняющих, и “наук о духе”, как наук понимающих, мы должны признать, что предметом гуманитарных наук являются человеческие “произведения”, ибо лишь то становится объектом понимания, что имеет смысл и поэтому подразумевает “автора”. Понимание может быть определено как процедура выявления смысла произведения. Применительно к нормативным наукам мы можем сказать, что их предметом являются воспроизводимые (в отличие от искусства) произведения, к каковым относятся знания, оценки, действия как мыслительные, так и материальные, а также материальные вещи (производство, техника).

Критерий *истинности* – наиболее значимый для любой науки – состоит в утверждении, что знание обладает признаком соответствия объективно существующему предмету. Истинность предполагает предметность знания. Классическая концепция истины неплохо “работает” в естественных науках, так как последние имеют дело с реальностью, которая всегда существует, либо всегда может быть воспроизведена, например, с помощью эксперимента. Что касается нормативных наук, то им адекватна когерентная, прагматическая и семантическая концепции истины.

Объективность как критерий научности, выработанный в естествознании, означает, что содержание знания не зависит от субъекта. Подобная трактовка объективности кажется непригодной для социально-гуманитарного познания, поскольку предмет последнего является человеческая реальность, определяемая сознанием, волей, потребностями человека.

Вопрос о совместимости ценностно ориентированной деятельности людей и объективного ее познания обсуждался многими философами и методологами, но удовлетворительного решения до сих пор мы не имеем. В качестве гипотезы относительно решения обозначенной проблемы можно предложить следующее соображение. Объективность и ценность вполне совместимы, если ориентация на ценности и выбор ценностей от самого человека не будет зависеть – в том смысле, что отказ от ориентации на определенные ценности, отказ от выбора или не предпочтение определенных ценностей ведет к отрицанию человеком собственного существования. Таким образом, выбор ценностей в пользу того, чтобы быть, и является для человека объективным выбором, хотя от нас не зависит то, что мы есть, что мы рождены другими людьми, и что смертны.

Обоснованность. Согласно данному требованию всякое научное знание должно иметь свои основания. Эти основания могут быть как фактическими, так и логическими. Еще в античности считалось, что научным знанием является то, которое может быть доказано. Кроме указанных видов оснований, существуют идеалы и нормы научного исследования, научная картина мира и философское мировоззрение.

Из критерия обоснованности вытекает требование системности научного знания. В современной науке наиболее развитой и сложной формой системной организации знания является научная теория. В самом общем случае ее необходимыми компонентами являются 1) принципы (постулаты, аксиомы), 2) законы и 3) понятия. Указанные три блока образуют структуру научной теории, с которой мы встречаемся в области естественных наук.

Истоки современных представлений о строении научной теории восходят к философии. Аристотелевская модель знания обладает дедуктивно-аксиоматической структурой. Учение Аристотеля о знании основывается на его родовидовой онтологии. Это накладывает существенный отпечаток на его трактовку системности бытия. Теория, которая должна соответствовать такой реальности, строится как система логически субординированных форм.

Практика гуманитарного познания показывает, что гуманитарные теории не имеют дедуктивно-аксиоматической структурой и в них отсутствует такой структурный блок, как законы объективной реальности, так как гуманитарные науки не говорят о том, что с необходимостью происходит в действительности, а говорят лишь о том, что должно, запрещено, или может происходить в действительности.

В силу специфической предметности нормативного знания, критерии *верифицируемости* и *фальсифицируемости* не применимы.

Другой важный вопрос, который необходимо обсудить, это вопрос о специфике таких функций научной теории, как описание, объяснение, предвидение, понимание применительно к нормативному знанию.

Описание есть процедура, отвечающая на вопрос “что?”, есть представление, выражение объекта в определенной знаковой (языковой и понятийной) форме. Объектом описания является не фактически происходящее в жизни человека, а значение определенного поведения. Это значение выражается понятиями должного, разрешенного и запрещенного. Именно посредством этих трех модальностей мы описываем нормативную реальность.

Об объяснении. Если бы мы хотели объяснить фактический конкретный поступок человека, то прибегли бы к законам, которые описывают то, что фактически происходит в действительности. Но таких законов в гуманитарном знании нет. В теории речь идет о логически возможном, которое может реализоваться фактически. В нормативном знании эти логические возможности описываются деонтическими модальностями, которые относятся к сконструированной реальности, к которой и относится гуманитарное знание. Известные

исследователи правовых нормативных систем К.Э. Альчурон и Е.В. Булыгин писали, что нормативное объяснение состоит в том, что мы не спрашиваем, почему X совершил А, но спрашиваем, почему X следует, не должно или можно совершать А. Надлежащим ответом на такой вопрос будет не причинно-следственное объяснение фактов, а выдвижение имеющихся у нас оснований утверждать, что данное действие является обязательным, запрещенным или разрешенным. Если мы хотим объяснить, почему человек должен себя вести в соответствии с данным правилом, то необходимо найти аргументы, почему надо действовать в соответствии именно с этим правилом. Это основание не есть норма, а есть ценность, которая реализуется в данном поступке при соблюдении данного правила. Таким образом, в нормативных науках объясняется не фактическое поведение человека, не то, что происходит в жизни, а необходимость следования в поведении определенным правилам.

Наконец, несколько слов о понимании нормативного поведения. Понимание есть процесс выявления смысла произведения, а в нормативных науках произведение выступает либо в виде текста, либо в виде поступка. Тогда понимание есть выявление смысла лингвистического (речевой акт) или материального предметного действия. Если нам известен субъект (автор) действия, то смысл выражает мотивы, цели, программы действий субъекта (то есть его внутренний мир), направленных на создание или воспроизведение нормативного поступка. Нам важно понять, с чем связаны эти мотивы - с желаниями, прагматическими интересами или с осознанием долга, возможности своей свободы и осознании запрета или невозможности определенного действия. Если же мы рассматриваем поступок, действие как символическое, то важно понять какое значение оно имеет в контексте более широкого поля действий субъекта.

В соответствии с особенностями структуры и функций теории в нормативных науках необходимо поставить вопрос об особой форме организации теоретического знания. Наряду с “системой” в истории философии существовала другая форма организации – “синтагма” (термин заимствован у Р. Эйкена). Термин “синтагма” характеризует упорядоченность и целостность искусственных объектов, прежде всего продуктов познавательной деятельности. Синтагматический способ организации ментальных феноменов, отличный от систематического способа, основан на онтологии, которая не безлично объективна, а подчинена видению человека. Если в системе конечным основанием выступают аксиомы, в которых выражены всеобщие онтологические принципы, то сознание субъекта является конечным смысловым основанием всякой умозрительной синтагмы. В какой форме это может быть выражено в знании? В синтагме присутствие субъекта в познаваемой реальности выражено тем, что знание фиксирует или выражает субъективное отношение к объекту в объективированных формах и, прежде всего, в языковой форме. Вне контекста этих отношений объект не может быть описан. Это отношение может быть изменено, и тогда описываемая реальность также изменяется. Какие же формы знания описывают отношение человека к действительности? Они хорошо известны из области юридического знания. Это принципы, презумпции и фикции. Презумпции и фикции говорят о том, что происходит в правовой реальности, которая есть ни что иное, как совокупность интерпретаций человеческого опыта, поступков, действий. Теория предлагает общие основы таких интерпретаций, она обеспечивает единство интерпретаций. Синтагму можно определить как теоретическую модель видения, “видения” действительности, зафиксированное в презумпциях и фикциях.

ПОНЯТИЕ “РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ” В МЕДИЦИНЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Анна Александровна Карташева
Кандидат философских наук
Уральский федеральный университет
E-mail: anna.kartasheva@gmail.com

Медицинские и фармацевтические компании с каждым годом совершенствуют правовые механизмы защиты новых лекарственных средств и медицинских изделий. Но не исчезает проблема, связанная с соблюдением баланса между интересами общества и интересами собственников интеллектуальных прав. Попытка подойти к данной проблеме с философской точки зрения высвечивает

необходимость и неизбежность компромиссов между двумя группами интересов, так как сосредотачивается на особенностях РИД в области медицинских исследований.

Ключевые слова: результат интеллектуальной деятельности, медицина, знание, право интеллектуальной собственности.

CONCEPT “RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY” IN MEDICINE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Anna A. Kartasheva

Candidat of science in philosophy

Ural federal university

E-mail: anna.kartasheva@gmail.com

Medical and pharmaceutical companies every year to improve legal mechanisms for the protection of new drugs and medical devices. There is still the problem with the balance between the public interest and the interests of owners of intellectual rights. An attempt to approach this problem from a philosophical point of view highlights the necessity and inevitability of compromise between two groups of interests, as the paper focuses on the characteristics of the results of intellectual activity in the field of medical research.

Keywords: results of intellectual activity, medicine, knowledge, intellectual property right.

Законодательство об интеллектуальной собственности оперирует понятием “результат интеллектуальной деятельности” (РИД) для того, чтобы определить нечто неуловимо “новое”, то, что получается в итоге деятельности интеллекта человека.

В медицинской сфере РИД являются новые лекарственные формы, новые медицинские изделия и многие другие объекты [Сергеев, Фарбер, 2014; Замирович, 2014]. С одной стороны, общество заинтересовано в том, чтобы люди могли лечиться эффективно, а лекарства стоили дешево. С другой стороны, производители и фармацевты вкладывают огромные средства в разработку РИД, а именно новых методов лечения и лекарственных препаратов, и ожидают, что в течение какого-то времени они будут монополистами на рынке, получая большой доход, чем могли бы получить несколько фирм, одновременно предлагающих один и тот же продукт. Разнонаправленность этих интересов приводит к тому, что постоянно появляются новые способы правовой охраны или же иначе трактуются старые способы.

Отметим, что РИД в медицине обладают рядом особенностей, одной из которых является их принципиальная полезность. Эти результаты имеют непосредственную практическую ценность, оцениваются с точки зрения эффективности. Такое понимание нового знания характерно в целом для классической науки. Еще Ф. Бэкон акцентирует внимание на концепте полезности: “Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно” [Бэкон, 1978: 82]. Знание как способность к действию, способность осваивать навыки – так переносится акцент с процесса познания на результаты, которые получаются в итоге этого процесса и называются в законодательстве “результаты интеллектуальной деятельности” (РИД).

Как отмечает П. Дракер, до Нового времени “и на Западе, и на Востоке знание всегда соотносилось со сферой бытия, существования. И вдруг почти мгновенно знание начали рассматривать как сферу действия” [Дракер, 1999: 70]. Понимание знания приблизилось к *techné*, понятому как умение, ремесло, дисциплина. При этом, добавляет П. Дракер: “знание сегодня – это информация, имеющая практическую ценность, служащая для получения конкретных результатов. Причем результаты проявляются вне человека – в обществе, экономике или в развитии самого знания” [Дракер, 1999: 99]. Добавим, что РИД в медицине являются ярким примером того, как в превосходную степень возводится “полезность” и “эффективность”. Другими особенностями РИД в медицине является их проверяемость, неэксклюзивность, рецептурность, вариативность и функциональность.

Вернемся к социально-философскому аспекту исследования. Дж. Штиглиц отметил, что существующие ограничения на использование информации медицинского характера не очень хорошо отражаются на жизни людей. “Знания в области медицины можно сравнить с двумя

свечами. Если от одной свечи зажечь другую, это не приведет к угасанию пламени первой. Точно так же и информация медицинского характера, уже применяющаяся некой компанией для выпуска лекарств, могла бы использоваться другими производителями для помощи людям” [Stiglitz, 2006]. Дж. Штиглиц, нобелевский лауреат и профессор Колумбийского университета, специализируется на исследованиях так называемых “рынков с асимметричной информацией”, то есть таких рынков, на которых одни участники обладают большим объемом сведений, чем другие.

Отметим, что запатентованные лекарственные препараты охраняются законом весьма короткое время. К концу срока действия патента цена снижается для пользователей, так как на рынке появляются родовые формы или дженерики (фактически те же самые препараты с такой же рецептурой, но срок действия патентов, на основе которых они были созданы, истек, и технология их изготовления перешла в общественную собственность). Поэтому фармацевтические фирмы стараются сохранить свое преимущество за счет использования товарных знаков, относящихся к отдельным препаратам. Например, только компания “Байер” может изготавливать аспирин “Байер”. Но существуют компании, производящие под другими названиями лекарственные препараты, содержащие те же ингредиенты, что и аспирин, и обладающие тем же эффектом. Кроме того, К.Д. Данишевский упоминает, что получил распространение такой маркетинговый прием как мимикрия [Данишевский, 2004]. В частности, препарат “Бралангин” и по названию, и по упаковке трудно различим с “Баралгином”.

Иногда все участники медицинского сообщества делают все возможное, чтобы некоторые открытия не были запатентованы одним человеком или одной компанией. Так, спонсируемые крупными фармацевтическими компаниями, ученые К. Дж. Венгер и У. Хейзелтайн планировали запатентовать базу генетических данных, созданную с помощью суперкомпьютера. Эти данные содержали бы большое количество генетических последовательностей, так называемых, “слепых рядов”, которые ещё не были изучены и классифицированы. Но после патентования “слепых рядов”, авторам патента могли бы принадлежать легальные права на большую часть знаний, необходимых для манипуляции крупных фармацевтических компаний человеческим геномом. Поэтому фармацевтическая компания Merck в 1994 году профинансировала других ученых из Вашингтонского университета для проведения обширного исследования с условием сделать слепые ряды общественным достоянием и, тем самым, не допустить частного контроля над данными по человеческому геному.

Еще одна проблема в медицине – это традиционное знание. Простейшие хирургические инструменты, препараты растительного, животного и минерального происхождения создавались без патентов и даже без упоминания имен своих создателей [Пыжев, Ионас, 1984: 10]. Проблема традиционного знания в медицине заставляет нас задаться гносеологическими вопросами: Что такое знание? Как происходит познание и создание нового (а именно, использование традиционных знаний для создания современных лекарств)?

Использование трав в медицинских целях часто ассоциируются с генетическими ресурсами, а так как генетические ресурсы существуют в природе и не являются творениями человеческого ума, то они не могут охраняться напрямую как интеллектуальная собственность. Однако они подпадают под действие положений о доступе и совместном пользовании выгодами на основании международных соглашений.

Кроме того, в мировой практике нет согласия о целесообразности представления правовой охраны даже новейшим способам диагностики, профилактики и лечения заболеваний человека. Патентная охрана предоставляется в США, с некоторыми ограничениями в Канаде, Австралии и Японии, в ряде стран СНГ. Наиболее жесткую позицию занимает Европейское патентное ведомство, где не подлежат охране даже способы диагностики заболеваний, если они связаны с манипуляциями на теле человека и требуют участия врача. Данная проблема требует гносеологического исследования.

Еще одной проблемой права интеллектуальной собственности в медицине является патентование лжемедицинских практик, то есть не имеющих научного подтверждения эффективности. Типичными примерами таких патентов могут служить метод биофитотермовоздействия на организм для коррекции его функционального состояния, ряд методов усовершенствования гипербарической оксигенации, аппараты квантовой медицины [Данишевский, 2004]. Таким образом, мы снова выходим в гносеологическую проблематику, так как лжемедицинские практики наполнены интеллектуальной деятельностью человека, но

назвать результаты лжемедицинских исследованиями результатами интеллектуальной деятельности невозможно.

Итак, понятие “результат интеллектуальной деятельности” в медицине можно исследовать как в гносеологическом аспекте, так и в социально-философском. Субъект должен изучить в своем “гносеологическом” отношении к “знанию” социальное отношение “собственности”. В гносеологическом аспекте мы можем сделать вывод, что особенностями РИД в медицине является их полезность, проверяемость, неэксклюзивность, рецептурность, вариативность и функциональность. В социально-философском плане мы исследуем возможности соблюдения баланса между интересами общества, с одной стороны, и фармацевтических компаний, с другой.

Литература

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Ф. Бэкон Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
2. Герцик Ю.Г., Семёнов В.И., Герцик Г.Я. Охрана прав на интеллектуальную собственность как фактор экономического и технологического развития фармацевтической и медицинской промышленности [Электронный документ] // Вестник Росздравнадзора, 2012. № 3. С.64-70. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-prav-na-intellektualnuyu-sobstvennost-kak-faktor-ekonomicheskogo-i-tehnologicheskogo-razvitiya-farmatsevticheskoy-i#ixzz2zmrcbRYL>
3. Замирович К.В. Правовая защита интеллектуальной собственности в медицине // Hi+Med. Высокие технологии в медицине. № 4, 2014.
4. Данишевский К. Д. Интеллектуальная собственность в медицине в России. Открытый институт здоровья населения [Электронный документ] // Доклад ООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2004. С. 80-81. Режим доступа: http://www.isophp.ru/pic/article142/intellect_property_rights_Danishevski.pdf
5. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сборник статей [Текст] / В.А. Дозорцев. М.: Исследов. Центр частного права, Статут, 2005.
6. Дракер П. Посткапиталистическое общество [Текст] / П. Дракер // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С.70-100.
7. Интеллектуальная собственность и традиционные медицинские знания. Справочное резюме № 6. WIPO. [Электронный документ] Режим доступа: http://www.wipo.int/export/sites/www/tk/en/resources/pdf/tk_brief6_ru.pdf
8. Махнева А.В., Карташева А.А. Интеллектуальная собственность [Текст] / А.В. Махнева, А.А. Карташева // Философский словарь по правам человека. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. С.130-137.
9. Пыжев С.В., Ионас В.М. Изобретения в медицине. [Текст] М.: Медицина, 1984. 112 с.
10. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего [Текст] / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под. ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с. – С. 340 – 371.
11. Stiglitz, Joseph E Scrooge and intellectual property rights [Электронный документ] // BMJ, 2006. – Режим доступа: <http://www.bmj.com/content/333/7582/1279>

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ОБЪЕКТА В ОБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОНТОЛОГИИ ГРЭМА ХАРМАНА

Виталий Георгиевич Косыхин

*Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и методологии науки
Саратовский национальный исследовательский университета*

Объект-ориентированная онтология Грэма Хармана, одной из ключевых фигур современного спекулятивного реализма, критически пересматривает понятие объекта познания не только в традиционной эпистемологии, но также в феноменологии, деконструкции и философии науки. Эпистемологический анализ объекта научного познания нацелен на преодоление субъект-объектного

корреляционизма и антропоцентризма. В докладе показывается влияние на возникновение объект ориентированной онтологии Хармана акторно-сетевой теории Бруно Латура, с ее критикой как научного рационализма в целом и эпистемологического конструктивизма, в частности. Особое внимание уделяется полемике в поздних работах Хармана с латуровской концепцией науки как гетерогенной инженерии, трансформирующей объекты научного познания. Рассматриваются также хармановская методология нередуцирующего имматериализма и понятие объектного симбиоза.

Ключевые слова: объект-ориентированная онтология, корреляционизм, акторно-сетевая теория, имматериализм, симбиоз.

THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF AN OBJECT IN THE OBJECT-ORIENTED ONTOLOGY OF GRAHAM HARMAN

Vitaliy G. Kosykhin

*Doctor of philosophy, associate professor,
Head of the Department of philosophy and methodology of science
National Research Saratov State University*

Object-oriented ontology of Graham Harman, one of the key figures of modern speculative realism, critically revises the concept of the object of cognition, not only in traditional epistemology, but also in phenomenology, deconstruction and the philosophy of science. Epistemological analysis of the object of scientific knowledge is aimed at overcoming subject-object correlationism and anthropocentrism. The report shows the influence on the emergence of Harman's object oriented ontology of the actor-network theory of Bruno Latour, with its criticism of both scientific rationalism in general and epistemological constructivism, in particular. Special attention is paid to the controversy in the later works of Harman with the Latour's concept of science as a heterogeneous engineering that transforms the objects of scientific knowledge. Harman's methodology of non-reducing immaterialism and the concept of object symbiosis are also considered.

Keywords: object-oriented ontology, correlationism, actor-network theory, immaterialism, symbiosis.

Грэма Харман начал свой проект объект-ориентированной онтологии уже в первой выпущенной им монографии «Инструмент-бытие Хайдеггера и метафизика объекта» (2002), подвергнув критике феноменологическо-экзистенциальный, то есть так или иначе соотнесенный с субъектом статус объекта в фундаментальной онтологии, с целью освободить объект от его хайдеггерианских качеств. В дальнейших работах он расширяет критику феноменологии за счет объектно-ориентированного переосмысления гуссерлевской феноменологии, очищая объект от его связей с сознанием. Собственно, как пишет Харман, основная проблема нехватки реализма у Гуссерля состоит в том, что «интенциональные объекты ни в коем случае не являются реальными, что подтверждается тем фактом, что мы ненавидим, любим или боимся многих вещей, которых, как часто бывает, вообще не существует» [Харман, 2015. 138]. Объект при этом берется в самом широком смысле слова, от простой материальной вещи до сложных концептуальных объектов и даже объектов вымышленных и фантастических, реальность которых, однако, удостоверяется возможностью их обсуждения как самостоятельно или вне-субъективно существующих. Позицию, постулирующую подобное самостоятельное существование объекта, Харман и именует спекулятивным реализмом, отличая его как от материализма, так и от любых форм идеализма.

Хармана часто обвиняют в недостаточной экспликации того, что же все-таки он имеет в виду под объектом, например Рэй Брасье, полагающий, что в результате хармановского анализа «становится очень сложным сказать, чем же являются объекты, в чем заключается их чтойность при удалении первичной для ее конституирования инстанции сознания» [Brassier, 2015. 68]. Тем не менее, мы считаем возможным прояснить это через анализ эпистемологического статуса объекта у Хармана. Собственно эпистемологический статус объекта в объект-ориентированной онтологии определяется несколькими параметрами. Первый из них связан с попыткой мыслить объекты сами по себе отличным от Канта способом, не проводя деления между вещью-в-себе и

явлением ее сознанию. Вместо этого Харман предлагает рассматривать объект сам по себе и отношения этого объекта с другими объектами, что превращает кантовскую вещь-в-себе в объект познаваемый, хотя и не до конца. Второй эпистемологический параметр состоит в том, что познаваемыми являются именно отношения объекта с окружающим миром или другими объектами. Это познание осуществляется через серийность и ситуационность этих отношений. Например, яблоко, растущее на ветке, упавшее на землю или попавшее в компот является одним и тем же яблоком-в-себе (потенциально содержащим в себе эти возможности), но реально познаваемым через ситуацию своего соотношения с другими объектами. В результате объект-ориентированная онтология говорит о двух типах объектов, реальных и чувственных, что создает поле возможностей эпистемологического анализа объекта как он есть.

Истоки подобного понимания объекта восходят к выдвинутому еще Бруно Латуром требованию не редуцировать объекты к чему-либо еще кроме них самих. Как пишет Харман, «в этом заключена вся философия. Каждый человеческий и нечеловеческий объект теперь становятся на свое место уже как сила, с которой надо считаться. Никакой деятель, каким бы тривиальным он ни был, не отвергается как что-то незначимое по сравнению с его сущностью. Все будет конкретно: все объекты и все виды обращения с ними теперь будут находиться на одинаковом основании» [Harman, 2009. 13].

Однако позже, в своей вышедшей в 2016 году книге «Имматериализм: Объекты и социальная теория» Харман подвергает наряду с материализмом критике акторно-сетевую концепцию Латура, распространяющую реальность объектов на их действия и отношения, поскольку объект не сводится ни к своим составляющим, ни к действиям, им производимым. Имматериализм как альтернатива материализму, идеализму и пост-гуманизму сосредотачивается, согласно Харману на подлинной глубине вещей, где познание имеет дело уже с объектами-симбиозами и открывает многоэтапные циклы их существования.

Литература

1. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. - Пермь, Гиле Пресс, 2015. –152 с.
2. Brassier R. Deleveling: Against 'Flat Ontologies'. // In Channa van Dijk, Eva van der Graaf, Michiel den Haan, Rosa de Jong, Christiaan Roodenburg, Dyane Til & Deva Waal (ed.), Under Influence - Philosophical Festival Drift (2014). Amsterdam: Omnia, 2015. P. 64-80
3. Harman, Graham. Prince of networks : Bruno Latour and metaphysics. Melbourne: re-press, 2009. – 247 p.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТИКИ ДИСКУРСА (КАНТ, ХАБЕРМАС, АПЕЛЬ)

Леонид Иванович Тетюев

*Доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета
Саратовский государственный университет
E-mail: tetjuewl@mail.ru*

В статье анализируются теоретические основы современного проекта рациональной этики, в котором этика дискурса интерпретируется как критическая теория общества и критика морали. И. Кант одним из первых предлагает возможность обобщения норм морали и восприятия этики как трансцендентальной критики морали. Современная этика дискурса получает содержательное определение как логика моральной аргументации в социальной философии Ю. Хабермаса и трансцендентальной прагматике языка К.-О. Апеля. Этика дискурса рождается из реальной необходимости обоснования моральных требований и норм. Этика в качестве критики моральной аргументации связана с дорефлексивным горизонтом жизненного мира, отчего она есть деонтологическая, формалистическая и универсальная этика. Оба проекта этика дискурса представлены как “слабый и сильный” варианты философского трансцендентального идеализма в современной науке.

Ключевые слова: этика дискурса, этика Канта, трансцендентальная прагматика языка, варианты философского трансцендентального идеализма.

THEORETICAL BASES OF ETHICS OF DISCOURSE (KANT, HABERMAS, APEL)

Leonid I. Tetyuev

Doctor of science in philosophy, professor of philosophy department

Saratov state university

E-mail: tetjuewl@mail.ru

The article analyzes the theoretical foundations of the modern project of rational ethics, in which ethics discourse is interpreted as a critical theory of society and a critique of morality. Kant was one of the first offers the possibility of generalization of the rules of ethics and perception of ethics as a transcendental critique of ethics. Contemporary ethics discourse receives substantial definition as a logic of moral argumentation in the social philosophy of Jürgen Habermas and transcendental pragmatics of language of K.-O. Apel. Ethics of discourse is born from a real need of justification of moral requirements and standards. Ethics as moral criticism of the reasoning associated with pre horizon of life-world, why it is deontological, formalistic and universal ethics. Both projects ethics discourse presented as “weak and strong” versions of the transcendental philosophical idealism in modern science.

Keywords: ethics discourse ethics of Kant, the transcendental pragmatics of language, or mod-ern versions of the transcendental philosophical idealism in modern science.

Этика дискурса сформировалась в значительной степени под влиянием “прагматического поворота” и аналитической дискуссии в европейской философии XX века. Она представляет собой своеобразное преломление нескольких современных – трансцендентальных, прагматических и аналитических – тенденций, присущих сегодня философии европейского континента. Этическая мотивация философии имеет глубокую традицию, восходящую, с одной стороны, к сократовской проблематике “праведной жизни”, с другой, к патристической традиции “разумной совести”. Современный философский интерес к практически значимой теории восходит к неокантианской традиции истолкования идеи практического разума. Однако, в отличие от кантовского способа философствования, рационализм сегодняшних дней опирается на скрытую установку “окончательного обоснования” (Letztbegründung), что напоминает, скорее всего, о прежних притязаниях гегелевской философии и его критике моральной философии И. Канта.

В этической инспирации современной философии выделяются главным образом прагматические концепции этики, разработанные в разные годы К.-О. Апелем, В. Кульманном и Ю. Хабермасом. Вместе с тем, в отношении этих трех этических концепций развертывается острая критика как со стороны “критического рационализма” и конструктивистов (Х. Альберт, эрлангенская школа Г. Динглера), так и представителей трансцендентальной направленности в современной философии (Х. Крингс, Г. Шёнрих, К.-Х. Итлинг).

Трансцендентальная концепция К.-О. Апеля является до известной степени современной попыткой поиска соответствующего компромисса между этими двумя противоборствующими партиями. Этот компромисс как раз и достигается посредством постметафизической трансформации кантовской этики и определения этики дискурса как этики ответственности в условиях перехода к постконвенциональной морали [Apel, 1996]. Несмотря на существенные расхождения, в особенности в вопросе о возможности “окончательного основания”, этой же точки зрения придерживается Ю. Хабермас [Habermas, 1988]. Его реконструкция практического разума является своего рода попыткой разрешения возникшего конфликта в социальной философии и философии морали, который наметился наиболее остро в последние десятилетия в связи с широким обсуждением проблем обоснования современных принципов обновления демократического общества и поиска путей его дальнейшей модернизации.

Как видим, проблема выбора исходного принципа в современной философии и этике сохраняет свою актуальность и значимость, особенно в свете рефлексии относительно теоретических оснований кантовской идеи поиска высшего принципа моральности. Открыто наблюдается два философских подхода — один ориентируется на понимание этики, связанной главным образом с принципом свободы воли и вытекающей из этого принципа соответствующей методики изложения основных проблем нравственного сознания и

поведения. Другой подход выстраивает концепцию этической проблематики на основе оформления деятельных способностей разумных существ, выделяя особо аналитическую способность к аргументации и выработке этических правил обоснования коллективного поиска согласия относительно моральных нормативов и предписаний нравственного характера. Кроме того, современное обсуждение обнаруживает скрытое историческое и систематическое измерение, которое преломляется в идее концептуальной реконструкции разума, в частности, в сторону его коммуникативного основания.

Так что ж такое этика дискурса? Можно ли говорить о дискурсивной этике, как это принято в нашей отечественной и англо-американской литературе? Или все же речь идет о разном понимании одного и того же? Попытаемся прояснить эти вопросы.

Для начала определим понятие «дискурса». Основы теории дискурсивного мышления были сформулированы еще И. Кантом в «Критике чистого разума». Теоретическая составляющая дискурсивного мышления непосредственно нашла отражение в трансцендентальной логике. В «Критике чистого разума» в главе «Дедукция чистых рассудочных понятий» Кант дает различение дискурсивной и интуитивной способности познания. Подобное двухсоставное применение разума философ обосновывает тем, что основоположения единства понятий могут быть обоснованы только априори. В одном случае, речь идет о математических понятиях, в другом, – о философских, которые и являются дискурсивными понятиями [Кант, 1994: 11, 426, 428].

Сегодня существует множество определений «дискурса», которые отражают многочисленные теории в философии и в науке. На протяжении двух столетий понятие дискурса многократно обновлялось и переживало трансформации. В XVIII веке понятие дискурса перемещается в область литературоведения, в сферу эстетики и гуманитарных наук. К концу XX века выделяются три основных подхода – лингвистический подход, в котором дискурс отождествляется с понятиями речи, текста, диалога. Этот подход представлен в науке англоязычной семантикой употребления термина дискурс. Второй подход восходит к французской школе дискурс-анализа, структуралистским и постструктуралистским интерпретациям. М. Фуко отождествляет термин дискурс с термином власти, задавая ему модальность политического звучания.

Третий подход определяется немецкой школой, которая продолжает традицию идеализма Канта и развивает этические принципы дискурса в контексте идеальной коммуникации и теории коммуникативного действия. Это направление связано с теориями Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. Философское понимание дискурса определяется социальной и моральной нагруженностью, областью intersubjectivного познания и дискурсивной коммуникации, имеющих в качестве цели критическое обсуждение острых проблем познания, науки, разрешения социальных конфликтов. Практический дискурс ориентирован на принципиальную исходную возможность «снятия конфликта», нахождение консенсуса во взглядах и действиях участников научной и социальной коммуникации.

Как видим, современное философское понимание дискурса делает актуальным на современном этапе классическую теорию познания. Особенно эта тенденция проявляется в школах немецкой философии. Дискуссию последних десятилетий вокруг теории познания поставили под сомнение строгое разделение субъекта и объекта [Тетюев, 2010: 16-17]. Однако существование множества самодостаточных дискурсов в философии и науке, искусстве и религии поставили под вопрос также и его универсальность.

Теория дискурса Ю. Хабермаса нам представляется оригинальной: он считает, что новоевропейская парадигма субъекта и субъективности сегодня уже не полно отвечает задачам и целям общественного развития. В качестве основания им предлагается парадигма intersubjectивности, которая может выступать в качестве практического воплощения общности морального образа мыслей и коммуникативного действий, обеспечивающего возможность взаимодействия субъектов и моральных норм, регулирующих общение в общезначимом для них социальном жизненном мире. Здесь коммуникация и практика играют роль прежней классической теории познания, а язык, речь и дискурс задают культурный и социальный контекст.

Хабермас различает теоретический дискурс, который изучает истинные требования во всех возможных обстоятельствах познания, и практический дискурс, который определяет значимость вопросов нормативного морального обоснования для поиска консенсуса и принятие логически истинных и практически правильных решений. Идею морального обоснования немецкий

философ расширяет до практической теории этики дискурса, которая понимается им как возможность обоснования самой этики, которая определяла бы содержательным образом форму логики моральной аргументации. В теоретическом дискурсе теория аргументации основывается на единичных наблюдениях и всеобщих гипотезах, в практическом дискурсе действует логика моральной аргументации, признается необходимость действия морального принципа [Habermas, 1991: 11].

Этика дискурса принимает во внимание философские вопросы этики, поскольку возникает необходимость обоснования моральных требований и норм. Попытка обосновать этику в форме логики моральной аргументации только тогда будет успешной, считает Хабермас, когда притязания на значимость высказываний, связанные с предписаниями и нормами, будут порождать моральные дилеммы, что оказывается связанным с дорефлексивным горизонтом жизненного мира. Этика дискурса есть “деонтологическая, когнитивистская, формалистическая и универсальная этика” [Хабермас, 2000: 101].

То, что она ориентируется на нормы, делает ее деонтологической. Нормы обладают присущей им значимостью долженствования, и философская этика, в отличие от теории познания, может быть формой особой теории аргументации: критика морали направлена на изменение образа действий или корректировке выносимых о нем суждений. По-справедливости Хабермас считает важным идею правил дискурса, которую он заимствует у К.-О. Апеля, и вносит в свой проект этики дискурса в качестве возможного основания для ситуации, порождающей взаимопонимание. В работе “Этика дискурса: замечания к программе обоснования” философ предлагает достаточно систематическое видение проблемы этики дискурса. В вопросах обоснования его собственный проект существенно отличается от теории этики дискурса К.-О. Апеля [Apel, 1988: 53]. В то время, когда Апель придерживается строгой позиции о возможности и необходимости “последнего обоснования” этики, Хабермас развивает, как принято называть в европейской литературе, “слабый вариант” трансцендентализма.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
2. Тетюев Л.И. Теоретическая философия: проблема познания. Современные дискуссии вокруг теории познания. Саратов, 2010.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
4. Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Das Problem des Übergangs zur postkonventionellen Moral. Frankfurt a. M., 1988.
5. Apel K.-O. Diskursethik als Verantwortungsethik – eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants // Kant in der Diskussion der Moderne. Frankfurt a. M., 1996. S. 326-331.
6. Habermas J. Diskursethik – Notizen zu einem Begründungsprogramm // Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt a. M., 1988. S. 53-125.
7. Habermas J. Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt a. Main, 1991.

ПРАВО В РАКУРСЕ РЕФЛЕКТИВНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ВАЛЮАТИВНЫХ ОСНОВАНИЙ

Светлана Анатольевна Хмелевская

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов
философского факультета*

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

E-mail: xmelevsk@mail.ru

В связи с поиском ответа на вопрос о “новых” философских основаниях права автор предлагает рассмотреть прошлое с точки зрения их эпистемологического статуса. В работе подчеркивается: рефлексивные философские основания, показывая право в его собственной логике его бытия, и валюативные философские основания, которые стремятся понимать закон с точки зрения определенных ценностей. Автор обосновывает идею, что попытки построить философские основания права на основе единственной философии,

преуспеют только в случае, если такая философия будет в состоянии соединить валюативные и рефлексивные подходы к праву, а также выразить общественное согласие по основным ценностям. Однако в настоящее время такой философии, по крайней мере, в российском обществе, не существует. Таким образом, как компромисс, автор предлагает строительство интегральной философии права, соединяя различные типы правового понимания на основе, например, деятельностного или коммуникативного подходов.

Ключевые слова: философские основания права, ценность, рефлексия, деятельность, коммуникация.

LAW IN THE ASPECT OF REFLECTIVE AND THE VALYUATIVE PHILOSOPHICAL BASES

Svetlana A. Khmelevskaya

Doctor of science in philsofpy, professor of philosophy department for natural departments

Moscow state university

E-mail: xmelevsk@mail.ru

In connection with the search of an answer to the question of “new” philosophical foundations of law, the author proposes to consider the past from the point of view of their epis-temological status. Proceeding from this, in the work emphasizes: reflective philosophical foun-dations, revealing the law in its own logic of its being, and valuative philosophical foundations, which aim at understanding law from the perspective of certain values. The author substantiates the idea that attempts to build philosophical foundations of law on the basis of a single philoso-phy, will succeed only in case if such a philosophy will be able to connect valuative and reflec-tive approaches to law, and also to express a public consensus on basic values. However, at the present time such a philosophy, at least in Russian society, does not exist. So as a compromise, the author proposes the construction of an integrative philosophy of law, connecting different types of law-understanding on the basis, for example, of activity or communicative approaches.

Keywords: philosophical bases of law, value, reflection, activity, communication.

Поиски “новых” философских оснований права - проблематика, которая активно обсуждается как среди отечественных теоретиков и философов права [Энциклопедия правоведения., 2013] (что связано, в первую очередь, с прекращением монопольного положения марксисткой философии, в том числе и в философии права), так и среди их зарубежных коллег (поиски ответа на вопрос “что есть право?” так или иначе, требуют осмысления философских оснований права [Познер, 2017]).

Подводя итог многочисленных дискуссий по проблеме философских оснований права, можно обозначить несколько подходов к ее решению: так, выделяются крайние варианты - с одной стороны, позиция, что философские основания для понимания права не нужны вовсе, с другой стороны, в качестве таких оснований может выступать любая философия. Все остальные варианты - промежуточные: например, предлагается вести поиски той единственной философии, которая будет соответствовать собственным современным основаниям права (отсюда, новый всплеск интереса к концепциям естественного права, юридического позитивизма, социологического позитивизма, к постклассической онтологии права и пр. [Постклассическая онтология права, 2016]); сформулировать вариант интегративной философии (причем она может строиться как некое синкретическое образование или на основе какого-то объединяющего начала, способного сплотить вариативные концепции права, такова, в частности, коммуникативная концепция права).

Анализируя указанные подходы, остановимся на том, который акцентирует внимание на поисках философии, способной прийти на смену марксизму и выступить в качестве «новых» философских оснований права. В связи с этим, в первую очередь, следует ответить на вопрос, а возможно ли вообще в рамках единственной философии, сформулировать философские основания права? Представляется, что для решения обозначенной проблемы требуется изменить прежнюю методологию анализа.

Традиционно философские основания права подразделяют на онтологические, гносеологические, аксиологические, логико-методологические, социальные, антропологические основания [Чашин, 2016]. Между тем весьма значима их дифференциация по критерию гносеологического статуса философского знания, на котором строятся подобные основания. Используя методологию, разработанную К.Х. Момджяном применительно к анализу социально-философского знания [Момджян, 2013], выделим среди философских оснований права: рефлексивные философские основания, в которых право осмысливается в собственной логике бытия и в рамках когнитивного сознания, и валуативные философские основания, предполагающие ценностное осмысление права в границах проектного сознания [Хмелевская, 2015]. Подходы к пониманию права с позиций рефлексивных и валуативных философских оснований различны: если в первом случае речь идет о гносеологическом подходе к праву, то во втором случае - о его аксиологическом осмыслении.

Имеющиеся типы правопонимания, так или иначе, базируются либо на рефлексивном, либо на валуативном подходах к праву. Так, юридический, а также социологический позитивизм тяготеют к изучению права как феномена рефлексивной философии, а в концепции естественного права последнее осмысливается в ракурсе определенных ценностей.

Право с позиций рефлексивных философских оснований раскрывается через установление его свойств и состояний в разных проявлениях в действительности, описывается в вариативных связях и отношениях с другими феноменами общественной жизни (политика, мораль, религия и пр.), рассматривается в динамике собственного развития. При этом право, исходя из деятельностного подхода к трактовке общества, предстает как самостоятельный вид социальной регуляции, характеризующийся отличием от иных ее видов и имеющий глубинные причины для своего возникновения и дальнейшей эволюции. Приобретая устойчивую форму воспроизводства в процессе исторического развития, право выступает как социальный институт, имеющий не субстанциональную, а функциональную природу, чье назначение в обществе раскрывается через выполнение определенных функций. Отсюда, определение назначения права в обществе, установление эффективности выполнения возложенных на него функций, рассмотрение как одного из фундаментальных механизмов организации социальной жизни включаются в круг проблем рефлексивных оснований права. В связи с этим можно утверждать, что в рамках рефлексивной философии возможно построение единых философских оснований права, но права как феномена когнитивного сознания.

Однако этого мало, так как право относится к числу социальных феноменов, которые невозможно понять без ценностного осмысления, что реализуется в валуативных философских основаниях права, цель которых дать ценностную интерпретацию права. Как писал П.И.Новгородцев, чтобы быть регулятором, право должно переходить к этике, к учению о должном, и “только здесь совершается необходимое завершение понимания права как нормативного требования” [Новгородцев, 1904: 94]. Именно в рамках валуативных оснований права ставятся и решаются важнейшие мировоззренческие задачи, связанные, в частности, с формированием ценностного консенсуса, который П.И.Новгородцев называл применительно к отечественному праву воплощением русского духа [Новгородцев, 1999].

Право формирует модель должного социального устройства, поэтому соотносится, тем самым, не только с когнитивным, но и проектным сознанием. Право раскрывается как должное, выраженное с помощью деонтических правовых законов-норм. Более того, в самом праве существуют нормы-принципы (справедливость, гуманизм, разумность, добросовестность и пр.) и нормы-идеи, выраженные ценностными суждениями, которыми дается оценка соответствующим общественным отношениям.

Вместе с тем валуативные философские основания не однородны по своей сути, а суждения, которыми оперирует валуативная философия (то есть ценностными суждениями), имеют различную гносеологическую природу. “Мы обязаны различать оценочные суждения ценности, которые представляют собой мнения, отличные от знаний, и в этом качестве не поддаются гносеологической верификации, от оценочных суждений значимости, в которых фиксируются отношения объективной зависимости и взаимовлияния, существующие между людьми и явлениями окружающего нас мира” [Момджян, 2013: 73]. Поэтому среди валуативных философских оснований права, выраженных суждениями значимости, в частности, те, которые: выражают базисные цели правового регулирования, следующие из необходимости обеспечения существования человека, его жизни и здоровья; отражают выбор средств, адекватных поставленным целям.

Валюативные философские основания права выражаются и в суждениях ценности, отражающих предпочтения субъектов права, основанные на свободе выбора. Например, диспозитивные нормы гражданского права предполагают известную самостоятельность субъектов правоотношений в определении их взаимных прав и обязанностей. Кроме того, предпочтения субъектов права выражаются и в целепостановке, что также предполагает некий выбор. “Мы можем рационально обнаружить и обсудить, какие средства подходят к данным целям, но цели нельзя рационально обнаружить или опровергнуть; они представляют собой “результат волевого акта”, выражение “эмоций”, “предпочтений” или отношений к чему-либо” [Харт, 2017: 210].

Выбор того или иного варианта правового решения проблемы, основанного на суждениях ценности, зависит от правосознания субъекта выбора, его моральных принципов, политических пристрастий и пр. Именно через такие суждения право, по сути, соединяется с иными феноменами социальной жизни. Однако здесь скрываются и подводные камни. Отсутствие общезначимости в понимании категорий морали, политической и иной целесообразности создает почву для субъективности, предвзятости, а, в конечном итоге, может вести к принятию сомнительных с точки зрения права решений, размывание границ между правом и неправом.

Поиски единственной философии, которая могла бы стать фундаментом валюативных оснований права, выражающих ценностные предпочтения людей, непродуктивны. Но это не исключает выдвижения на передний план философской концепции, которая лучше других соответствует сложившимся обстоятельствам места и времени (что одновременно не делает ее истинной). Подобная философия отражает лишь определенное соотношение сил в обществе, например, социальный консенсус, закрепленный в основном законе государства (конституции), или борьбу разных социальных групп [Хмелевская, 2015]. С изменением подобного соотношения сил изменяются и валюативные философские основания права.

Таким образом, философия, способная выступить в качестве философских оснований права, должна соединить в себе рефлексивные и валюативные подходы к праву, и выражать консенсус в обществе относительно базовых ценностей (во всяком случае, это касается, в первую очередь, современных демократических обществ). Однако в настоящее время такой философии, по крайней мере, в российском обществе не существует. В связи с этим как компромиссный вариант возможно в качестве философских оснований права предложить некую интегральную философию, но построенную не на синкретической основе, а на едином основании, например, на базе деятельностного или коммуникативного подходов.

Литература

1. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Моск. ун-та, 2013. С.52-125.
2. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М.: Типография Вильде, 1904.
3. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права. Антология / Сальников В.П.; Сост.: Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников М.В. 2-е изд., доп. СПб.: Алетейя, 1999.
4. Познер Р.А. Рубежи теории права. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
5. Постклассическая онтология права: монография /под ред. И.Л.Честнова. СПб.: Алетейя, 2016.
6. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // В кн. Харт Г.Л.А. Философия и язык права /Сост. и ред.: Оглезнев В.В., Суворцев В.А. М.: Канон+, 2017.
7. Хмелевская С.А. Нормативизм в теории права: многообразие аспектов // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №1. С.45-50.
8. Чашин А.Н. Философские основания права. М.: Дело и сервис, 2016.
9. Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С.Нерсесянца / отв. ред. В.Г.Графский. М.: Норма, 2013.

ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС (ИДЕИ К ТОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ)¹³

Елена Анатольевна Шенцева

*Кандидат философских наук, сотрудник кафедры философии
Новосибирский государственный технический университет
E-mail: metaphysica7@yandex.ru*

На рубеже веков в гуманитарных науках появляется новое направление исследования, которое может быть определено как топологический дискурс. Текст сосредотачивает внимание на перспективах исследования как схемы для (социальной) философии. Топология дает чрезвычайно производительный импульс социо-философскому исследованию описанием свойств объектов и мест, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях. Главная идея топологической философии - присутствие как оппозиция виртуальному не-бытию, как активное сопротивление угрожающему умножению призраков и симулякров.

Ключевые слова: топос, дискурс, философия.

TOPOLOGICAL DISCOURSE (IDEAS FOR TOPOLOGICAL PHILOSOPHY)

Elena A. Shentseva

*Candidate of science in philosophy, Department of Philosophy
Novosibirsk State Technical University
E-mail: metaphysica7@yandex.ru*

At the turn of the century a new research direction appears in the humanities, which can be defined as a topological discourse. The text focuses attention on the research perspectives as outlines for (social) philosophy. The topology gives an extremely productive impulse to socio-philosophical research by the description of the properties of objects and spaces that remain unchanged under continuous deformations. The main idea of topological philosophy is the presence as an opposition to virtual non-being, as an active resistance to the threatening multiplication of shadows and simulacra.

Keywords: topos, discourse, philosophy.

Топологический дискурс объединяет сегодня (зачастую чисто внешне) неизмеримое поле эпистемологически пестрых исследований, находящихся на разной теоретической глубине и претендующих на более или менее новаторский уровень осмысления.

Единственно общим – и пока лишь об этом можно говорить с полной уверенностью – является собственно слово *топология* и его производные, а также осознание значимости и повышение исследовательского внимания к вещи не только мыслящей (*res cogitans*), но и к вещи протяженной (*res extensa*).

Топологический дискурс, спровоцированный “поворотом к материальному” (В. Вахштайн) – а еще ранее, обращенностью к феномену телесности и его многоаспектными теоретическими разработками – нашел отражение, в том числе, в версии акторно-сетевой теории – как в ее французской, так и ланкастерской вариациях. В последней особая роль принадлежит концепции Джона Ло с его идеей о *топологически множественных объектах*. Автор говорит о различных формах пространств («пространственностей»). В первом случае («регионы») понимается место *географическое*, во втором – *сетевое*, то есть то, которое конституируется отношениями; в третьем – *пространство потоков*, где условием существования объекта является изменчивость, нестабильность [Ло, 2006: 37].

Полагая, что некоторые положения топологии могут продуктивно работать в иных, отличных от математических дисциплин сферах, автор выдвигает весьма продуктивную гипотезу о том, “топология создает пространства посредством установления правил», правила же дают ответ на вопрос “что именно следует считать гомеоморфным объектом?” Главная идея

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00087 “Социальная сеть: топологическая интерпретация социальной реальности”.

состоит в том, что “число возможных правил (и, соответственно, возможных пространств) не ограничено” [Ло, 2006: 40–41].

Топологический дискурс, проделав увлекательное интеллектуальное путешествие, напитавшись идеей множества пространств и, соответственно, топологий, уходит от избытка материального (именно от избытка, не игнорируя его значимости) и начинает работать с объектами, точнее сказать, с вещами в их аристотелевском понимании, которые, представляют собой соединение субстанции (того, чему требуется место) и формы (того, что позволяет субстанции быть воспринимаемой). “Подобная концепция вещи избегает резко различать чисто духовное и чисто материальное...” [Гумбрехт, 2006: 88].

Топологическая идея обнаружения и изучения свойств объектов и (или) пространств, которые остаются неизменными при непрерывных деформациях, оказалась чрезвычайно востребованной.

Небезынтересно отметить, что многочисленные теории текста (в частности, продуктивное и творчески перспективное понимание текста Ю.М. Лотманом как “методологического поля”) в основе своей имеют глубочайшие коннотации с главным тезисом топологии – “текст остается собой, несмотря на обилие интерпретаций”, где текст есть некое пространство, объект, топос, а процедура интерпретации – изменение текста, то есть, “внесение и вынесение смысла”, определенное соотношение объективного и субъективного, контрапункты понятий “множество свобод” (М.М. Бахтин) и “ось смысла” (Ю.Б. Борев) и т. д. и т. п. Более того, именно интерпретации (на языке топологии – деформации) дают возможность тексту пребывать, состояться в социокультурном пространстве. В связи с этим весьма показателен пример, который приводит Ло. Речь идет о функционировании технического устройства, которое возможно лишь и исключительно в случае его постоянных изменений и трансформаций. Данный пример практически совпадает с описанием процедуры интерпретации текста вплоть до отказа автора от собственно авторства [Ло, 2006: 37–39]. Подчеркнем, пафос состоит в том, что данный объект каждый раз создается заново, для того, чтобы быть, объект должен постоянно меняться, иначе он не будет работать; однако, принципиально то, что данный объект может получить адекватное описание лишь в той топологической системе, которая имеет, в отличие от евклидовой и сетевой, другие представления о гомеоморфизме и разрушении.

Изложенное вполне может свидетельствовать о ситуации, когда некая идея, витая в мыслительном пространстве, находит выход в различных исследовательских контекстах, с другой стороны – о не случайности столь активного интереса к методологическим возможностям топологии.

Ревизия и систематизация исследований, которые объединяются интересом к топологической проблематике, безусловно, назрели. Однако в настоящий момент фокусируется внимание на некоторых импульсах, которые задают топологический дискурс тех исследовательских перспектива, которые он собственно намечает для (социальной) философии. Более того, речь идет не только о топологическом дискурсе в рамках социальной философии, но, возможно, в более или менее отдаленном будущем о позиционировании *философской топологии* как новом направлении современной философской мысли.

Происходит концептуализация объекта, который может иметь различную природу, топология работает с объектами, которые могут быть описаны как пересечение различных (потенциально бесконечно их количество) пространств, в версии Ло, например, это физическое (евклидово), сетевое и пространство потоков.

В связи с последним отметим – не случайно греческая мысль закладывает характеристику движения в дескрипцию топоса, и это не просто какое-то вялое, аморфное движение, но – подчеркнем! – устремленность “к собственному месту” (по Аристотелю).

Суть дальнейшего теоретизирования, заданного таким образом понимаемой *философской топологией*, состоит в обнаружении новых пространств, которые расширяют видение того или иного объекта, или скажем иначе, которые помогают обнаружить некоторые грани, невидимые ранее, но могущие играть значительную роль в жизни данного объекта, имеющие подчас, ключевое значение для его понимания. К тому же процесс теоретизирования позволяет включать (во всяком случае, не исключать) те нерациональные пласты, которые присутствуют в философском мышлении, на, скажем так, более законных основаниях. Поясним, что имеется в виду. Если объект философского исследования представляет собой пересечение множества пространств, то потенциально, одно или более этих пространств может иметь весьма “тонкую”

природу, в том числе такую, для описания которой еще не продуман понятийный аппарат. Не можем ведь мы полагать, что в жизни человека, общества, мира имеет значение только то, что может быть описано. Совершенно очевидно, что это сужает наше видение. Нельзя не признать и то, что зачастую описание пытается быть точным ценой “искажения ради ясности представления” [Ло, 2015: 13]. Таким образом, как это ни парадоксально, топологический дискурс органично включает в себя элементы недискурсивных практик.

Топологический дискурс – это интерес не только к дискурсу (в том числе, к рассуждениям о бытии), но и к бытию, не только к *мета-*, к тому, что по ту сторону материального, но, по *к присутствию* [Гумбрехт, 2006: 35]. Вместе с тем, речь не идет о преодолении метафизики, но *И–И*; исключается категоричное противопоставление, условно говоря, возвышенного и земного, скорее это попытка установления их взаимосвязи; если и не устранение разрыва, то поиск мест, топосов, где эта взаимосвязь потенциально способна осуществиться.

Безусловно, существует опасность *невызревания* новых идей, которая подстерегает все пытающееся быть, состояться. Это очень важная тема для философского продумывания, в том числе, ввиду своей парадоксальности: с одной стороны, колоссальные прорывы в науке, производство все нового и новейшего, с другой, – речь о недоосуществлении.

Главная этическая идея *топологической философии* может быть выражена следующим образом. Топос – как одно из ключевых понятий – фиксирует внимание на *бытии*, удаче пребыть, состояться. Знаменитой фразе “человек исчезает, как след, начертанный на прибрежном песке” [Фуко, 1994: 396], оппонирует “человек, который не согласен уходить” [Мадзарелла web]. Иначе говоря, речь можно и должно вести о производстве присутствия (воспользуемся названием концепции Х. Гумбрехта). То есть, о производстве топосов (человека, общества, философии, науки, искусства и т. д.), о “производстве присутствия” как деятельном и деятельностном сопротивлении угрожающему нарастанию мира теней и симулякров. Один из аспектов, а именно: производство топоса человека (который не собирается уходить!) обнаруживает весьма определенную взаимосвязь с одной из сложнейших проблем современности – в самом общем виде обозначаемой как НБИК(С)- технологии.

Одна из важнейших интенций топологического дискурса – это возможность помыслить место собственно философии среди других “вещей”, рассматривая *топос философии* сквозь призму разных пространств(енностей), следовательно, с позиций разных топологий. Это идея задает все дальнейшие линии рассуждений, поисков, целей, задач и т. д. А *топологическая философия* уже позиционируется как философское направление, определяющее вектор понимания подлинного места людей, вещей и идей.

Литература

1. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М., 2006.
2. Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Том 5. № 1. С. 30–42.
3. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.
4. Мадзарелла Э. Будущее и эволюция. Человек, который не согласен уходить. URL: [https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2015_8\(4\)/47-67.pdf](https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2015_8(4)/47-67.pdf) (дата обращения: 13.07.2016).
5. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

Первый Конгресс Русского общества истории
и философии науки
«История и философия науки в эпоху перемен»

Том 5

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление - И.Т. Касавин, Т.Д. Соколова,
Н.С. Автономова, И.Н. Грифцова, М.С. Киселева,
И.Д. Невважай, И.Е. Сироткина, Г.В. Сороина, Л.Б. Сукина.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 30.07.2018

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 12,2.

Объем данных - 2,2 Мбайт

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»
105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6041212-4-5

9 785604 121245